

ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Чудакова Наиля Муллахметовна

**Концептуальная область «Неживая природа»
как источник метафорической экспансии
в дискурсе российских средств массовой информации
(2000 – 2004 гг.)**

10. 02. 01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А. П. Чудинов

Екатеринбург – 2005

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы когнитивного исследования метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа»	14
1. 1. Проблемы выделения и категоризации концептуальной области «Неживая природа»	14
1. 2. Когнитивные основы исследования концептуальной области «Неживая природа»	31
1. 3. Семантический и когнитивный подходы к изучению метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа»	41
Выводы по первой главе	60
Глава 2. Концептуальная сфера «Земной шар» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг.	63
2. 1. Фрейм «Земля»	63
2. 2. Фрейм «Вода»	90
2. 3. Фрейм «Стихийные бедствия»	111
Выводы по второй главе	119
Глава 3. Концептуальная сфера «Атмосфера» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг.	122
3. 1. Фрейм «Газовая оболочка Земли»	126
3. 2. Фрейм «Климат и погода»	129
3. 3. Фрейм «Метеоусловия»	139
3. 4. Фрейм «Времена года»	155
Выводы по третьей главе	158

Глава 4. Взаимодействие метафорических моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в российских средствах массовой информации 2000-2004 гг.	160
4. 1. Взаимодействие между метафорическими моделями, созданными на базе различных концептуальных областей-источников	163
4. 2. Взаимодействие между метафорическими моделями, созданными на базе концептуальной области-источника «Неживая природа»	171
4. 3. Взаимодействие доминирующей метафорической модели с концептуальной областью-источником «Неживая природа» с визуальной частью креолизованного текста	178
Выводы по четвертой главе	193
Заключение	195
Литература	202
Словари и справочники	216
Список источников	218
Приложение 1. Схемы и диаграммы ко второй и третьей главам	219
Приложение 2. Креолизованные тексты и другие материалы к четвертой главе	237
Приложение 3. Концептуальная сфера «Космос» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг.	265

ВВЕДЕНИЕ

Изменения, произошедшие в российском обществе за последние десятилетия, обусловили появление целого ряда лингвосоциальных и лингвокультурологических исследований, главной целью которых стало изучение политического дискурса (А. Н. Баранов 1997, 2001; В. И. Воробьева 2000; В. З. Демьянков 2002; М. Р. Желтухина 2000; О. С. Иссерс 1999; М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова 2003; И. М. Кобозева 2001; Н. А. Купина 1995, 2000, 2003; Э. А. Лазарева 2003; Э. Лассан 1995; Методология исследований политического дискурса 1998; П. Б. Паршин 2001; А. А. Романов 2002; Слово в действии: интент-анализ политического дискурса 2000; А. В. Степаненко 2001; В. Н. Степанов 2003; А. П. Чудинов 2000, 2003; Е. И. Шейгал 1999, 2000 и др.). Особую роль в бытии политического дискурса играет дискурс средств массовой информации, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации. Исследователи особо подчеркивают тот факт, что именно журналисты способствуют формированию общественного мнения (И. Т. Вепрева 2002; С. И. Виноградов 1993, 1994, 1999; М. Р. Желтухина 2003; Е. В. Какорина. 2000; В. Г. Костомаров 1999; Э. А. Лазарева 1989, 1993, 2001; Л. М. Майданова 1987, 1997; Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации 1990; Э. В. Чепкина 2000; Е. А. Юрковская 2001 и др.).

Спектр проблем, решаемых исследователями дискурса СМИ, выходит за рамки традиционной лингвистики и оказывается связанным с понятием русской ментальности, культурологическими характеристиками современного российского общества, особенностями межличностного общения в изменяющемся социуме, национальной идеей и др. Постижение психических ресурсов человеческого сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека, становится возможным через анализ концептов. В современной лингвистической науке можно обозначить два основных направления, в рамках которых происходит осмысление данного понятия, – *когнитивное* и *концепту-*

ально-культурологическое. Согласно *когнитивному* подходу, концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга. *Концептуально-культурологический* подход рассматривает концепты в качестве ментальных сущностей, которые прежде всего несут на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры.

В когнитивной лингвистике существуют различные способы описания концептов, что объясняется не только новизной понятия и отсутствием единых схем описания, но и тем, что «концепт для человека не может быть ни дефиницией, ни набором некоторых признаков, он – живое знание, динамическое функциональное образование, продукт переработки вербального и невербального опыта» [Маслова 2004: 70]. Ведущую роль в исследовании концептов занимает метафорический анализ. Современные когнитологи отказались от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», один из способов украшения речи, а также от присущей структурализму ориентации на изучение собственно языковых закономерностей метафоризации. Метафора постулируется в качестве фундаментальной когнитивной операции, она играет основополагающую роль в концептуализации действительности, то есть в организации, обобщении человеческого опыта, восприятия мира.

В настоящей диссертации метафоры, используемые в российских средствах массовой информации 2000 – 2004 гг., анализируются с позиций теории метафорического моделирования действительности – относительно нового научного направления, которое стало развиваться в рамках когнитивной лингвистики в конце XX века (Дж. Лакофф, М. Джонсон 19987, 1990; А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов 1991, 1994; А. В. Степаненко 2001; Ю. Б. Феденева 1997; А. П. Чудинов 1999, 2000, 2003 и др.). Описание метафорической модели предполагает обращение к области-источнику метафорической экспансии, содержащей систему исходных, первичных концептов, из которых затем развиваются концепты культурные. Несомненная связь идеографически организованных языковых выражений с концептуальной системой позволяет представить идео-

графическую организацию в качестве концептуальной модели, содержащей все знания и весь ценностный опыт, накопленный русской нацией. Исследование концептуального устройства области-источника «Неживая природа», а также анализ метафорических концептов позволит получить достоверную информацию о материальной и духовной самобытности русского этноса.

Когнитологи говорят об изменчивости окружающего мира, которая влечет за собой динамичность процессов мышления и восприятия: «Мир меняется, а потому меняются и наши когниции мира, и модусы самопонимания. Вот почему мы пользуемся не заранее расфасованными данными, а какой-то пока еще не вполне ясной их организацией, позволяющей применять знание в новых контекстах и генерировать новое знание» [Демьянков 1994: 25]. Подобные процессы динамизма, открытости системы свойственны и метафорическим моделям. А. П. Чудинов подчеркивает, что, отражая изменение политической ситуации, «политическая реальность рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели» [Чудинов 2001: 18]. Смена метафорической парадигмы в нашей стране обычно совпадает с приходом к власти нового политического лидера, поэтому важно подчеркнуть, что избранный для исследования период не только знаменует собой начало нового века, но и совпадает со временем работы действующего президента российского государства.

Концептуальные метафоры не просто отражают существующее общественное сознание, а предлагают выход из сложных ситуаций, настраивают на определенный тип поведения, способны влиять на процесс принятия решений (Н.Д.Арутюнова, А. Н. Баранов, О. П. Ермакова, Ю. Н. Караулов, В. Клемперер, И. М. Кобозева, Н. А. Кузьмина, В. В. Петров, А.Б. Ряпосова, Т. Г. Скребцова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, G. Fauconnier, G. Lakoff, M. Turner и др.). Например, по наблюдениям А. Н. Баранова, для общественного сознания России до 1917 года был характерен органистический способ мышления (в политической речи активно использовались метафоры, восходящие к понятийным полям

«Мир растений», «Мир животных», «Человек»), который был «заметно потеснен в советскую эпоху механистическим, рациональным способом метафорического осмысления политической реальности (метафоры машины, мотора, строительства)» [Баранов 1991: 190]. В постсоветский период доминирующими стали метафорические модели с концептуальными векторами жестокости и агрессивности (военные и криминальные метафоры), отклонения от естественного порядка вещей (морбиальные метафоры), неправдоподобия происходящего (театральные метафоры).

В дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг. наблюдается, с одной стороны, меньшая частотность столь активных в предшествующее десятилетие милитарных, криминальных и морбиальных образов, а с другой стороны, значительная активизация метафор, восходящих к миру природы, в том числе к таким важным для русской цивилизации концептам, как ЗЕМЛЯ, ПОЧВА, РЕКА ВОЗДУХ, КАМЕНЬ, СОЛНЦЕ и др. В современной прессе все чаще встречаются выражения типа *политико-идеологический ландшафт*, *жесткое русло закона*, *финансовая река*, *суровая российская почва* и т. д. Тенденцию к увеличению доли природных метафор в дискурсе СМИ можно в некоторой степени объяснить предпринимаемыми властью попытками изменить общественное сознание, стремлением журналистов большинства демократических изданий снизить значимость военных и криминальных метафор. «Наше общество больше всего нуждается в милосердии, в мире, в залечивании ран, в оздоровлении правопорядка, в возвращении к нормальным нравственным и духовным ценностям», – пишет «Новая газета». Укажем, что до настоящего времени природные метафоры не были предметом специального монографического исследования в дискурсе российских средств массовой информации.

Актуальность настоящего исследования связана с тем, что оно выполнено в русле одного из перспективных направлений современной когнитивной семантики – теории концептуальной метафоры. Комплексная характеристика современной русской метафоры с концептуальной областью-источником «Неживая природа» (по материалам прессы) поможет выявить закономерности метафорического представления социальной картины мира с учетом особенностей

национального менталитета и специфики конкретного исторического периода. Система метафор ярко отражает социальное самосознание, и поэтому важно своевременно обнаружить и зафиксировать все новые явления в метафорическом представлении мира, характерном для современных российских средств массовой информации.

Объектом нашего исследования стали метафоры с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в дискурсе российских средств массовой информации, представленные в публикациях 2000 – 2004 гг.

Предмет исследования – специфика использования и прагматический потенциал метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в текстах современных российских средств массовой информации.

Цель настоящей диссертации – исследование метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа» (выявление, классификация, описание моделей, анализ закономерностей функционирования и прагматического потенциала) в дискурсе современных российских средств массовой информации.

Для достижения указанной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- определить теоретическую базу и методику исследования;
- отобрать и систематизировать текстовый материал, в котором используются метафоры с концептуальной областью-источником «Неживая природа»;
- дать характеристику выявленных сфер-источников метафорической экспансии, определить доминирующие сферы-источники метафорической экспансии и установить их частотность;
- выделить, описать и классифицировать метафоры с источниковой концептуальной областью «Неживая природа», охарактеризовать фреймово-слотовую структуру и установить прагматический потенциал метафорических выражений;
- выявить особенности использования рассматриваемых метафор в текстах современных российских средств массовой информации;
- проанализировать закономерности развертывания метафорических моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в конкретных текстах, в том числе в семиотически осложненных креолизованных текстах.

Методологической базой исследования послужили основные положения теории метафорического моделирования действительности (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, А. Ченки, А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Т. Г. Скребцова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов и др.).

Основные методы исследования, использованные в диссертации, – дискурсивный анализ, когнитивное исследование, моделирование объекта, обладающего эволюционными свойствами. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод. Кроме того, были использованы элементы контекстуального и количественного методов анализа, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения и сопоставления. Отметим, что в процессе исследования нами привлекались не только собственно лингвистические, но и общефилологические, семиотические, лингвокультурологические данные, что позволило представить анализируемые явления с учетом национального своеобразия русской культуры.

Материалом для исследования послужили прежде всего тексты, опубликованные в различных по политической окраске и месту издания газетах и журналах: «Век», «Версия», «Завтра», «Коммерсант-власть», «Континент», «Новая газета», «Новое время», «Общая газета» и др., а также некоторые телевизионные выпуски общероссийских программ «Вести» и «Время». Всего было рассмотрено более 1000 текстов и отобрано свыше 2300 метафорических словоупотреблений, относящихся к периоду с 2000 по 2004 гг.

Научная новизна исследования. В данной работе впервые последовательно и целенаправленно исследуются метафоры с концептуальной областью-источником «Неживая природа», функционирующие в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг. В диссертации предложена оригинальная классификация указанных метафор, рассмотрен их прагматический потенциал; дано описание сфер-источников метафорической экспансии, охарактеризована их фреймово-слотовая структура. Выявлены закономерности

взаимодействия метафорических моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа», и установлена их роль в организации конкретных текстов средств массовой информации, в том числе в организации семиотически осложненных креолизованных текстов.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что оно представляет собой очередной этап решения проблемы последовательной инвентаризации фонда метафорических моделей, используемых в современных российских СМИ. Разграничены «цепная» и «пучковая» виды взаимодействия метафор в пределах текста. Выявлены основные способы метафорической организации текста, которые условно соотнесены с понятиями «цилиндра», «конуса» и «песочных часов». Определена роль концептуальной метафоры в организации семиотически осложненных текстов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике (в том числе при подготовке новых изданий словаря «Русская политическая метафора» или других изданий подобного рода). Материалы диссертации и наблюдения могут быть применены в процессе профессиональной подготовки будущих филологов, журналистов, культурологов, социологов и политологов. Собранные материалы представляют интерес не только для лингвистического изучения метафоры (как в традиционном, так и в когнитивном планах), но и для изучения российской ментальности. Отдельные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы при подготовке публицистических текстов. Кроме того, подобные материалы могут быть интересны и для рядовых граждан, обращающих внимание на языковые средства, используемые в современных газетах и журналах.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета. Основные положения диссертации были изложены автором в виде докладов на международной научной конференции

«Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург 2003), ежегодной международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Российской Академии образования С. Г. Ильенко, *«Слово. Словарь. Словесность»* (Санкт-Петербург 2003), VI международной научно-практической конференции *«Перевод и межкультурная коммуникация»* (Екатеринбург 2004), IV международной конференции *«Этногерменевтика и антропология: языки и культуры в когнитивном аспекте»* (Кемерово 2004); на общероссийских научных конференциях *«Лингвистика XXI века»* (Екатеринбург 2004), *«Интерпретатор и текст: проблемы ограничения в интерпретационной деятельности»* (Новосибирск 2004); на расширенном заседании теоретического семинара «Русский глагол» (XIV Кузнецовские чтения) *«Образ человека и человеческий фактор в языке: Словарь, грамматика, текст»* (Екатеринбург 2004).

Материалы исследования отражены в 12 публикациях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Традиционные для русского национального сознания метафоры с концептуальной областью-источником «Неживая природа» — одно из важных средств категоризации, концептуализации и оценки действительности в современных средствах массовой информации.
2. В дискурсе средств массовой информации 2000 – 2004 гг. наиболее активно функционируют метафоры с фреймами-источниками «Земля» и «Вода». В основе актуализации лежат внеязыковые причины: указанные метафоры номинируют ключевые концепты, такие, как *народ, традиции, Россия, родная земля* и др., важные для понимания национального менталитета и особенностей конкретного исторического периода. Менее востребованы метафоры с фреймами-источниками «Времена года» и «Стихийные бедствия», отражающие, с одной стороны, цикличность, а с другой стороны, непредсказуемость происходящих в стране процессов.

3. Метафоры с концептуальной областью-источником «Неживая природа» прежде всего используются для обозначения абстрактных понятий, таких, как *свобода, демократия, тоталитаризм, терроризм, национальное самосознание, коррупция* и др., а также для обозначения политических лидеров, партий и объединений, деятельности органов государственной власти, представителей олигархической прослойки общества и т. д.
4. Концептуальная метафора с областью-источником «Неживая природа» в текстах современных средств массовой информации часто становится фактором, обеспечивающим связность и целостность компонентов текста. При этом используются особые способы метафорической организации текста, условно соотношенные с понятиями «цилиндра», «конуса» и «песочных часов». Подобные способы метафорической организации текста способствуют созданию эффекта нарастающего воздействия на адресата, эффекта достоверности, убедительности, способствуют проверке истинности утверждений политиков о каких-либо явлениях действительности.
5. Особую значимость в современных российских средствах массовой информации приобретают семиотически осложненные креолизованные тексты, в составе которых совмещены вербальная часть и иконический (визуальный) знак. В таких текстах развернутая метафора с концептуальной областью-источником «Неживая природа» регулярно сопровождается видеорядом, который в качестве недискретного феномена становится одной из форм ее существования.

Композиция диссертации отражает ключевые этапы и логику предпринятого исследования: основной текст состоит из введения, четырех глав и заключения.

В построенном по традиционной схеме «Введении» представлена характеристика основных параметров исследования: на фоне анализа специальной научной литературы по теме диссертации обосновывается актуальность поставленной проблемы; определяются материал, объект, предмет и методы исследо-

вания; обозначается его цель и определяемые ею задачи; раскрывается научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту, и приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе диссертации рассматриваются теоретические проблемы когнитивного исследования метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа», а именно: анализируются проблемы выделения и категоризации данной концептуальной области; определяются когнитивные основы ее исследования; рассматриваются традиционный и когнитивный подходы к изучению метафор с областью-источником «Неживая природа».

Во второй главе дается детальное описание метафор с концептуальной сферой-источником «Земной шар», в состав которой входят фреймы «Земля», «Вода», «Стихийные бедствия».

В третьей главе дается детальное описание метафор с концептуальной сферой-источником «Атмосфера», образуемой фреймами «Метеоусловия», «Климат и погода», «Газовая оболочка Земли», «Времена года».

В четвертой главе рассмотрены основные типы взаимодействия метафорических моделей с областью-источником «Неживая природа» в текстах современных российских средств массовой информации.

В заключительном разделе работы подведены итоги исследования и намечены перспективы дальнейшего изучения метафорического моделирования российской социально-политической действительности.

Диссертация содержит приложения. В качестве приложений в работу включены схемы и диаграммы ко второй и третьей главам, креолизованные тексты к четвертой главе, а также развернутое описание концептуальной сферы «Космос» как источника метафорической экспансии. В библиографическом разделе представлены списки использованной научной литературы и словарей и справочников, перечень исследованных общественно-политических газет и журналов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОР С КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТЬЮ-ИСТОЧНИКОМ «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА»

1.1. Проблемы выделения и категоризации концептуальной области «Неживая природа»

Прежде чем обратиться к анализу интересующих нас метафор с источником «Неживая природа», представляется необходимым осмыслить опыт систематизации и классификации данного типа лексики в виде семантических полей, идеографических классов, лексико-семантических и тематических групп.

У современных исследователей не вызывает сомнений тот факт, что лексика в человеческом сознании определенным образом группируется и структурируется. Попытки объединить между собой логическими связями все множество «пучков слов» заканчиваются в конечном итоге построением той или иной идеографической классификации, являющейся по своей сути «гипотетической экспликацией того, каким образом в „свернутом” виде хранится в сознании вся лексическая семантика» [Корнилов 2000: 378]. При этом следует подчеркнуть, что любая из подобных классификаций является своего рода гипотезой, отражающей субъективное видение проблемы. На эту особенность нередко указывают и сами авторы: «Классификационный инвентарь языковых единиц – это модель, заданная исследователем, она является искусственным аналогом языка, имеющего психонейрофизиологическую основу, не данную нам в прямом наблюдении» [Мыркин 1994: 5 – 7]; «Лексический класс как целостная организация... – это конструкт, абстракция» [Русский семантический словарь 2000: XIV].

Принято разграничивать тематические и идеографические классификации: рубрики тематической классификации обычно находятся на одной понятийной «горизонтали» и разрабатываются на основе учета синтагматических связей и значений номенов; тогда как идеографическая классификация предполагает

иерархичность созданной понятийной сетки, на которую накладывается, уточняясь в ходе семантической обработки, анализируемый материал (учет как парадигматики, так и синтагматики; как значения, так и значимости слова).

Иерархическую понятийную классификацию лексики представляют, как известно, идеографические словари, или словари-тезаурусы. Определяя новые тенденции в развитии лексикографии, Ю. Д. Апресян подчеркнула особую роль именно такого типа активных словарей, построенных в направлении от содержания к форме [Апресян 1990: 129]. С понятием тезауруса связывается несколько признаков: описание слова посредством слов того же языка (построение семантического поля), присутствие эксплицитных семантических связей, определяющих идеографический принцип подачи материала, исчерпывающая полнота словаря. Последний признак факультативен, хотя изначально он был главным, идеографический принцип может сочетаться с алфавитной подачей, а представление семантического поля может сопровождаться метаязыковыми пояснениями в виде связного текста.

Тезаурус стал популярной формой словаря во многих областях знаний: параметрические описания тезаурусного типа разрабатываются в этнолингвистике [Виноградова, Толстая 1994], а связанные с ним фреймы и сценарии стали структурной основой самых разнообразных баз данных, например, в фольклористике [Левкиевская 2001; Никитина, Кукушкина 1996, 2000].

Работа над словарями-тезаурусами ведется в разных аспектах: получила обоснование теоретическая и практическая необходимость словарей подобного типа, определено их место в системе других словарей, изучается опыт составления идеографических словарей в зарубежной лингвистике. Интересное сравнение синоптических схем целого ряда словарей, в том числе Касареса, Дорнзайфа и Халлига – Вартбурга, а также детальная оценка принципов классификации содержится в монографиях В. В. Морковкина «Идеографические словари» [Морковкин 1970] и Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография» [Караулов 1976].

Вместе с тем разрабатываются общие критерии и правила системной организации лексики. Однако, как отмечает А. Н. Баранов, принципы построения

подобных словарей во многом остаются дискуссионными [Баранов 2001: 64]. Основная проблема построения идеографических словарей, по мнению исследователя, заключается в том, что в принципе любой семантический компонент в плане содержания слова может служить основанием для создания особого таксона. Например, глагол *обманывать* попадает не только в очевидную тематическую рубрику «ОБМАН, ЛОЖЬ», но и в возможные таксоны «ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ», «НЕКООПЕРАТИВНОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ», «ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ», «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» и др. Вторая проблема связана с древесной структурой понятийных рубрик словаря-тезауруса, предполагающей строгую иерархию понятий, между тем как семантические связи в лексике не ограничиваются отношениями «род – вид». Лексические единицы могут связываться имплицативными, темпоральными, каузальными отношениями, отношениями ассоциации, обоснования, объяснения, экземплификации и др. Третья проблема касается принципов формирования терминальных таксонов тезауруса: при выборе таксонообразующих смыслов необходимо учитывать важность, коммуникативную значимость, «семантический вес», степень обязательности присутствия в плане содержания (ср. противопоставление обязательной и факультативной части семантической экспликации, толкования). Кроме того, при построении словарей-тезаурусов возникает проблема разделения наивного и научного взгляда на мир. Например, в словарях, реализующих научную структуризацию мира, существительное *кит* не будет представлено в разделе «РЫБЫ», хотя наивное сознание в том или ином виде связывает китов с миром рыб [Баранов 2001: 65].

Учитывая актуальность обозначенных А. Н. Барановым проблем, прежде чем приступить к анализу метафор, созданных на базе концептуальной области-источника «Неживая природа», мы посчитали целесообразным обратиться к материалам словарей. Не стремясь к исчерпывающему охвату различных точек зрения на результаты структурирования и определения границ исходной области «Неживая природа», специально остановимся только на тех схемах идеографической классификации, которые показались нам наиболее интересными.

Значительный интерес в плане идеографической систематизации материала и построения словарных блоков представляет «Ситуативно-тематический словарь» Ф. Дорнзайфа. Структура словаря содержит 20 объемных разрядов, среди которых рубрика «Неорганический мир. Вещества» стоит на первом месте. Дальнейшая дифференциация материала внутри соответствующих разрядов осуществляется на основании логической классификации денотатов, то есть имеет таксономическую ориентированность. Так, в разряде «Неорганический мир. Вещества» выделяются следующие блоки:

Вселенная	Равнина
Светила (созвездия)	Граница (предел)
Земля	Берег (побережье)
Погода	Стоячая вода
Ясная погода	Болото (топь, трясина)
Ветер	Материя, субстанция (вещество)
Плохая (мрачная) погода	Смесь
Дождь	Горы (горообразование)
Осадки	Элементы
Гроза	Минералы
Географическое место	Камни (горные породы)
Страны света	Металлы
Материк. Континент	Неорганические химические вещества
Полезные ископаемые	Органические вещества
Страна, район (край)	

Основной принцип систематизации материала в словаре Р. Халлига и В. фон Вартбурга «Система понятий как основа для лексикографии» связан с классификацией понятий. Авторы считают, что смысловому членению лексики должна предшествовать разработка системы, имеющей внеязыковой характер. Подобная система позволит осуществить отображение словарного запаса как общей структуры независимо от того, к какому языку относится это накопление слов. Отсюда противоречия между всеобъемлющей, генеральной классификацией понятий и относительно небольшим словником (всего 7000 слов). Тем не менее, по справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, синоптическая схема данного словаря «в силу своей универсальности может служить аналогом лексико-семантической системы» [Караулов 1976: 315].

В указанном словаре дается трихотомическое деление лексики: «Вселенная», «Человек», «Человек и Вселенная». Раздел «Вселенная» разбит на четыре разряда: «Небо и небесные тела», «Земля», «Растительный мир», «Животный мир». Внутри разрядов проводится дальнейшая дифференциация материала. Так, разряд «Небо и небесные тела» делится на группы:

1. Небо и небесные тела
2. Погода и ветры

В разряде «Земля» выделяются рубрики:

1. Рельеф и пейзаж
2. Воды
3. Почва и ее строение
4. Минералы
5. Металлы

Принимая во внимание замечание Ю. Н. Караулова о том, что в пределах четырех уровней схемы возможны известные перестановки, мы можем отметить, что у Ф. Дорнзайфа к первому ярусу относится раздел «Неорганический мир. Вещества», а среди единиц второго яруса выделяется категория «Вселенная»; тогда как у Халлига и Вартбурга раздел «Вселенная» составляет самостоятельную сверхгруппу (первый ярус), в которую входят, помимо групп «Небо и небесные тела», «Земля», группы «Растительный мир» и «Животный мир». Если классификации Р. Халлига и В. Фон Вартбурга, как отмечалось, свойственен обобщающий, универсальный характер, то словарю Ф. Дорнзайфа в некоторой степени недостает подобного обобщения. Так, например, в виде отдельных блоков представлены группы, безусловно имеющие общие идеи: «Ясная погода», «Погода» и «Плохая погода»; «Стоячая вода» и «Болото»; «Дождь» и «Осадки». Кроме того, вызывает вопрос отсутствие группы «Текущая вода (река)» по аналогии с группой «Стоячая вода». Все возможные расхождения, по замечанию Ю. Н. Караулова, объясняются тем, что эти классификации основывались на противоположных принципах и с ориентацией на разные языки. Ф. Дорнзайф исходил из того, что реально существуют только денотативные группы, которые идентичны понятийным областям, тогда как

«поля значений» являются, по его мнению, чистой мистикой, структурной мистерией [Караулов 1976: 258]. Р. Халлиг и В. фон Вартбург обосновывали свою классификацию строгим разделением понятия и значения, подвергая классификации именно логические понятия, составляющие инвариантное ядро во всех употреблениях слова. Кроме того, Дорнзайф считал, что результат его классификации применим лишь к одному языку – немецкому, а Халлиг и Вартбург, как было сказано, находили свою классификацию универсальной. Рассматривая рубрики универсальной схемы Р. Халлига и В. фон Вартбурга, В. В. Морковкин отмечает, что данная классификация понятий «весьма разумна, убедительна и достаточно эффективна при практическом применении ее к живому языку» [Морковкин 1970: 35]. Ю. С. Степанов называет разработанную исследователями систему «одной из наиболее удачных» [Степанов 1975: 50].

Событием в теоретической и практической лексикографии стал польский этнолингвистический «Словарь стереотипов и народных символов» – плод многолетней работы коллектива ученых люблинского университета под руководством проф. Е. Бартминского [Słownik stereotypów...1999]. Это словарь интенсивного типа, уникальный по полноте лингвистических и энциклопедических сведений о слове. Рубрики словаря отражают мир, представленный в этническом (в данном случае – польском) сознании: 1) космос, 2) растения, 3) животные, 4) человек, 5) общество, 6) религия, демонология, 7) время, пространство, количество, цвета. Первые два тома словаря относятся только к одной рубрике из семи – «Космос». В каждом из томов несколько разделов: в первом томе их три – «Небо и небесные светила», «Огонь», «Камни»; второй том посвящен земле, воде и подземному миру. Разделы образуют верхний уровень иерархии. В каждом из разделов есть словарные статьи общего характера и более частные: например, в разделе «Небо и небесные светила» выделяется подраздел «Солнце», от него зависят «Восход солнца», «Заход солнца», «Затмение солнца»; в раздел «Камни» входит подраздел «Драгоценные камни», которому подчинены статьи, посвященные бриллианту, рубину, смарагду и т. д. Во втором томе раздел «Земля» образуют «Земля», «Остров», «Долина», «Гора»

и др.; подраздел «Гора» формируется статьями «Лысая гора» и «Хрустальная гора».

Заголовочные слова – это имена стереотипов, которые Е. Бартминский определяет как представления о предмете в некоторых общих для сообщества рамках, объясняющих, чем предмет является, каков его внешний вид, как действует, – представления, закрепленные в языке и относящиеся к общим знаниям о мире [Słownik stereotypów... 1996: 9]. Каждая словарная статья содержит вступление с большим количеством сведений о бытовании рассматриваемого стереотипа в разных культурах, затем дается его описание в польской народной культуре.

В отечественной лексикографии попытки осмысления и создания специализированного словаря, построенного на объединении лексики по тематическим комплексам, приходится на 60-ые годы XX века (Ю. М. Костинский; Н. С. Дмитриева, Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова и др.). Обсуждались вопросы, связанные с построением таких словарей: состав и объем словника, классификация слов-понятий и определение тематических подсистем; построение словарной статьи, формы и способы подачи сочетаемости, включение идиоматики и ключевых фраз. В статье «К вопросу о тематическом словаре русского языка» Н. С. Дмитриевой, Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой предлагается сгруппировать лексический материал словаря вокруг тем: 1. Человек. 2. Общество. 3. Хозяйство. 4. Культура и просвещение. 5. Природа. «Темы выделяются так, чтобы они исходили из одной точки, „порождались” ею и не стояли друг к другу в отношении общего к частному, а были бы равноценными и рядоположными, в разных направлениях дополняющими центральную тему – „Человек”: человек и общество, человек и его труд, человек и культура, человек и природа», – писали авторы публикации [Дмитриева, Саяхова, Хасанова 1969: 133]. Каждая тема делится на ряд подтем, в составе которых слова образуют более тесное функционально-семантическое единство. Так, раздел «Природа» состоит из

1. Явления природы. Климат, погода. Времена года.
2. Небо, земля, вода, воздух. Космос.
3. Пространство. Время. Мера. Календарь.
4. Растительный и животный мир.

При наполнении словника конкретным лексическим материалом авторы предлагают принимать во внимание а) принцип частотности, б) индекс распределения, в) наличие слова в существующих словарях-минимумах. По их мнению, подобный словарь «сделает обозримым безграничное богатство лексики, покажет в ней рациональный порядок» [Дмитриева, Саяхова, Хасанова 1969: 136].

В отечественной лексикографии наибольший интерес для сравнительного анализа представляют следующие словари: «Лексическая основа русского языка» (авторы В. В. Морковкин, Н. О. Беме, И. А. Дорогонова, Т. Ф. Иванова, И. Д. Успенская 1984), «Идеографический словарь русского языка» (О. С. Баранов 1995), «Тематический словарь русского языка» (авторы Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин 2000), «Русский семантический словарь» (под ред. Н. Ю. Шведовой т. 1, 2000).

В первую очередь обратимся к «Лексической основе русского языка», явившейся, по определению авторов, «первой в нашей языковедческой науке попыткой практического синтеза лексической системы русского языка» [Лексическая... 1984: 3]. Синописис идеографической классификации раздела «Неорганический мир» выглядит следующим образом:

- 1.0. космос, небесные тела
- 2.0. атмосфера, атмосферные явления
 - 2.1 атмосфера, атмосферные явления: общие понятия
 - 2.2 погода
 - 2.3 климат
- 3.0. земной шар
 - 3.1 земной шар: общие понятия, материки и континенты
 - 3.2 земная поверхность
 - 3.2.1 определенный участок земной поверхности
 - 3.2.2 характеристика земной поверхности
 - 3.2.2.1 характеристика земной поверхности: общие понятия
 - 3.2.2.2 возвышенности, горы
 - 3.2.2.3 равнины
 - 3.2.2.4 впадины
 - 3.2.2.5 лесные массивы
 - 3.2.2.6 поле, степь
 - 3.2.2.7 водоемы
 - 3.2.3 состав земной коры
- 4.0. вещества

- 4.1 вещества: общие понятия
- 4.2 анализ веществ
- 4.3 свойства веществ
- 4.4 состояния веществ

Особый интерес у нас вызывает логическая классификация, представленная в «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова: рубрики данного словаря не только образуют единую древесную структуру, но и связываются между собой комплексом отсылок, при этом прослеживается множественность семантических отношений между лексемами. Выделяя наиболее значимые, доминантные понятия и раскрывая их взаимосвязи, в отделе «Материя» автор формирует три основных раздела: «Вселенная», «Земной шар», «Атмосфера» – следующими подразделами и группами.

ВСЕЛЕННАЯ

1. Вселенная

1. 1. Вселенная	1. 5. Млечный путь
1. 2. Небесные тела	1. 6. Планетные системы
1. 3. Звезда	1. 7. Планета
1. 4. Галактики	

2. Солнечная система

2. 1. Солнечная система	2. 4. Небо
2. 2. Солнце	2. 5. Луна
2. 3. Планета Земля	2. 6. Космонав

3. Астрономия

3. 1. Астрофизика	3. 3. Астрономическая теория
3. 2. Астрономические науки	3. 4. Астрономическая техника

ЗЕМНОЙ ШАР

1. Земной шар

1. 1. Земной мир	1. 8. Окружающая природа
1. 2. Земной шар	1. 9. Стихийные бедствия
1. 3. Недра Земли	1. 10. Мировая катастрофа
1. 4. Земная кора	1. 11. Геология
1. 5. Земная поверхность	1. 12. История Земли
1. 6. Территория	1. 13. Геологические эры и периоды
1. 7. Геофизика	

2. Географическое положение

2.1. Географическое направление	2. 3. Карта

2. 2. Географическая сетка

2. 4. Географическое положение

3. Рельеф

- 3. 1. Рельеф
- 3. 2. Равнина
- 3. 3. Пересеченная местность
- 3. 4. Впадина
- 3. 5. Возвышенность
- 3. 6. Горы

- 3. 7. Ущелье
- 3. 8. Землетрясение
- 3. 9. Вулканическая деятельность
- 3. 10. Оползни
- 3. 11. Образование рельефа

4. Горные породы

- 4. 1. Складчатость горных пород
- 4. 2. Камень
- 4. 3. Горные породы
- 4. 4. Образование магматических горных пород

- 4. 5. Магматические горные породы
- 4. 6. Метаморфизм
- 4. 7. Метаморфические горные породы
- 4. 8. Литогенез
- 4. 9. Осадочные горные породы

5. Минералы

- 5. 1. Минерал
- 5. 2. Минералообразование
- 5. 3. Минералы

- 5. 4. Силикаты
- 5. 5. Биолиты

6. Воды

- 6. 1. Водоем
- 6. 2. Воды
- 6. 3. Море
- 6. 4. Река
- 6. 5. Течение
- 6. 6. Дно водоема
- 6. 7. Уровень воды в водоеме
- 6. 8. Волны
- 6. 9. Берег

- 6. 10. Остров
- 6. 11. Полуостров
- 6. 12. Залив
- 6. 13. Болото
- 6. 14. Лед в водоеме
- 6. 15. Подземные воды
- 6. 16. Лед
- 6. 17. Таяние
- 6. 18. Ледник

АТМОСФЕРА**1. Атмосфера**

- 1. 1. Атмосфера
- 1. 2. Излучение Солнца
- 1. 3. Атмосферный вихрь
- 1. 4. Атмосферные процессы

- 1. 5. Ветер
- 1. 6. Буря
- 1. 7. Названия ветров

2. Атмосферная влага

- 2. 1. Атмосферная влага
- 2. 2. Сухая погода

- 2. 5. Осадки
- 2. 6. Дождь

- 2. 3. Облака
- 2. 4. Облачность

- 2. 7. Снег

3. Погода

3. 1. Погода	3. 7. Время года
3. 2. Ясная погода	3. 8. Зима
3. 3. Ненастье	3. 9. Метель
3. 4. Теплая погода	3. 10. Переходный сезон
3. 5. Холодная погода	3. 11. Климат
3. 6. Отрицательная температура	3. 12. Метеорология

В отличие от «Идеографического словаря русского языка» О. С. Баранова, где, как мы видели, представлено три подраздела («Вселенная», «Земной шар», «Атмосфера»), в «Тематическом словаре русского языка», разработанном Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой, В. В. Морковкиным, в рамках раздела «Природа» выделяются два подраздела: «Вселенная» и «Земля». Причем понятия области «Неживая природа» рассматриваются в одном ряду с понятиями растительного и животного мира. Кроме того, как отражение современных проблем, связанных с ухудшением общей экологической обстановки и с возрастающей нехваткой природных ресурсов, представлена новая, не зафиксированная ранее в словарях рубрика «Охрана природы».

ВСЕЛЕННАЯ

Космос, небесные тела

Атмосфера. Воздушное пространство

Смена дня и ночи, дневной свет и ночная тьма

Времена года

Климат

Погода

Температурные явления и атмосферное давление

Движение воздуха

Атмосферная влага, осадки

Стихийные бедствия

ЗЕМЛЯ

Земное пространство

Земля по отношению к воде

Формы земной поверхности

Земная кора

Недра земли. Полезные ископаемые

Водное пространство

Водоемы
 Водный источник
 Водный поток
 Дно реки, моря
 Течение (движение) воды
 Водная поверхность, движение воды
 Изменение уровня воды, разрушительные действия воды
 Топкие, болотистые места
 Замерзшая вода (ледяной покров)
Растительный мир
Животный мир
Охрана природы

Новый подход к исследованию лексической системы языка демонстрирует «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. При членении лексики на «лексико-семантические классы» и расположении материала авторы руководствовались идеей «представить современную русскую лексику как такой уровень языка, который имеет собственную организацию, созданную самим языком и им самим регулируемую» [Русский семантический... т 1. 2000: ХУШ]. Прежде всего «Русский семантический словарь» структурирует лексико-семантические классы в соответствии с такими универсальными категориями, как части речи: слова указующие (местоимения) и слова именующие (имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия и предикативы, счетные слова). В этом состоит одно из основных отличий данного словаря от представленных нами ранее «Идеографического словаря» О. С. Баранова и «Тематического словаря» под ред. В. В. Морковкина, объединяющих слова разных грамматических классов по собственно содержательным основаниям.

В первом томе «Русского семантического словаря» в макрокласе «Имена существительные с конкретным значением» нашло отражение традиционное разграничение лексики живой и неживой природы: ВСЕ ЖИВОЕ (ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ) – КОСМОС, ЗЕМЛЯ, ПРИРОДНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ. Интересующий нас второй лексический класс имеет шесть ступеней членения, идущих от наиболее обобщенных языковых множеств к более частным. На первом шаге членение представлено тремя подвершинными множествами: «Общие обозначения», «Космос», «Земля, ее строение. Природные образования». Далее

следует разбиение по нисходящим ступеням – от двух до шести. Например, верхняя ступень «Земля, ее строение. Природные образования» делится по нисходящим ветвям на

1. «Общие обозначения»;
2. «Земля, ее строение; природные пояса, географические зоны; атмосфера Земли, воздушное пространство»;
3. «Участки земной поверхности, ее рельеф: горы, долины, углубления в земле; водоемы, реки, потоки; лед, снежная масса; леса; места обитания животных»;
4. «Горные породы, ископаемые; камни».

Показательно, что вторая, третья и четвертая ветви имеют свое дальнейшее разбиение. По мнению авторов, в пользу представленного в словаре описания говорит, например, тот факт, что «эта классификация показывает не только системное расположение подмножеств, но и их порождаемость одно другим, а также естественную сгруппированность самих слов» [Русский семантический... т 1. 2000: 564]. Однако авторы признают, что, «как и в любой другой языковой классификации,...возможно и другое разбиение; сами группировки могут быть размещены по-иному» [там же: 564]. Обращающие на себя внимание широта охвата, обилие специальных слов и терминов, всеобъемлющий, многоступенчатый характер классификаций, предложенных «Русским семантическим словарем» под редакцией Н. Ю. Шведовой, а также «Идеографическим словарем русского языка» О. С. Баранова, подводит нас к выводу о том, что данные словари отражают не наивный взгляд на мир, а, скорее, структуру научных категорий.

Подводя итог рассмотрению состава и границ исходной области «Неживая природа» в структуре идеографических словарей, отметим следующее. В соответствии с принципом родовидовой организации единиц системы синоптические схемы имеют несколько уровней обобщения, при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается. Проведенный анализ показал, что общелогическая часть – высший уровень структуры – у сравниваемых нами словарей обнаруживает существенное совпадения. Таково традиционное разграничение живой и неживой природы в первом ярусе классификации: в «Лексической основе русского языка» – неорганический мир и органический мир, у О. С. Баранова – материя и органический

мир, в «Русском семантическом словаре» – все живое (человек, животные, растения) и космос, Земля, природные образования.

Однако в нижележащих ярусах наблюдаются значительные расхождения: появление лакун, несовпадение состава и границ групп, – обусловленные, с одной стороны, различными подходами и методами, разными практическими целями, которые исследователи ставят перед собой в процессе систематизации определенных групп слов, с другой стороны, характером самого объекта классификации, невозможностью унифицировать лексические микросистемы. Сравнивая способы организации лексики исходной области «Неживая природа», мы можем отметить те группировки, состав и границы которых вызывают наибольшие споры. Одной из таких является группа с ключевым понятием «Атмосфера»: «Лексическая основа русского языка» и «Идеографический словарь русского языка» рассматривают данную группу отдельно, на одном уровне с группами «Космос» и «Земной шар»; «Русский семантический словарь» вычленяет ее в составе группы «Земля, ее строение»; «Тематический словарь русского языка» включает тематическую группу «Атмосфера» в раздел «Космос». Можно предположить, что вопрос о принадлежности данной группировки к тому или иному более высшему объединению обусловлен прежде всего экстралингвистическими факторами, а именно: пограничным состоянием самой атмосферы, ее нахождением между Землей и космосом.

Одной из наиболее дискуссионных, на наш взгляд, является проблема структурирования лексико-семантического объединения «Погода», поэтому остановимся на рассмотрении данного вопроса специально.

Слова, обозначающие погодные явления, или *метеонимы*, в силу своей связанности с важными для человека процессами не раз становились объектом изучения исследователей как русского литературного языка, так и его диалектов (Э. Г. Азим-Заде, В. П. Васильев, Т. В. Горячева, Л. Г. Гынзагова, О. Н. Журавлева, А. А. Камалова, Ю. Н. Караулов, В. М. Касьянова, Т. В. Симашко, Л. Р. Супрун-Белевич, И. Н. Суспицына и др.). Однако среди ученых, занимающихся анализом данного объединения, нет единой точки зре-

ния на его состав и границы. Можно выделить два основных подхода к выделению и рубрикации интересующей нас сферы «Погода».

Согласно первому подходу, исследователи, принимая во внимание очевидную связь структуры словаря с действительностью, с реальностью, отраженной в лексике языка, логическим путем устанавливают круг понятий, связанных с погодой. Так, по сведениям энциклопедических словарей, «погода – это состояние атмосферы в данном месте за ограниченный промежуток времени». Погода характеризуется метеорологическими элементами, к которым относятся температура, давление, влажность воздуха, ветер, облачность и осадки, дальность видимости, туманы, грозы, и т. д., а также продолжительность солнечного сияния, температура и состояние почвы, высота и состояние снежного покрова [Оксфордская...т.1, 2000: 234]. Следовательно, сущность первого подхода заключается в отнесении к сфере «Погода» только тех слов, денотативный компонент которых идентифицируется семей «погодности», а объем складывается из знаний о земной атмосфере и происходящих в ней процессах. Например, авторы учебного словаря «Лексическая основа русского языка» в идеографической группе «Погода» выделяют 104 элемента, среди которых фигурируют лексемы: *погода, мягкий, солнце, тихо, ясный, тепло, холод, мороз, гололед, осадки, туман, роса, облако, туча, дождь, град, снег, иней, ветер, гроза, буря, метель* и др. [Лексическая... 1984: 342 – 344]. Ю. Н. Караулов в «Минимальном идеографическом словаре» к классу «Погода» относит следующие лексемы: *погода, климат, дождь, гроза, гром, молния, туча, облако, пасмурный, дождливый, солнечный, туман, туманный, роса, ветер, дуть, прохладный, мороз, снег, снежный, лед, ледяной* [Караулов 1976: 290 – 291].

В этом отношении показательна классификация явлений природы А. Г. Шайхулова, в которой метеорологическая/погодная лексика отграничивается от лексики, обозначающей другие природные явления и вместе с тем не противопоставляется ей. Автор объект своего изучения подразделяет на пять групп:

1. «Атмосферные явления»;
2. «Природные явления на земной поверхности»;
3. «Природные явления на водной поверхности»;
4. «Климат»;
5. «Времена года».

В свою очередь первая группа состоит из

- а) движение воздуха;
- б) световые явления;
- в) температурные явления;
- г) атмосферные осадки [Шайхулов 1983].

Особого внимания заслуживает диссертационное исследование В. М. Касьяновой «Русская метеорологическая лексика», в котором автор анализируемое семантическое пространство распределяет по следующим группам.

1. Наименования отдельных состояний погоды, не имеющие семантических эквивалентов в метеорологической терминологии: хорошая погода, плохая погода, теплая погода, холодная погода, погода как состояние атмосферы.

2. Наименования важнейших метеорологических явлений и величин:

- осадки (*дождь, ливень, морось, роса, град, снег, мокрый снег, крупа, гололед и гололедица, иней, изморозь*);
- облачность;
- туман и мгла;
- оптические явления в атмосфере (*мираж, гало, радуга*);
- электрические явления в атмосфере (*гроза, молния, гром, зарница*);
- ветер (ветер как движение воздуха, ветер в зависимости от его силы, шквал, вихрь, ветер в зависимости от его направления, ветер, сопровождающийся осадками) [Касьянова 1984].

Диссертационное исследование И. Н. Суспицыной посвящено изучению метеорологической лексики в говорах Русского Севера. Автор вычленяет семантическое поле «Метеорологическая лексика», структурированное функционально-семантическими полями (ФСП) «Ветер», «Дождь», «Снег», «Роса», «Иней / Изморозь», «Облака», «Туман», а также проводит идеографический анализ наиболее объемных единиц. Например, ФСП «Ветер» характеризуется

- по силе проявления (*слабый, сильный, очень сильный*);
- по направлению (*по сторонам света, по отношению к субъекту, по отношению к объекту, ветер, дующий во всех направлениях*);
- по степени влажности (*влажный, сухой*);
- по степени проявления тепла (*холодный, теплый*);
- по характеру осуществляемого движения;
- дуть;
- отсутствие ветра [Суспицына 2000].

В качестве специфической, национально-культурной структуры знаний о природе, составляющими которой «являются частные структуры: знания об осадках, движении воздушных масс, температуре и влажности атмосферы»,

рассматривает А. А. Камалова функционально-семантическое поле «Погода» [Камалова 1998: 152].

Исследуя микросистему обозначения погоды в славянских языках, Л. Р. Супрун-Белевич выделяет группы слов, называющих

- осадки (выпадающие из облаков и выделяющиеся из атмосферы),
- ветра,
- облака и туманы,
- радугу,
- температурную характеристику погоды,
- общие обозначения погоды [Супрун-Белевич 1987].

Таким образом, несмотря на различия в объеме представленных классификаций, к сфере «Погода» при узком понимании относятся только те слова, денотативный компонент которых идентифицируется семой «погодности», иными словами, содержание которых отражает только описательные характеристики погоды или метеоэлементов.

В основе второго подхода лежит широкий взгляд на структуру и границы сферы «Погода», в состав которой исследователи включают, помимо традиционной метеорологической лексики, слова, обозначающие времена года, дни календаря, науку и специалистов, занимающихся изучением погоды, небесные светила, влияющие на изменение погоды, и т. д. Например, О. С. Баранов в «Идеографическом словаре русского языка» структурирует идеографический класс «Погода» подклассами: «Погода», «Ясная погода», «Ненастье», «Теплая погода», «Холодная погода», «Отрицательная температура», «Время года», «Зима», «Метель», «Переходный сезон», «Климат», «Метеорология» [Баранов 1995: 230 – 231].

В «Тематическом словаре русского языка» под редакцией В. В. Морковкина в тематическую группу «Погода» входят *погода, погодные условия, непогода, ненастье, ненастный, пасмурный, пасмурно, ясно, облачный, прояснение, проясниться, метеорология, метеорологический, метеоролог, синоптик* и др. [Тематический... 2000: 511].

При анализе метеорологической субстантивной лексики в брянских говорах О. Б. Пойда выделяет в семантическом пространстве «Явления природы» следующие группы:

1. потоки воздуха; осадки (*дождь, снег, дождь со снегом, снежная крупа, иней*); перенесение снега ветром (*метели*); испарения; паводки;
2. снежный покров; ледяной покров: водоемов и наземный; осаднения: иней, роса; туман; температура воздуха; частицы атмосферного вещества;
3. погода [Пойда 1988].

М. М. Кондратенко, проводя ареально-типологическое сопоставление владимиро-поволжских и брянских говоров, описывает тематические группы, в которых представлены лексемы – понятия народной метеорологии: дни календаря; небесные светила; радуга; молния, гром, гроза; туча, облако; ветер, вьюга, метель; осадки разного вида [Кондратенко 1989].

Таким образом, сущность вышеизложенного сводится к следующему: идеографическая классификация является по своей сути гипотетической экспликацией того, каким образом в «свернутом» виде хранится в сознании вся лексическая семантика. Данный тезис подтверждается существованием различных взглядов на структуру и состав сферы «Неживая природа». В частности, лингвисты, занимающиеся изучением лексико-семантического объединения «Погода», по-разному очерчивают его границы: при узком понимании к данному объединению относятся только описательные характеристики погоды и метео-элементов, при широком – астрономические названия, названия дней календаря, времен года, названия бездорожья, паводков и др. Целям нашего когнитивного исследования метафор, созданных на базе области-источника «Неживая природа», наиболее соответствует широкий подход к выделению рассматриваемой сферы.

1. 2. Когнитивные основы исследования концептуальной области «Неживая природа»

Как бы ни были различны и своеобразны по своей структуре отдельные языковые модели организации области «Неживая природа», представленные нами в первом параграфе, в конечном итоге они отражают ту единую концептуальную картину мира, которая существует вне языка и складывается по мере познания человеком окружающей действительности.

В связи с тем что в языковых формах находит свое выражение содержательная информация, полученная в ходе познавательной деятельности человека, категоризация человеческого опыта связана с когнитивной деятельностью

человека. Проблемы соотношения концептуальных систем с языковыми, взаимодействия научной, обыденной и языковой картин мира, соотношения когнитивных или же концептуальных структур нашего сознания с объективирующими их единицами языка в осуществлении процессов познания и осмысления мира, в проведении процессов его концептуализации и категоризации, – все это те новые проблемы, которые входят в компетенцию нового научного направления – когнитивной лингвистики [Кубрякова 1999: 4 – 5].

Когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира; модель мира в каждой культуре строится из целого ряда универсальных концептов и констант культуры. Понятие концепта находится в стадии формирования и развития. «Термин *концепт* за прошедшее десятилетие получил огромное количество толкований и подвергся различным способам анализа», – замечает Э. Лассан [Лассан 2004: 265]. В современной лингвистической науке можно обозначить два основных направления, в рамках которых происходит осмысление данного понятия, – *когнитивное* и *концептуально-культурологическое*.

Согласно *когнитивному* подходу, концепт – «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга** (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких „квантов” **знания**» [Кубрякова и др. 1996: 90].

Началом *собственно-культурологического* направления можно считать теоретические положения, высказанные в 1928 году С. А. Аскольдовым (Алексеевым) в статье «Концепт и слово», в которой автор поднимает вопрос о природе концепта в связи с проблемой художественного слова. Концепт рассматривается здесь как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997:

267]. В этом же ключе развивает проблему концепта Д. С. Лихачев, замечая, однако, что «концепты возникают в сознании человека не только как „намек на возможные значения”, „алгебраическое их выражение”, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. д.» [Лихачев 1993: 5]. Концепты, по Д. С. Лихачеву, не непосредственно возникают из значения слов, а являются результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека [Лихачев 1993: 4]. Становясь особым типом «посланиями», они не только подменяют собой значение слова, но – расширяют его, оставляя возможности для сотворчества, домысливания и для эмоциональной ауры слова [Лихачев 1993: 5].

Постепенно в современной науке складывается представление о концептах как о прежде всего ментальных сущностях, которые несут на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, А. Вежбицка, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Р. М. Фрумкина, А. Д. Шмелев и др.). По определению Ю. С. Степанова, «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... и посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2004: 43].

Одновременное функционирование в научной литературе понятий концепта и культурного концепта, по замечанию Ю. Д. Тильман, «неявно предполагает возможное разделение на культурные и „некультурные” концепты». «Среди концептов, образующих общую картину мира, – указывает исследователь, – есть концепты разной степени культурной нагруженности, включая культурно нерелевантные и особо культурно нагруженные, т. е. особенно разработанные в языке и культуре, семантически и семиотически нагруженные и, возможно даже, ставшие предметом культурной рефлексии» [Тильман 1999: 39]. Некоторые из таких культурно нагруженных концептов, существующих постоянно или, по крайней мере, очень долгое время, становятся *константами культуры* [Степанов 2004: 84].

Все существующие в русском сознании концепты В. А. Маслова предлагает разделить на 1) мир, 2) стихии и природа, 3) представления о человеке, 4) нравственные концепты, 5) социальные понятия и отношения, 6) эмоциональные концепты, 7) мир артефактов, 8) концептосфера научного знания, 9) концептосфера искусства [Маслова 2004: 70]. Так как концепты, представленные в группе «Стихии и природа», являются собой, по мнению исследователя, концепты культуры, то, следовательно, через посредство доминантных концептов области неживой природы, таких, например, как *родная земля, огонь, вода, осенние сумерки* (Ю. С. Степанов); *простор, поле* (А. Д. Шмелев); *туманное утро, зимняя ночь* (В. А. Маслова); *небо* (Е. Е. Пименова); *гроза* (О. С. Адонина) и др., можно выявить и объяснить специфические проявления этнического, русского менталитета.

Обратим внимание на некоторые образцы описания ключевых концептов области «Неживая природа». Например, В. А. Маслова в пособии «Когнитивная лингвистика», основываясь на трехслойной структуре концепта, предложенной Ю. С. Степановым (основной, актуальный признак; дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; внутренняя форма, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме) [Степанов 2004: 46], дает описание культурных концептов *туманное утро* и *зимняя ночь*. Концепт *туманное утро* имеет основной признак (утро, окутанное туманом), дополнительные признаки (утро как символ очищения, бодрости, загадочности природы, ее красоты) и внутреннюю форму (туманное утро как способ передачи пространственных и временных ощущений, как олицетворение внутреннего смятения человека, как связующее звено между тремя сферами жизни: землей, водой, воздухом). Проанализированный материал дал основание для построения концептуальной модели: 1) с помощью данного концепта может быть передано не только явление природы, но и состояние человеческой души; 2) этот концепт способен передать а) возрождающуюся жизнь, обновление и очищение; б) неопределенность, загадочность; в) прелюдию к откровенности; г) пробуждение, освобождение от старого; д) темное, тайное, непознанное [Маслова 2004: 95 – 119]. Концепт

зимняя ночь, по наблюдениям исследователя, становится символом, с одной стороны, страха, смерти, опасности, загадочности природы, тайного, непознанного, а с другой – чего-то умиротворенного, ясного, светлого, чистого, радостного. Структура концепта выглядит следующим образом: основной признак (темная часть суток в холодное время года), дополнительные признаки (зимняя ночь как символ покоя и тревоги, смерти и сна, страха и радости) и внутренняя форма (зимняя ночь как способ передачи пространственных и временных ощущений, как олицетворение внутреннего смятения человека, как связующее звено между жизнью и смертью). В. А. Маслова отмечает, что, несмотря на сопряженность в русской культуре с данным концептом значительного количества негативных коннотаций (ср. ночь – божество мрака, а зима – беда, несчастье, опасность), он остается притягательным для поэтов в силу своей загадочности, содержащейся тайны [Маслова 2004: 119 – 144].

Диссертационное исследование Н. В. Гришиной «Концепт „вода” в языковой картине мира» является своего рода продолжением работы Г. Н. Скляревской, однако выполнено в аспекте новых, когнитивных и лингвокультурологических, изысканий [Гришина 2002]. Придерживаясь распространенной в лингвистике точки зрения, согласно которой фрагменты картины мира на синхронном уровне не всегда есть отражение современных представлений людей о мире, Н. В. Гришина обращается к диахроническому анализу, предполагающему не только исследование истоков формирования понятия, шире – концепта, но и анализ его динамики во времени в связи с развитием мышления, культуры и т. д. С этой целью проводится контрастивное описание номинативного и метафорического поля ВОДА в русском языке IX-XV вв., в древнерусском языке и в современном русском языке.

На основании проведенного анализа исследователь приходит к выводу о том, что «существенные изменения происходят в той части метафорического поля, которая именуется проточную воду и движение воды в целом» [Гришина 2002: 171]. Зачатки таких изменений отмечались уже во второй половине XV – XVII вв., но «именно в современном русском языке, – указывает Н. В. Гришина, – отражен общий принцип осмысления устойчивости и разви-

тия чего-либо как непрерывного движения, причем чем интенсивнее движение, тем устойчивее во времени данное явление (*жизнь бьет ключом, бурлит, кипит*)» [Гришина 2002: 172]. Интересным для нас является также вывод о том, что наличие стабильной формы воспринимается как стабильность явления во времени, его качественная неизменяемость, тогда как текучесть вещества, наличие воды в составе ассоциируются с нестабильностью во времени, с внутренним непостоянством и т. д.. Наиболее регулярно в современном русском языке с помощью членов этого поля характеризуются отрицательно оцениваемые явления и качества внутренней и социальной жизни человека (*текучесть кадров, жидковатый аргумент*).

Представленные нами обзоры анализа некоторых концептов позволяют сделать вывод о том, что содержание концептов значительно объемнее, чем содержание одноименных языковых сущностей.

Блестящим образцом описания доминантных концептов области «Неживая природа» можно считать диссертационное исследование С. А. Курбатовой «Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности» [Курбатова 2000]. Наиболее важными и существенными для нас стали следующие выводы:

- чем значимее для носителей языка понятие мира природы, тем больше вероятность существования в языке наименований, уточняющих деление объектов на классы;

- ассоциативно-образный компонент значения слов, объединенных архилексемой ПРИРОДА, в наибольшей мере несет в себе черты древней мифологической картины мира. Слова лексико-семантической области, описывающей природу, эквиваленты на уровне денотативного значения и неполноэквивалентны по коннотациям и культурному фону;

- доминантами русской языковой личности в мире природы являются такие архетипы и культурные концепты, как *родная земля, живой огонь и живая вода*, архетипическое противопоставление *неба и земли, русский лес, широкая река* [Курбатова 2000].

Таким образом, когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира; модель мира в каждой культуре строится из целого ряда универсальных концептов, которые сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику. Несомненная связь идеографически организованных языковых выражений с концептуальной системой позволяет представить идеографическую организацию в качестве концептуальной модели, содержащей все знания и весь ценностный опыт, накопленный русской нацией. Анализ концептов и исследование концептуального устройства области «Неживая природа», а также исследование метафор, образованных на ее основе, позволит получить достоверную информацию об особенностях мироздания русского народа.

Основываясь на внеязыковом знании области-источника метафорической экспансии, учитывая опыт классификаций наших предшественников и опираясь на собранный практический материал, мы посчитали возможным создать следующую классификацию концептов области-источника «Неживая природа». Укажем, что целям нашего когнитивного описания соответствует широкий подход к выбору концептов источниковой области.

ЗЕМНОЙ ШАР

• ЗЕМЛЯ

1. Формы рельефа

Ландшафт (*ландшафт, пейзаж*)

Углубления (*пропасть, овраг, обрыв, ров, яма*)

Возвышенности (*вершина, бугры, горы, пик, скала, утес, холмы*)

Равнины (*поле, равнина, пустыня*)

Путь (*дорога, переправа, перепутье, путь; светлый, прямой, окольный, гибельный, порочный, скользкий; горизонт, карта, компас*)

2. Почва (*почва, гумус, компост, говна, навоз; благодатная, питательная, унавоженная, плодородная, удобренная; вспахивать возделывать, взрыхливать, создавать; пахота, землепашцы*)

3. Богатства недр

Общие наименования (*недра, месторождение, полезные ископаемые, пустая порода; отлеживаться, отдыхать, копиться, зреть, вызреть*)

Драгоценные металлы и камни (*алмаз, жемчуг, золото, изумруд, кристалл, самородок, самоцвет*)

Горные породы (*глина, глиняный, гранит*)

Камень (*камень, булыжник*)

Добыча полезных ископаемых (*зондировать, прощупывать, копать, выдавать на-гора, пробуривать породу, глубокое бурение*)

- **ВОДА**

1. **Состояние воды**

Круговорот воды в природе (*круговорот, испариться, выпасть в виде осадков*)

Жидкое состояние: вода (*чистая, мутная, глубокая*)

Твердое состояние: лед (*айсберг, лед, ледяной, льдина; прорубь*)

2. **Водные пространства**

Моря, океаны (*море, океан; бушующий, штормующий*)

Водный поток (*река, поток, водопад, источник, ручей, ручеек, ключ, родник, Волга, Енисей; впадать, литься, течь по руслу, выйти из берегов, (не) иссякнуть, протекать, утекать, хлестать, хлынуть, бежать быстрее, обмелеть; обильный, бурный, мощный, могучий*)

Болото (*болото, трясина, зыбун, полужидкая консистенция, тина; болотные огни; затхлое, зловонное, гниущее, гнилостное; таить серьезную опасность, затянуть в болото, увязнуть, провалиться, барахтаться*)

3. **Характер движения воды**

Волны (*зыбь, всплески, круги на воде, приливы, отливы, волны, девятый вал, цунами, шторм; подняться, отхлынуть, вернуться, накатывать*)

Подводные течения, водовороты (*подводные течения, водоворот, пучина; затягивать, погрузиться*)

4. **Особенности движения по воде**

Русло реки (*русло; спокойное, нормальное*)

Характер дна

Глубины (*бездна, подводные ямы; погружаться, вытащить*)

Подводные препятствия (*риффы, подводные камни*)

Аномальные явления (*Бермудский треугольник*)

Регулирование движения по воде (*фарватер, кильватер, шлюзы, маршрутные карты, курс, регулирование, проводка судна, барометр, маяк; следовать, двигаться*)

- **СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ**

Землетрясения (*землетрясение, подземные толчки, подземный гул, эпицентр, вздрагивать, тектонические сдвиги, разломы*)

Извержения вулканов (*вулкан, просыпающийся вулкан, мощный выплеск, лава, горячий пепел, огнедышащее жерло*)

Лавина, обвал (*лавина, снежная лавина, лавинообразный, обвал, ледовый обвал, обрушиться*)

Пожар (*пожар, разжечь, раздуть, задымиться, пламя, огонь, тлеть, гореть*)

АТМОСФЕРА. КОСМОС

• АТМОСФЕРА

1. Газовая оболочка Земли (*атмосфера, воздух, вакуум*)

2. Климат и погода

Основные характеристики (*климат, микроклимат, изменение климата; погода, хорошая, плохая погода, непогода; сезон; потепление, глобальное потепление, оттепель; мороз, заморозки, мерзлота, холод, точка замерзания; замораживать; благоприятный, хороший, нормальный, скверный, дурной, неблагоприятный*)

Прогноз погоды (*Гидрометцентр, Илья-пророк, предсказывать погоду, прогноз погоды, барометр, синоптик*)

Средства защиты от непогоды (*зонтик, громоотвод*)

3. Метеоусловия

Ветер

Ветер как движение воздуха (*ветер, ветрено, эфирный поток, сквозняк повеять, дуть, подуть*)

Ветер в зависимости от его силы (*штиль, безветрие, затишье; бриз, слабый, легкий, ветерок; шквал, буря, ураган, тайфун, смерч, вихрь*)

Ветер в зависимости от его направления (*норд-ост, зюйд-ост, изменить направление, роза ветров*)

Ветер в зависимости от проявления тепла (*холодный, свежий, суховей*)

Ветер, сопровождающийся осадками (*буран, пурга, метель*)

Атмосферная влага

Осадки (*осадки, дождь, осенний дождь, снег, капать, сыпаться, мочить*)

Последствия осадков (*лужа, грязь, слякоть*)

Облачность (*облако, туча, туман, пелена; сгущаться, таять*)

Температура воздуха (*температура, пойти вверх, повышение градуса; 9/11 по Фаренгейту; замерзать*)

Электрические явления в атмосфере (*гроза, грозовой, гром, первый гром, молния, вспышка, раскаты; грянуть, прогреметь, отгреметь*)

Оптические явления в атмосфере (*мираж, радуга, радужный, заря, рассвет, закат, забрезжить, таять, рассеиваться, растворяться*)

4. Времена года (*весна, лето, холодное лето, жаркое лето, август, осень, зима*)

• КОСМОС

1. Ближний космос (Солнечная система)

Солнце (*солнце, солнышко, солнечный круг, затмение солнца, светило*)

Луна (*луна, слияние лун, видимая часть луны, новолуние, полнолуние, лунная тень, серпик луны*)

Планеты (*планета, парад планет, орбита*)

Небесная сфера (*небо, небосклон*)

2. Дальний космос

Образование Вселенной (*Большой Взрыв, разбегаются галактики*)

Звезды (*звезда, полярная звезда, новая звезда, звезда первой величины, путеводная звезда, восходящая звезда, сверхновая звезда, звездочка, звездопад, закат звезды, свет угасающей звезды, свет умершей звезды, созвездие, Малая Медведица; гореть, светить, погаснуть, зажигаться*)

Черные дыры (*черная дыра, втягивать в свое движение, засасывать, поглощать, исчезать, проваливаться, пропадать*)

Малые тела (*астероид, метеор, сателлит, комета, хвост кометы; лететь, ворваться, крутиться, перемещаться*)

1. 3. Семантический и когнитивный подходы к изучению метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа»

Изучение метафоры имеет более чем двухтысячелетнюю историю: известно, что современные исследования основываются на идее метафорического переноса, идущей еще от Аристотеля, который утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Однако, несмотря на накопленный значительный объем знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень, обусловленный актуализацией когнитивных исследований.

Метафора традиционно является объектом исследования не только в языкознании, но и в других областях: «Мы переживаем время тотального интереса к метафоре, – пишет Г. Н. Складарская. – На феномене метафоры сосредоточили свое внимание философы, логики, психологи, психолингвисты, стилисты, литературоведы, семасиологи» [Складарская 1993: 3]. В лингвистике теория метафоры связана с именами таких ученых, как А. А. Потебня, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Д. Н. Шмелев, В. Г. Гак, Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Складарская, А. Н. Баранов, а также с именами зарубежных лингвистов: М. Блэк, А. Ричардс, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др. Достаточно полное представление о направлениях лингвистического изучения метафоры в зарубежной науке дает сборник «Теория метафоры», где представлены работы, отражающие самые разные точки зрения [Теория метафоры 1990]. Подробный анализ исследований по метафоре в русской научной литературе содержится в работе Г. Н. Складарской «Языковая метафора в толковом словаре», где отмечается, что понимание сложного, а подчас противоречивого «положения метафоры ... заставило исследовательскую мысль двигаться в разных направлениях, рассматривать разные грани этого многогранного явления, устремляться вширь, сопоставляя его с другими, иногда весьма отдаленными явлениями, и вглубь, расчленяя его структуру» [Складарская 1993: 10].

ревская 1988: 1]. В отечественной науке Г. Н. Складарская условно выделила одиннадцать направлений изучения языковой метафоры: семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое, логическое, собственно лингвистическое, лингво-стилистическое, психолингвистическое, экспрессиологическое, лингво-литературоведческое, лексикологическое и лексикографическое [Складарская 1993: 6 – 11].

За последнее десятилетие сформировалась самостоятельная научная область – метафорология, объектом исследования которой является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный). О. Н. Лагута в монографии «Метафорология: теоретические аспекты», обобщая основные результаты метафорологических изысканий в рамках философских, логических, психологических (включая нейрологические и психотерапевтические) и лингвистических работ, приходит к выводу о том, что метафора и метафоризация в исследованиях разных направлений рассматриваются как особые объекты: 1. лингвопоэтические, находящиеся на стыке предметных интересов лингвистики, текстовой поэтики, риторики и стилистики; 2. ментальные сущности, концепты, обладающие особым механизмом образования; 3. нейролингвистические; 4. онтолингвистические; 5. герменевтические и интерпретационные; 6. лексикологические; 7. объекты идиолектных описаний; 8. лексикографические; 9. лингвокультурологические; 10. объекты коммуникативистики и теории речевых актов; 11. объекты прагматических исследований; 12. семиотические объекты; 13. объекты социолингвистического описания [Лагута 2003: 8 – 11].

Широта объектных и предметных границ метафорологии как новой научной области отражает неоднозначность решения проблемы метафоры в лингвистике. Вместе с тем, по мнению В. В. Петрова, все многообразие исследовательских подходов к изучению метафоры можно свести к двум различным направлениям – семантическому и когнитивному. «С позиций первого, механизм и ре-

зультат переноса хорошо описываются посредством концепции значения. В рамках второго – основную роль играет „знание”», – пишет исследователь [Петров 1990: 135]. Позиция В. В. Петрова близка авторам «Краткого словаря когнитивных терминов»: «Думается, что в когнитивной лингвистике перспективным является то направление в семантике, которое защищает идеи о противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому)» [Кубрякова и др. 1996: 92]. Контрастивное сопоставление основных положений структурно-семантического и когнитивного подходов представлено в монографии А. П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000)» [Чудинов 2001].

Поддерживая идею различия семантического, традиционного и когнитивного направлений в изучении метафоры, специально остановимся на тех работах, в фокусе внимания которых находятся метафоры с источниковой концептуальной областью «Неживая природа». Укажем, что исследованию и описанию подвергались отдельные, наиболее значимые для русского сознания метафорические концепты, такие, например, как *вода* [Гришина 2002, Складаревская 1993], *ветер* [Гачев 1988, Деревяненко 1977, Осколкова 2004], *солнце* и *луна* [Стафеева 2000]. Наряду с анализом отдельных метафор ученые предпринимают попытки представить описание целых групп взаимосвязанных природных метафор [Дорлигийн 1999, Курбатова 2000, Лагута 2003, Мистюк 1998, Чжин Ем Су 2001, Шитикова 2002 и др.]. Вместе с тем в научной литературе обращается внимание на недостаточность подобных исследований, особенно – проведенных в русле когнитивных изысканий: «В меньшей мере лингвисты изучают концепты, отражающие признаки конкретной, реальной действительности», – указывают З. Д. Попова, И. А. Стернин в «Очерках по когнитивной лингвистике» [Попова, Стернин 2003: 12].

Традиционные теории метафоры. Говоря об исследованиях, выполненных в традиционном русле, мы в первую очередь имеем в виду те из них, в которых проблемы метафоры и метафорообразования решаются в семантическом

и в семантико-стилистическом аспектах (традиционно метафора рассматривалась как средство создания образности и способ украшения речи).

В. В. Петров в обзоре «Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу», обращаясь к исследованиям зарубежных лингвистов: М. Блэка, Дж. Серля, Д. Ротбарта, Е. Киттей, – определяет основные идеи семантического уровня представления метафор. В частности, существенными являются предложенные М. Блэком понятия «фильтрации» и, позже, «проекции» некоторых характеристик *B* на *A* [Блэк 1990]. Другой важной особенностью теории М. Блэка В. В. Петров считает упор на концепцию значения при описании модели метафорообразования. «В соответствии со строго семантической точкой зрения образование метафоры обязательно предполагает изменение значения исходного выражения. Самый простой вариант – экстенсивное расширение значения слова или выражения до нового, метафорического значения, – указывает В. В. Петров. – При этом одно и то же выражение может иметь два вида значения – буквальное и так называемое метафорическое, появляющееся в конкретных актах употребления» [Петров 1990: 136].

Объяснение механизма образования метафор может основываться также, по замечанию В. В. Петрова, на теории семантического поля. Истоки названной теории восходят к Ф. де Соссюру, утверждавшему, что значение слова в языке зависит от его смысловых отношений с другими словами. В рамках данного подхода метафорический перенос стал рассматриваться как перенос от одного структурированного и взаимосвязанного в единое целое семантического поля к другому полю, что в конечном счете приводит к реорганизации семантического поля с соответствующим изменением значения [Петров 1990: 137].

В отечественной лингвистике семантический подход к процессу метафоризации представлен направлением, которое изучает, с одной стороны, семную структуру языковой и речевой метафоры, с другой стороны, семантические поля, к которым эта метафора относится во вторичном значении [Арутюнова

1978, 1979, 1980; Гак 1999; Никитин 1979; Новиков 1982; Складаревская 1993; Стернин 1985; Черкасова 1968; Шмелев 1973 и др.].

Важно отметить, что для семантического направления характерно разграничение метафоры и близких или смежных языковых явлений: метонимии, синекдохи, сравнительного оборота и т. д. Так, в 60-ых годах Е. Т. Черкасова, внесшая существенный вклад в разработку теории метафоры, стремилась уточнить конкретное содержание понятия, обозначаемого словом *метафора*; отграничивая процессы и явления, в отношении которых терминологически оправданным с лингвистической точки зрения является применение слова *перенос*. Это образование новых слов и использование старых для обозначения предметов и явлений, не имеющих еще своего имени (первоначальная номинация в широком смысле слова, включающая и терминообразование, и явления так называемой «функциональной номинации»), а также использование старых слов для условного переименования предметов и явлений, уже имеющих свое имя (символы, арготизмы и т. д.). В перечисленных случаях название одного предмета переносится (используется) для наречения имени другому предмету. В этом смысле применение понятия, означаемого словом *перенос*, в отношении метафоры лишено внутреннего основания, потому что метафоризация – это «глубокое внутреннее семантическое преобразование слова, семантическая эволюция его значения» [Черкасова 1968: 29].

Также Е. Т. Черкасова отчетливо отграничивает метафору от других видов тропов, особенно критикуя основанное на античных риториках определение метафоры как «сокращенного сравнения». Исследователь говорит о том, что понятия *сравнение* и *метафора* близки, но не тождественны: сравнение как процесс ассоциаций по сходству – категория психологическая, а метафора – явление собственно семантическое, характеризующееся семантической двуплановостью, которая возникает на базе взаимодействия только лексических значений слова; сравнение в метафоре выражается нерасчлененно, собственно семантическими средствами [Черкасова 1962: 34 – 35].

Согласно исследованиям, проведенным В. Г. Гаком, структура значения слова включает три типа сем: «архисемы (родового значения), дифференцирующие семы (видового значения) и потенциальные семы, отражающие побочные и возможные характеристики денотата» [Гак 1971: 96]. При изменении значения слова, при образовании его переносного значения изменяется семантическая структура слова, причем характер изменений в семантической структуре слова зависит прежде всего от типа переноса (метонимический, метафорический, функциональный).

Г. С. Хромых, опираясь на концепцию В. Г. Гака, предпринимает попытку представить модель метонимического переноса на материале пространственной лексики русского и английского языков. Рассмотрев русские и английские существительные из лексико-семантических групп «Дороги», «Водоемы», «Рельеф», исследователь выделяет следующий метонимический перенос: место → состояние, ситуация. Например, **Puddle** – лужа 1) «небольшое углубление со скопившейся дождевой или подпочвенной водой» – $Ld(e)$, 2) перен. значение «неловкое, неприятное состояние» – $Ye(Lwd)$, где L – архисема «место», Y – архисема «состояние», потенциальные семы: e – отрицательная оценка, w – вода, d – размер, конфигурация. На основании проведенного анализа Г. С. Хромых пришла к выводу о том, что «часть денотативной семемы входит в коннотативную семему в качестве семы, потенциальная сема переходит в коннотативную семему в качестве дифференцирующей семы или архисемы» [Хромых 1977: 84 – 86].

Г. Н. Складневской был предложен опыт компонентного анализа метафорического значения слова [Складневская 1993]. Понимая лексическое значение как структуру, состоящую из денотативного содержания, включающего ядро и периферию, и коннотативного окружения, исследователь отмечает, что в процессе метафоризации может актуализироваться любая коннотативная (потенциальная) сема, как бы далеко она ни отстояла от денотативного ядра.

Развивая идею системности языковой метафоры на основе анализа семантического поля с архилексемой ВОДА, Г. Н. Складревская приходит к выводу о том, что поле обладает сдвоенной структурой: первичное поле (исходное, номинативное) отражает естественные, реальные связи между объектами действительности. Каждый член исходного поля может подвергаться метафоризации, образуя метафорический пучок. Совокупность метафорических пучков образует вторичное, метафорическое, поле, отражающее метафорические связи. При этом «метафорическое поле обнаруживает семантическую зависимость от границ номинативного поля, и его границы не могут быть определены вне зависимости от границ номинативного поля» [Складревская 1993: 115]. Такой подход предполагает в первую очередь исследование системы метафорических значений с точки зрения их семантической производности от номинативных, а также анализ синонимических, антонимических, словообразовательных связей внутри метафорического пространства.

Например, внешний аспект системы метафорического поля ВОДА, выделенного Г. Н. Складревской, проявляется в существовании следующих тематических групп:

1. «Водоемы и их части»;
2. «Формы существования воды, определяемые характером и способом ее движения»;
3. «Характер и особенности движения воды»;
4. «Свойства воды»;
5. «Характерные действия, связанные с водой, производимые в воде»;
6. «Характерные состояния воды, действия, связанные с ними»;
7. «Свойства, обусловленные наличием / отсутствием, количеством, воздействием воды».

Как показал исследуемый Г. Н. Складревской материал, «круг связей при метафоризации расширяется отнюдь не произвольно, но всегда детерминирован... набором и сочетанием сем в семантической структуре исходного значения» [Складревская 1993: 136].

В центре внимания лингвистов находились языковые характеристики метафор: семантические (взаимодействие прямого и переносного значений в метафоризируемом слове, общие семы), лексические (сочетаемость метафор с дру-

гими словами), морфологические (особенности процесса метафоризации в зависимости от принадлежности слова к определенной части речи), синтаксические (типы сочетаний, в которых реализуется метафорическое значение слова). Например, в этом ключе выполнены работы Н. Д. Бессарабовой [Бессарабова 1979, 1987] и Т. Л. Мистюк [Мистюк 1998].

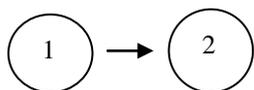
Н. Д. Бессарабова анализирует метафорические сочетания в общественно-публицистическом стиле русского литературного языка 70-ых годов XX в. Примеры, иллюстрирующие теоретические положения исследования, представляют для нас особый интерес, так как они отражают политическую жизнь времен «холодной войны». На наш взгляд, в этих примерах прослеживается яркая оппозиция по признаку «свой – чужой». Для характеристики «своих», сторонников социалистической идеологии, употребляются метафоры с позитивным потенциалом, такие, как *африканский прибор (о росте национально-освободительного движения в Африке), истоки революционной борьбы* и др. Для характеристики «чужих» используется ряд негативно окрашенных метафорических сочетаний: *трясина идеологической диверсии, процесс «высыхания» Западного Берлина, прорва Пентагона* и др. На основании анализа данных примеров мы можем судить не только о тенденциях развития и изменения метафорической системы языка, но и – главное – об эволюции общественно-политического мышления

Т. Л. Мистюк, рассматривая закономерности формирования и функционирования метафорической лексики 90-ых годов XX в., в качестве источников метафоризации выделяет лексико-семантические поля «Человек», «Животный мир», «Растительный мир», «Явления природы», «Предметный мир», «Абстрактные категории». Поле «Явления природы» включает в свой состав следующие группы:

1. «Наименования явлений, связанных с водой и водным пространством» (залив, шторм);
2. «Наименования явлений природы, имеющих стихийный характер» (вулкан, землетрясение);
3. «Наименования явлений природы, находящихся в газообразном состоянии» (дым, пар);

4. «Наименования углублений, неровностей на поверхности земли, почвы» (воронка, ухаб, эрозия).

Исследование Т. Л. Мистюк выполнено в семасиологическом русле: установив прямое и переносное значения слова, автор определяет общую для них сему. Например: ЭРОЗИЯ. 1. «Процесс разрушения почвы, земной коры, производимый водой, льдом или ветром». 2. перен. «Разрушение чего-либо». *Процесс эрозии центральной власти остановлен* (МН. – 23.01.94).

ОС: «постепенное разрушение чего-либо».

По мнению Т. Л. Мистюк, все метафоры, входящие в состав лексико-семантического поля «Явления природы», имеют негативный потенциал. «Подобные метафоры именуют разрушительные процессы или явления, наблюдаемые в сферах экономики и политики. Реализуются они чаще всего в оппозиционной прессе, выражая негативную оценку соответствующих процессов», – заключает Т. Л. Мистюк [Мистюк 1998: 74 – 76].

Таким образом, при семантическом подходе в первую очередь рассматриваются семная структура метафоры, семантические процессы, формирующие метафорические значения, соотношение сем в исходном и метафорическом значениях, а также семантические поля, к которым эта метафора относится во вторичном значении.

Семантико-стилистический подход к анализу метафоры – это акцентирование выразительности метафоры, ее роли в создании авторского стиля и т. д. Поскольку образы природы всегда осознавались как объекты эстетического отношения, как средство раскрытия содержания и как наиболее прямое и непосредственное воплощение идеала, постольку исследователи с особым вниманием разрабатывали содержание и принципы филологического изучения пейзажа [Гринфельд-Зингурс 1989, Иванова 1994, Козыро 1988, Санченко 1989, Эпштейн 1990]. «Характерологическая функция пейзажа напрямую связана с его способностью содержать в себе историко-культурную коннотацию, которая включает в себя ассоциации, связывающие образы природы с теми или иными

событиями истории, мифологией, традициями, образом жизни народа», – пишет Н. Д. Иванова [Иванова 1994: 76].

В лингвостилистическом и лингволитературоведческом изучении состава пейзажа, архитектоники природных реалий особое место занимают исследования метафоры *дороги* и *ветра* («ветровой стихии», «музыки ветров»). Такое внимание может быть объяснено тем, что метафоры *дороги* и *ветра*, как никакие другие, способны отражать динамизм и событийность мира.

Известные фольклорные мотивы дороги как «выпавшей судьбы», жизненной доли находят свое продолжение в творчестве русских писателей. В частности, к исследованию характерных функций образа дороги у Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого обращается А. И. Карпенко. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что Гоголю свойственно пафосно-романтическое восприятие *дороги*, передающее устремленность общества «на высокую жизнь»: дорога выступает как символ жизни, как мотив «заблуждения», мотив утраты и поиска прямого пути. В конечном счете, заключает автор, дорога у Гоголя не столько «дорога на Руси», сколько «**дорога Руси**». Несмотря на более реалистическое описание, образ дороги у Л. Н. Толстого столь же семантически многопланов в своем метафорическом развитии: дорога – это «путь чести или бесчестия», «странное заблуждение» людей, «предопределенность судьбы», «духовное прозрение». А главное, художественная мысль Толстого и Гоголя связывает метафорический образ дороги с представлениями о путях и судьбах целых эпох; у писателей возникает образ пробуждающейся в дороге «живой души», в ее «осветившейся» глубине открывается простор неистребимой, обращенной в будущее жизни [Карпенко 1980: 17 – 23]. Таким образом, возникает концепция народа, его национального характера, концепция исторического пути развития России, связанная, прежде всего, с метафорическим образом дороги, устремленной в будущее.

Не меньший интерес для нас представляют исследования, посвященные анализу метафоры *ветра*, функционирующей в поэтическом языке. Так, в публикации Т. А. Дервяненко, посвященной выявлению особенностей метафори-

ческой семантики слова *ветер* в произведениях В. А. Луговского, определены следующие закономерности.

1. *Ветер* уподобляется духу времени, пафосу эпохи: *Клеи по ветру и свист по холоду / Над землей, пополам расколотой; горький ветер мира.*

2. Слово *ветер* используется для обозначения социальных движений, порывов, напряжений: *ветер, обутий в солдатские гетры*, – это поэтическое обозначение «заблудившейся» народной массы, участвовавшей в гражданской войне на стороне контрреволюции; в поэме «Баку! Баку!» *норд-ост* является символом чужой, враждебной силы (выделено нами – Н. Ч.).

В результате анализа Т. А. Деревяненко приходит к выводу о том, что метафора *ветра*, будучи характерной романтической деталью стиля В. Луговского, вводит читателя в контекст определенной эпохи: послереволюционного времени, отмеченного «разгулом человеческих страстей», и предвоенного времени, «тревожного ожидания военных походов, лишений и бед» [Деревяненко 1977: 49 – 53].

Одним из самых ярких описаний метафоры *ветра* стало диссертационное исследование Н. В. Осколковой «Особенности структуры эстетического поля денотативного класса ВЕТЕР», выявляющее особенности эстетического (образного) познания ветра в русском поэтическом языке [Осколкова 2004]. Опустив теоретические изыскания работы, предложившей понятие эстетического поля денотативного класса (совокупность единиц, фиксирующих результаты образного познания мира на определенном этапе развития поэтического языка) в качестве модели эстетического освоения фрагмента мира, остановимся на особенностях метафорических образов ветра в русской поэзии.

Укажем, что Н. В. Осколкова рассматривает метафоры и сравнения совместно, придерживаясь взгляда на метафору как на эллиптическое (сжатое) сравнение. Согласно ее исследованию, в поэзии ветер сравнивается: 1) с животными (*ветр как дикий зверь, ветра буйный конь*); 2) с человеком (*ветер – пастух божьих очей* (об облаках), *сырой погонщик*); 3) с орудиями (*ветров бесноватая плеть, бритва ветра, на ветра скрещенных саблях*).

По замечанию исследователя, в поэзии XVIII – XIX вв. преобладают тропы, включающие те единицы денотативного класса, которые обозначают ветер зна-

чительной силы (вихрь, буря). В XVIII в. с ними сравниваются социальные катаклизмы (война, мятеж), а в XIX в. – личные переживания. Это приводит к возникновению таких устойчивых образов, как *военные бури, житейские (земные) бури, вихрь страстей*. К числу формульных относятся сравнения коня (либо героя на коне) с вихрем. Для лирики XIX в. характерно сопоставление танца (преимущественно вальса) с единицами денотативного класса ВЕТЕР: *вихрь танца, буря вальса, вихорь вальса* и т. д.

Устойчивыми в поэзии XX в., согласно исследованию, являются сравнения с метелью, вьюгой, пургой. Так, поэтическая формула *метель на сердце*, сопоставляющая эмоции, чувства человека с метелью, реализуется в следующих образах: *утихают сердечные вьюги* (Соловьев); *У меня на сердце без тебя метель*; (Есенин); *сердце, смятое метелью* (Блок); *Подошли метели / К сердцу моему. / Подошли метели, / Сердце замели* (Межиров).

Рассмотрев поэтические тексты различных периодов развития поэтического языка, Н. В. Осколкова выявила значительные изменения в образной интерпретации объекта «ветер». Тем не менее, исследователь считает возможным говорить о целостном образе ветра в русской поэзии, созданном общими направлениями концептуализации, а также преемственностью периодов развития поэтического языка.

Таким образом, при семантико-стилистическом подходе метафора понимается как образное средство, как один из способов придания выразительности речи, художественный прием, троп, образованный на основе сходства.

Основные положения семантического направления в изучении метафоры сводятся к следующему:

- вторичность номинации;
- семантическая двуплановость метафоры;
- наличие общих смысловых компонентов в основном и переносном значениях;
- метафорический (необычный) контекст;
- наличие особых семантических классов слов, способных развивать образные значения;
- содержание оценочного компонента в семантике метафоры;

– сохранение образного элемента, при этом под образностью понимается способность языкового знака выразить неязыковое содержание посредством целостного наглядного представления образа.

Когнитивные исследования. Традиционное отношение к метафоре было возможным до тех пор, пока «дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов». Изменение подходов к дискурсу как «сложному коммуникативному явлению, включающему кроме текста экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989: 8], перевернуло и взгляды на метафору. Владение экстралингвистическими «факторами» становится необходимым условием для понимания метафорического высказывания, поэтому адресат должен актуализировать систему общепринятых ассоциаций, соединить возможные суждения «с имеющимся представлением о главном субъекте, образуя пусть даже необычное сочетание смыслов» [Блэк 1990: 164].

Основное отличие когнитивной семантики от традиционной заключается в том, что в рамках когнитивного подхода лингвисты стремятся объяснить языковые явления с помощью обращения к другим когнитивным системам: «метод когнитивной науки заключается, прежде всего, в попытке совместить данные разных наук, гармонизировать эти данные и найти смысл семантической непрерывности», – пишет В. А. Маслова в учебном пособии «Когнитивная лингвистика» [Маслова 2004: 44].

В роли фундаментальной когнитивной операции, участвующей в организации, обобщении человеческого опыта и восприятия мира, постулируется метафора. «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... Наши понятия упорядочивают воспринимаемую реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повсе-

дневный опыт и поведение в значительной степени обусловлены метафорой», – писали Дж. Лакофф и М. Джонсон, авторы отдельного направления когнитивной лингвистики – теории концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 1990: 387].

В основе данной теории лежит идея о том, что метафора – это не просто языковой феномен, но и повседневная концептуальная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой [Лакофф, Джонсон 1990]. А. Ченки перечисляет наиболее важные черты концептуальных метафор.

1. Метафоры представляют собой мост от знакомого к незнакомому, от очевидного к менее очевидному. По сравнению с областью-мишенью, область-источник обычно:

- интуитивно понятнее,
- конкретнее,
- известна скорее всего через непосредственный физический опыт,
- известна более детально,
- легче передается одним человеком другому.

2. Области, связанные метафорой, ассиметричны, неравны. Метафора «Любовь – это путешествие» распространена в ряде культур, а «Путешествие – это любовь» не встречается, поскольку физические события не понимаются через абстрактные.

3. Метафоры содержат парадокс, утверждая, что $A = X$ и при этом $X \neq A$. Они сосредотачивают внимание на избранных аспектах сравнения. Например, метафора «Время – деньги», характерная для американской культуры, сосредотачивается на функции денег, а не на размере купюры или материале.

4. Метафоры функционируют на разных уровнях конкретности, некоторые на высшем, более общем уровне, а другие на более конкретном. Метафоры высокого уровня пользуются большей универсальностью, проявляются в разных языках и культурах, а метафоры более низкого уровня, скорее, культурно специфические [Ченки 2002: 352 – 354].

Теория концептуальной метафоры, возникшая в США, нашла свое продолжение в России: на когнитивную природу процесса метафоризации обращают внимание многие исследователи (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов,

Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.). В «Кратком словаре когнитивных терминов» метафора определяется Е. С. Кубряковой как основная ментальная операция, как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [Кубрякова и др. 1996: 55]. А. Н. Баранов пишет: «С когнитивной точки зрения процесс метафоризации – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания (неизвестное становится известным, а известное – совершенно новым и т. п.). Фактически происходит „наведение“ новой категоризации на действительность или ее отдельные фрагменты» [Баранов 1991: 185].

Метафора рассматривается учеными в качестве языкового отображения крайне важных аналоговых процессов, подчеркивается ее активное участие в формировании личностной модели мира, важная роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, кроме того, метафора признается ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия [Петров 1990; Чудинов 2001, 2003].

Результатом процесса метафорической концептуализации действительности, специфика которой определяется национальным, социальным и личностным сознанием, выступает определенная система знаний. Путем описания основных ее элементов может быть получено целостное представление о национальной картине мира. По мнению Е. С. Кубряковой, формулы концептуальных метафор можно было бы считать «новыми реальностями языка» [Кубрякова 1999: 5]. Отдельные модели современной концептуальной метафоры неживой природы детально проанализированы в работах Н. С. Поповой – наименования времен года [Попова 2000] и Е. В. Шитиковой – термины ландшафта [Шитикова 2002].

В теории концептуальной метафоры важное место занимает понятие метафорического моделирования, сущность которого состоит в «раскрытии имплицитных параллельных значений, дополнительных к эксплицитно выраженному смыслу метафорических высказываний [Феденева 1999: 303].

Особую роль в развитии теории концептуальной метафоры, а также теории метафорического моделирования играют публикации, посвященные системати-

зации политической метафоры постсоветской России. Чрезвычайный интерес в этом отношении представляют публикации А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова «Русская политическая метафора» (1991) и «Словарь русских политических метафор» (1994), во вводных разделах которых рассмотрены проблемы выделения и представления метафорических моделей: дано определение метафорической модели, выделены ее структурные части, охарактеризованы языковые способы оживления метафоры, ее функции в политических текстах и др.

Анализ метафорических моделей авторы предлагают произвести посредством метаязыка фреймов. По определению А. Н. Баранова, «фрейм – это описание типизированной ситуации, состоящее из слотов. Каждый слот представляет собой некоторый тип информации, релевантный для описываемого фрагмента действительности» [Баранов, Караулов 1991: 186]. В соответствии с этой концепцией метафорическая модель включает два фрейма. Первый фрейм – фрейм источника – соответствует сигнификативному дескриптору (показывает, какое слово-понятие было использовано для метафорического обозначения), а второй – фрейм цели – денотативному дескриптору (определяет, какая реалья получила данное метафорическое обозначение). Словарь состоит из двух частей: «Метафорические модели политической реальности» и «Мир политики в зеркале метафор». В первой части, построенной по семасиологическому принципу (от означающего к означаемому), метафоры, образованные на базе области-источника «Неживая природа», не встречаются, что объясняется низким индексом использования данных метафор в политическом языке периода 1985 – 1991 гг. Так, в общем составе всего материала «Словаря» концепты области неживой природы занимают только 9,5% (подсчет произведен нами – Н. Ч.). Во второй части словаря, построенной в ономасиологическом плане (от означаемого к означающему), интересующие нас метафоры используются для представления некоторых элементов политической жизни России 1985-1991 гг. Представим их.

ДЕМОКРАТИЯ: демократия – *звезда, океан, стихия*; демократизация – *выход из берегов*.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: законодательство – *путь*; вести незаконную деятельность – *открыть шлюзы*; закон – *камень*; функционирование законов – *атмосфера, волна*.

КГБ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КГБ: жертвы КГБ – *реки*; лагеря – *архипелаг*.

КПСС: выход из КПСС – волна, отток.

ПЕРЕСТРОЙКА: перестройка – путь / дорога > перевал – виток – поворот; поток; болото; восход солнца, вторая оттепель; начало – истоки; развитие / ход – движение по дороге, углубление; трудности – колдобина, отлив.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ И ВОЖДЫ: мавзолей Ленина – айсберг.

РОССИЯ: Россия – транспортное средство (корабль); глыба; правительство России – шлюз.

СССР: СССР – транспортное средство (корабль, лодка, телега, поезд, возок, космический корабль, самолет, бронепоезд, дредноут, обоз); союзные республики – галактики; суденышки; Грузия – островок.

ФИНАНСЫ: рост / реформа цен – вихрь.

ЭКОНОМИКА / ХОЗЯЙСТВО: экономика / хозяйство – транспортное средство (корабль > броненосец; поезд; колымага, телега); рыночная экономика – стихия; частный сектор экономики – водный поток; хозрасчет – путь; экономическая теория – капли дождя (?); положение дел в экономике – оттепель, потепление; трясина / болото; беспутье, сгущение туч; реформа экономики – зябкие воды, ураган; программа экономических реформ – корабль; экономические связи – корабль [Баранов, Караулов 1991].

Укажем, что источником метафорической экспансии при номинации политических реалий периода перестройки выступают такие сферы неживой природы, как «Вода» – 42,9%, «Рельеф» – 25,7%, «Атмосфера» – 22,9%, «Космос» – 8,5% (подсчет произведен нами – Н. Ч.).

В монографиях А. П. Чудинова [Чудинов 2001, 2003] дана когнитивная характеристика ведущих моделей метафорического представления современной политической реальности и выделены ведущие концептуальные векторы современной политической метафоры. Среди основных разрядов русской политической метафоры последнего десятилетия XX века исследователь выделяет и метафоры с областью-источником «Природа».

Продолжением характеристики ведущих моделей метафорического представления действительности стали диссертация и статьи Ю. Б. Феденевой [Феденева 1997, 1998, 1999]. Автор рассматривает функционирование метафор в политических текстах в периоды обострения политической ситуации (референдум, выборы, путч) и выделяет среди прочих метафорическую модель «Политика – это стихии», составляющую всего 7,8% от общего количества материала. Согласно ее исследованиям, данная метафорическая модель состоит из двух фреймов: «Воздушная стихия» и «Водная стихия». Более структурированным

является второй фрейм, включающий в свой состав слоты: «Вода и ее движение», «Источники воды и водоемы» и «Плавание». Денотативная область метафорической модели «Политика – это стихии»: Россия, средства массовой информации, те или иные общественные события. На основании проведенного анализа Ю. Б. Феденева приходит к выводу о том, что «структуризация модели „стихий” дает представление о концептах политики как об изменчивых, неустойчивых, практически независимых от воли человека» [Феденева 1999: 340].

Попытка изучения политической метафоры в когнитивном аспекте принята Дорлигийн Амарзая [Дорлигийн 1999]. В русском политическом дискурсе среди ряда других метафорических моделей, рассмотренных в качестве референциальной основы когнитивной интерпретации, исследователь выделяет модель «Погода». Причинами переносного употребления в политическом дискурсе слов группы «Погода» являются, как указывает исследователь, экономическая и политическая ситуация страны, неожиданные перемены в политической жизни, а также многие другие негативные явления в обществе [Дорлигийн 1999: 89]. Обращает на себя внимание недостаточность доказательной базы исследования: автор приходит к данному выводу на основании очень небольшого количества примеров метафорического словоупотребления (*ветер перемен воорвался; наркотическое облако сгущается; мы побежали против дождя, но быстро вышли в лучи теплого солнца*).

В диссертационном исследовании Ем Су Чжин «Метафора в газетном тексте» [Чжин Ем Су 2001] проведен анализ тех семантических классов слов (имен существительных), которые в газетном тексте 1997-2000 гг. чаще других получают метафорическое переосмысление: «Человек», «Животные», «Природа». Класс «Природа» образуют следующие тематические группы слов: 1. «Атмосферные явления и природные реалии», 2. «Водные объекты», 3. «Растения и их части». Отметим некоторые логические неточности данной классификации. Во-первых, понятия «природа» и «животные» не могут находиться на одном уровне систематики: «природа» – понятие более широкое, родовое по отношению к человеку и животному. Ср.: ПРИРОДА. 1. Все существующее во Вселенной, органический и неорганический мир. 2. Весь неорганический и ор-

ганический мир в его противопоставлении человеку [Ожегов 1989: 596]. Во-вторых, все логические классификации, рассмотренные нами выше, относят «Мир растений» к сфере живой природы наравне с «Миром животных». В конце исследования Ем Су Чжин приходит к выводу о том, что «природная лексика чрезвычайно широко используется для обозначения элементов социальной и духовной жизни общества. Явления и процессы природы также играют роль в выражении психического и физического мира» [Чжин Ем Су 2001: 107].

Таким образом, на основании всего сказанного нами можно сделать следующие выводы. Все многообразие исследовательских приемов изучения метафоры сводится к двум направлениям – традиционному и когнитивному. Традиционное направление представлено двумя подходами: семантическим и семантико-стилистическим. При семантическом подходе рассматривается семная структура метафоры, а также семантические поля, к которым эта метафора относится во вторичном значении. При семантико-стилистическом подходе метафора понимается как образное средство, как один из способов придания выразительности речи. По мнению сторонников когнитивного подхода, метафора – это прежде всего ментальное явление, которому отводится основополагающая роль в концептуализации действительности, то есть в организации, обобщении человеческого опыта, восприятия мира.

Следует отметить, что результаты традиционного и когнитивного исследовательских подходов тесно связаны между собой. С одной стороны, наиболее интересные публикации, выполненные в традиционном русле, предвосхитили собой когнитивные изыскания; с другой стороны, специалисты по когнитивной лингвистике учитывают опыт и достижения, накопленные традиционной школой анализа.

Укажем также, что преобладают работы, анализирующие метафоры с источниковой областью «Неживая природа», в рамках традиционного подхода, и поэтому мы считаем необходимым произвести комплексное когнитивное исследование метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа».

Выводы по первой главе

На основании вышеизложенного следует выделить ряд основополагающих для нашего исследования положений.

1. Несомненная связь идеографически организованных языковых выражений с концептуальной системой позволяет представить идеографическую организацию в качестве концептуальной модели, содержащей все знания и весь ценностный опыт, накопленный русской нацией.

2. В соответствии с принципом родовидовой организации единиц системы синоптическая схема концептуальной области «Неживая природа», предложенная нами, имеет несколько уровней обобщения; при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается. Причем тем больше существует наименований, уточняющих деление объектов на классы, чем значимее для носителей языка понятие мира природы, к таковым в нашей классификации относятся сферы «Земля» и «Вода».

3. В современной лингвистической науке можно обозначить два основных направления, в рамках которых происходит осмысление понятия «концепт», – *когнитивное* и *концептуально-культурологическое*. В когнитивной науке концепт был назван оперативной содержательной единицей языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Культурологическая интерпретация языка позволила определить концепт как «сгусток культуры в сознании человека», включить в структуру концепта все, что делает его фактом культуры: внутреннюю форму, историю слова, современные ассоциации, оценки и т. д. Мы предполагаем, что когнитивный концепт как некий первоначальный квант знания в тексте трансформируется, становясь культурно и эмоционально нагруженным, в культурный концепт – ментальную сущность, которая несет на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. Вследствие этого анализ концептуального устройства области «Неживая природа» позволит получить достоверную информацию об особенностях мировидения русского народа.

4. В концептуализации действительности, то есть в организации, обобщении человеческого опыта, восприятия мира, основополагающая роль отводится метафоре. Когнитологи, отказавшись от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», один из способов украшения речи, а также от присущей структурализму ориентации на изучение собственно языковых закономерностей метафоризации, постулируют метафору в роли фундаментальной когнитивной операции, обеспечивающей перенос образных схем из одной концептуальной области в другую. Метафора – это прежде всего ментальное явление, фиксирующее базовый когнитивный процесс в конвенциональных коммуникативных единицах.

5. В основе процесса метафоризации лежит взаимодействие фреймов, то есть определенных когнитивных структур, которые организуют мысли, восприятие, эмоции, процесс познания. Происходит осмысление одного фрейма (области-цели метафорической экспансии) через призму другого фрейма (области-источника метафорической экспансии). При подобном осмыслении параметры одного явления области-источника будут перенесены на другое явление области-цели, что приводит к появлению целой системы взаимосвязанных метафор. Такого рода система метафор неизбежно ведет к выявлению и актуализации одних свойств явления, характерных для фрейма-источника и значимых для адресата, и к затемнению других, незначимых или сознательно укрываемых.

6. Для описания системы метафор с исходной концептуальной областью «Неживая природа» в дискурсе средств массовой информации целесообразно воспользоваться когнитивной теорией метафорического моделирования действительности, разработанной, в частности, в трудах А. П. Чудинова.

7. В настоящей диссертации в качестве основы для классификации взята исходная концептуальная область. При классификационном описании конкретных сфер-источников метафорической экспансии необходимо учитывать иерархическую организацию, пересекаемость (диффузность границ между отдельными сферами, фреймами и слотами) и полевою структуру (существование ядерных и периферийных компонентов) создаваемых метафорических моделей. Сферы-источники также разграничиваются по частотности, свидетельствующей

о значимости для общественного русского сознания явления, обозначенного метафорой.

8. Для каждой эпохи характерен свой набор ключевых метафор, обладающих определенным оценочным потенциалом. Метафоры природы являются традиционными для общественного русского сознания, они сопровождают представления человека об обществе на протяжении всего развития социальной мысли. В то же время важную роль в употреблении метафор играют социальные установки, определенные обществом на данном этапе развития. Влияет на выбор метафорической модели и пристрастие автора текста, его языковой вкус, лингвистический опыт. Существуют также наиболее устойчивые парадигмы образов, диктующие выбор метафоры в тексте. Так, если речь идет о движении, то в большинстве случаев будут выбираться слоты метафорической модели с исходными сферами «Путь», «Формы рельефа» и «Движение воды»: идти по дороге, забираться в гору, плыть по воде и др.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СФЕРА «ЗЕМНОЙ ШАР» КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ 2000 – 2004 гг.

В соответствии с общими принципами категоризации концептуальной области «Неживая природа», рассмотренными нами в предшествующей главе, в составе концептуальной сферы «Земной шар» выделяются три ведущих фрейма: «Земля», «Вода», «Стихийные бедствия» (соотношение фреймов и данные о частотности см. Приложение 1 сх. № 2 – 22). Эта классификация послужила основой для композиции настоящей главы.

2. 1. Фрейм «Земля»

Слова, обозначающие объекты ландшафта, возникали в языке по мере накопления географических сведений; сохранившись с древнейших времен, они остаются актуальными для процесса познания природы и, кроме того, становятся действенным способом постижения закономерностей развития человеческого общества.

Исследования, посвященные анализу интересующей нас области, немногочисленны и представляют, как правило, отдельные микрополя. Например, Л. Т. Выгонная рассматривает состав семантического микрополя названий земельных угодий в диалектах Полесья [Выгонная 1968], в тех же диалектах описывает семантические сдвиги у ряда орографических терминов Н. И. Толстой [Толстой 1969]. Истории становления этой группы лексики посвящены публикации А. В. Барандеева [Барандеев 1991]. Интересный анализ метафорических значений орографических терминов в русском и английском языках (на материале словарей) представлен в работе Е. В. Шитиковой [Шитикова 2002].

Анализируя печатные российские средства массовой информации 2000 – 2004 гг., мы выделили продуктивную сферу-источник «Земля» и выявили метафорическую модель «Особенности русской национальной жизни – это особенности рельефа» (см. Прил.1 сх. 3 – 9).

Метафоры модели, объединенные вокруг концептов ЗЕМЛЯ, ПРОСТРАНСТВО, ШИРЬ/ШИРОТА, организуют архитектурную, структурную схему современной политической, экономической и социальной жизни России. По определению Н. А. Бердяева, русский человек – это «человек земли» [Бердяев 1998: 326]. Концепт РОДНАЯ ЗЕМЛЯ является одним из основополагающих культурных архетипов. Компонентами этого концепта, согласно словарю Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», являются: а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, е) родное слово [Степанов 2004: 170]. В дискурсе российских СМИ концепт ЗЕМЛЯ связывается с понятиями «национальная идея» и «Россия». Ср.: *Земля – это Россия* (А. Фефелов// Завтра. 2001. №12). *Русское сознание мыслило иной категорией – принципом почвы, и именно русское пространство было священной сверхценностью. Возможно, что категория земли вообще является центральной для русской цивилизации, определяющей ее своеобразие и уникальность* (А. Сергеев// Завтра. 2001. №12). Журналисты, современные русские писатели определяют ключевые ассоциации концепта. Ср.: *Закон земли. Земля родная. Земля - святыня. Земля – товар? Земля – земляца. Соль земли* (Завтра. 2001. №12).

Бесконечными русскими пространствами определяются особенности русской национальной жизни – именно эту ключевую зависимость выявляют писатели, историки и философы, пытаясь понять русский национальный характер. Например, Н. А. Бердяев в эссе «О власти пространств над русской душой» отмечает: «Не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства... Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности... Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее... Широкий русский человек, как русская земля, как русские поля» [Бердяев 1998: 325 – 327].

А. Д. Шмелев, апеллируя к высказываниям известных авторов, называет *простор* одной из главных ценностей русской языковой картины мира: «Только на просторе человек может достичь покоя и быть самим собой» [Шмелев 2002: 78].

Огромность русских пространств стала не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо, по замечанию Н. А. Бердяева, «все внешнее есть лишь символ внутреннего». С внешней стороны – всего лишь географический фактор русской истории, а с более глубокой, внутренней точки зрения – духовный факт в русской культуре [Бердяев 1998: 327]. Эта причудливая «география русской души» (выражение Н. А. Бердяева), склонность к крайностям в дискурсе СМИ представлена ключевой оппозицией ориентационных метафор *верха* и *низа*, где *верх* – это власть, сила и жизнь, а *низ* – это безвластие, упадок и гибель. Ср.: *А в России - все пики, скалы, пропасти. Извержения. Сотрясения земли. И целые пространства, которые не поддаются профессионализации. И вечно так: прорыв куда-то – и потом обрыв. Прорыв – обрыв. Прорыв – обрыв... Никакой постепенности. Никакого развития. И этим всегда легко воспользоваться. Совратить то измученную, то изуродованную, то загнанную страну к какому-то отчаянию, к пропасти, к преждевременному прыжку русского преждевременного человека* (А. Битов// НГ. 2003. №16).

Как считают авторы теории метафорического моделирования Дж. Лакофф и М. Джонсон, ориентационные метафоры пространственного (вертикального) перемещения типа ВЕРХ-НИЗ согласованы с базисными культурными ценностями [Лакофф, Джонсон 1991: 404 – 407]. Стремление к развитию, к жизни, самореализации, метафорически осмысленное как движение вверх, актуализирует позитивные смыслы. Движение, направленное вниз, выявляет в системе метафорических понятий отрицательную оценочную семантику. Проведенный нами анализ показал преобладание метафор с негативным оценочным потенциалом, что, однако, далеко не всегда свидетельствует о состоянии кризиса в стране. Имплицитно возникают совсем другие смыслы: именно эти неопределенные состояния верха и низа – неожиданного взлета и быстрого падения, так свойственные русскому характеру, – делают возможным преобразование, в противоположность основательности и постоянству.

Система метафор с концептуальной сферой-источником «Земля»

2. 1. 1. Подфрейм «Формы рельефа»

2. 1. 1. 1. Слот «Ландшафт»

Общий расклад политических сил в России – деление на «своих» и «чужих» – метафорически представлен как *пейзаж* и *ландшафт*. Ср.: *На фоне кажущейся неподвижности политпейзажа в стране накануне лета нарождается новый игрок. Имя ему – «команда президента»* (А. Богатуров// Век. 2001. №21). *Теперь представим себе пейзаж после битвы: «красный пояс» пожелтел, побурел, но сохранился. И даже расширился, например, за счет Камчатки* (Е. Трифионов// НВ. 2000. №50). *Если идея с социал-демократией будет воплощена в жизнь, политический ландшафт России может измениться радикально* (В. Качмазов// Версия. 2002. №10). *Упрощается политический и идеологический*

ландшафт, выстраивается некий новый централизм. Это какие-то одномоментные для общества колебания или это управляемые процессы? И если последнее, то каким вы видите **политико-идеологический ландшафт России** (А. Проханов// Завтра. 2001. №19)?

Основной чертой российской *политической (идеологической, партийной, многопартийной)* системы является ее способность видоизменяться: *может изменяться радикально, коренным образом изменяется, упрощается*. Причем стремление к изменению, следовательно, движению, обусловленное многопартийностью, СМИ чаще всего оценивают положительно. А неизменность, вызванную доминантной ролью одной правящей партии, силы, – отрицательно. Ср.: *Но самое интересное началось в 1992 году. Многопартийный пейзаж становится фантастическим. Люди отводят душу после тоталитарной зимы. Но это причудливое цветение кончается к 2000 году, при первых же холодах* (В. Новодворская // НВ. 2002. №50). *Идиотизм политической жизни немного рассеялся, стало как-то веселее, нагромождение взаимных глупостей несколько оживляет однотонный пейзаж* (А. Колесников// Консерватор. 2002. №4). *Если не принять мер к укреплению независимой журналистики и не провести реформ, изменяющих нынешний пейзаж российских СМИ, им грозит сползание в болото авторитарности* (А. Минеев// НГ. 2003. №11).

2. 1. 1. 2. Слот «Углубления»

В метафорических словоупотреблениях данного слота используются такие концепты исходной сферы, как *пропасть (дно, край, глубина пропасти), яма, овраг, обрыв, ров, пещеры*. Ср.: *Мы затягиваем страну в экологическую пропасть. И ничего не делаем, чтобы предотвратить катастрофу* (А. Яблоков// Россия. 2002. №38). *До дна финансовой пропасти можно лететь бесконечно. Говорят, что финансовая пропасть – самая глубокая, так как падать в нее можно до конца жизни. Но почему-то очень не хочется* (В. Смелянский// НГ. 2002. №12). *Отечественная экономика недавно отошла от края пропасти, у которого балансировала все последнее десятилетие* (С. Беков// Век. 2001. №11). *Мы находимся на дне пропасти, и выход из нее без колоссального напряжения сил и без колоссальной мобилизации общества невозможен* (Н. Коломейцев// Завтра. 2003. №13). *Страна не только худо-бедно отползла от обрыва, но переживала очередной «стабилизец»* (М. Глобачев// НВ. 2000. №5). *Что касается текущего состояния российской экономики, можно сказать, что мы начинаем вылезать из ямы* (Н. Шмелев// Век. 2001. №32).

Посредством концептов слота метафорически обозначаются распад государства, экономический и финансовый кризисы, вырождение российской деревни, экологическая катастрофа, война с Чечней.

Наиболее частотным и продуктивным является концепт *пропасть* – крутой, глубокий обрыв, очень глубокая расселина, бездна. В печатных средствах массовой информации происходит актуализация традиционной концептуальной метафоры «пропасть – это гибель», причем мы можем отметить ее основную особенность – антитетический характер, эксплицитно или имплицитно представленный. С одной стороны, ощущения опасности, страха, неустойчивости, усиливающиеся определениями *черная, неприятная, глобальная, самая глубокая, бездонная, бесконечная*; а с другой стороны – *долгая жизнь у пропасти на краю* выработала бесстрастную привычку *заглядывать в пустоту, вести торг в шаге от пропасти*.

Разграничивая край и дно пропасти, СМИ прописывают различные сценарии поведения государства-как-человека: на краю пропасти *стоят, балансируют*, можно сделать *шаг в пропасть*, а можно *удержаться, отойти от края*; невольно возникающую ассоциацию с последним шагом самоубийцы поддерживают журналисты заявлением о том, что *мы сами затягиваем страну в пропасть*. Однако «левые» издания, такие, как «Завтра» и «Правда», настаивают на том, что *в глубину пропасти страну втолкнули, толкнули лживыми посулами и обещаниями легкой жизни*. Характерно, что при этом используются неопределенно-личные предложения, не называющие конкретных виновных лиц.

Кроме того, общая негативная нагруженность концептуальной метафоры «гибель – это пропасть» снимается следующими утверждениями: *уверены, что страна выберется; остановить падение России в пропасть реформ можно; можно сдержать углубление; хотят сузить пропасть и ждут содействия политиков; мы каким-то непостижимым образом через пропасть перепорхнем*. Часто подобные утверждения указывают пути выхода из кризисной ситуации: *необходимо встряхнуться, выйти из оцепенения, твердо и решительно заявить о своих правах; только при совместном и результативном сотрудничестве*

власти и бизнеса; выход невозможен без колоссального напряжения сил и без колоссальной мобилизации общества; мост строить надобно.

Основной прагматический смысл, имплицитно формируемый метафорами слота, видится в следующем: наша страна должна преодолеть трудности, чтобы достичь зрелости.

2. 1. 1. 3. Слот «Возвышенности»

В пределах виртуальной архитектурной модели современной политической и общественной жизни России метафорические словоупотребления данного слота используются для номинации политических лидеров и партий. С этой целью в средствах массовой информации употребляются метафоры, обозначающие горы: *скала, утес, пик, вершина, горы, Олимп, холмы, бугры*. Ср.: *Олигархи-преступники и президент-скала* (А. Пумпянский // НВ. 2003. №46). *СПС, ставший чем-то вроде нерушимого утеса для всех утопающих либералов* (С. Шелин // НВ. 2000. №49). *Если лидер КПРФ Зюганов – это утес-великан, то влажный след на его могучей груди оставлен «золотой кучкой» Семигиным* (А. Проханов // Завтра. 2003. №4). *Пик Ельцина – самый высокий* (Завтра. 2002. №32). *В мозгах граждан осталась только самая высокая вершина. А дальше – провал. Рядом с Путиным нет ни одной сопоставимой с ним по весу фигуры* (Е. Шестопап // НГ. 2004. №9). *Воцарение Путина на властном олимпе* (О. Крыштановская // НГ. 2003. №91).

Ассоциативно политические лидеры предстают крутыми, огромными, каменными гигантами и потому кажутся неприступными, загадочными, таящими в себе опасность. Кроме того, горы ассоциируются с высотой, небом, солнцем: согласно мифологическим представлениям гора и небо тождественны [Афанасьев 1995: 62]. В данном случае прослеживается корреляция с метафорическими выражениями модели «Российская политическая система – это космос»: Солнце – это президент, звезды – это политические лидеры и партии.

Однако стремление быть ближе к власти, подняться вверх по служебной лестнице, обусловленное сложившимся в течение десятилетий стереотипом человека-карьериста и фоновыми знаниями ситуации, в русском сознании воспринимается крайне отрицательно. Ср.: *Путь к власти меняет походку. Власть тут вроде бы ни при чем, но путь к ней меняет походку. Наверх идут, юля и оправдываясь, тщательно запоминая дорогу обратно. Даже те, кто добрался до вершины, умело следят,*

чтобы их не путали с завсегдаями. Двусмысленность этих телодвижений выдает неискренность порыва (А. Генис // НГ.2004.№5).

По нашим наблюдениям, в дискурсе российских средств массовой информации 2000 –2004 гг. практически не встречаются метафоры *верха*, репрезентирующие позитивные процессы, такие, как экономический расцвет, рост благосостояния, сильное государство, стремление человека к развитию, к самореализации и др. Как известно, умолчание в политическом дискурсе существенно и значимо: невысказанная метафора так же, как и высказанная, ведет мысль в направлении, заданном автором. Это позволяет нам сделать два важных вывода. Во-первых, подобная лакунарность свидетельствует о периоде политико-экономического кризиса в нашей стране. Во-вторых, созданная в дискурсе СМИ оппозиция ориентационных метафор *верха* и *низа* является формальной.

2. 1. 1. 4. Слот «Равнины»

Как известно, Россия – страна величайших равнин, однако их пространственное величие привычно для глаз и потому незаметно и неинтересно. Ср.: *Скучна русская равнина на исходе зимы. И где тут очарование для очей? Понурые клочки травы посылают небу немые сигналы о своем одиночестве. Пустые берега реки, ни чаек в небе, ни мышь не перебежит дорогу. Уныние. Только вороны и галки, утверждая свое господство в природе, орут с утра до ночи, празднуя победу над всем остальным миром. В мире политики похожая ситуация* (В. Глотов // НГ. 2004. №23).

Человеческое сознание не актуализирует научные знания относительно общего характера поверхности равнин, их платформенного строения и т. д. Ведущим в отборе концептов является человек, его представления о том, что равнина – это прежде всего плодородный почвенный слой, на котором растут леса и зреет урожай; здесь можно строить дома, не опасаясь, что их засыплет лавиной; по равнинам текут глубокие и широкие реки; пролегают прямые, без крутых подъемов и спусков, дороги; здесь нет значительных препятствий. В этом проявляется антропоцентричность создаваемой картины мира: человек концептуализирует политические, экономические, социальные реалии, опираясь на свои собственные представления о соотношении индивида и мира.

В подтверждение высказанных нами предположений рассмотрим весьма актуальную в дискурсе СМИ 2000 – 2004 гг. концептуальную метафору «место деятельности – это поле». Отметим, что наш анализ поддерживает мысль о взаимопересекаемости и диффузности моделей, высказанную А. П. Чудиновым [Чудинов 2003: 72]. В предложенной исследователем классификации метафоры *поле, почва, земля* отнесены к метафорической модели «Современная российская действительность – это царство растений» [Чудинов 2003: 149].

Широко распространенный в печатных средствах массовой информации метафорический образ *поля* как области деятельности, поприща является традиционным и зафиксирован в толковых словарях. Оживляет концептуальную метафору «место деятельности – это поле» ее продуктивное развертывание в текстах по разным направлениям, а именно: виды полей (предназначенность для различных культур), качественные характеристики поля, обработка и возделывание, люди, ухаживающие за полем.

Частотны определения поля, представляющие те общественно-политические институты и их структуры, работа которых вызывает особую тревогу: *правовое, законодательное, конституционное, политическое, экономическое, электоральное, либеральное, партийное, информационное, культурное, культурно-информационное, образовательное, поле экономической теории*. Ср.: *Как правильно сказал президент, наше правовое поле возделано, и вскоре соберем урожай. Если ничего не вырастет – еще посадят* (С. Михалыч // НГ. 2004. №11). *Специфика финансового поля – в его непредсказуемости* (А. Терегулов // Версия. 2003. №43). *Теперь вместо незаконных актов нам нужны законы, принятые парламентом на федеральном уровне. Тогда мы вернемся в конституционное поле* (П. Латышев // Век. 2001. №32). *По мере укрепления правового поля появились и чисто экономические признаки противодействия политике президента* (С. Норка // Век. 2001. №45). *Ястржембский сейчас снова в «информационном поле»* (Л. Айдинова // Век. 2001. №16).

Резерв отрицательной экспрессивности метафорического употребления концепта *поле* проявляется в сочетаниях: *дикое поле, поле для интриг, поле политической брани, поле битвы, прессинг по всему неправовому полю, поле лжи, клеветы и угроз, конфликтное поле*. Подобные примеры немногочисленны и представлены в основном газетами «левой» ориентации («Завтра», «Российская газета», «Правда»). Ср.: *Определенными силами тормозится развитие реального*

экономического сотрудничества, интенсивно формируется **конфликтное поле**, обостряется весь спектр разногласий между Россией и Украиной (П. Симоненко // Завтра. 2001. №16). **Дикое поле**, совершенно нам неинтересное. Это была попытка предать забвению польско-советские связи, основанные на дружеском взаиморасположении (Е. Новаковский // РГ. 1.03.03).

В современных средствах массовой информации *поле* может существенно меняться, трансформироваться, отражая тем самым общее состояние сферы мишени метафорической экспансии и давая ему негативную оценку. Так, например, культурное и информационное пространство в России *искривлено, сужено до примитивного числа проблем, скукожено*. Ср.: *Нынешнее информационное поле даже не сужено, а просто скукожено до примитивного числа проблем* (В. Акимов // Век. 2000. №40). *На информационном поле у нас так все искривлено* (Л. Никитский // ОГ. 2001. №13). *Союз писателей России сознательно сужает культурное поле* (А. Пономарев // НГ. 2000. №44).

Партийное пространство метафорически представляется как *поле, разделенное межой на делянки*. Ср.: *Люди сегодня расколоты не по правым и левым платформам, раздел идет по меже – ты за демократическое или полицейское государство* (С. Иваненко // Век. 2001. №6). **Партийное поле раздели межой**. Сорняки удаляют с корнем (А. Чечевишников // Век. 2001. №38). *Социал-демократы, ассоциирующиеся у большинства граждан с «социализмом с человеческим лицом», могут осуществить давнишнюю мечту Кремля – изрядно потоптаться на электоральном поле коммунистов, преимущественно на его центристских делянках* (В. Качмазов // Версия. 2002. №10).

Заброшенное, *искривленное, непаханое поле* часто *зарастает сорняками, засоряется*, и его необходимо *прибирать, зачищать, расчищать, пропалывать*, то есть целенаправленно и последовательно налаживать работу общественно-политических институтов. Ср.: *Пропалывать правовое поле, начавшее зарастать сорняком еще в союзные времена, приходится самим* (В. Веприцкий // Век. 2001. №7). **«Прибирая» правовое поле страны, законодатели поручили парламентариям устранить все противоречия в региональных конституциях** (А. Васильев // НГ. 2000. №48). **Идет расчистка избирательного поля перед очередными выборами** (Ю. Гавриличев // Россия. 2002. №21). **Лукашенко «зачищает» политическое поле** (Е. Ростиков // Завтра. 2000. №12). *Стремление Кремля расчистить центристское поле расценивается как сомнение в победе «Единой России»* (О. Буркалева// Континент. 2003. №9). *В России сложилась ситуация, когда все учебные заведения стали называть себя университетами. Результатом явилась слишком сильная засоренность образовательного поля России* (М. Терещенко// Век. 2001.

№16). *Поле деятельности СКСМ – защита прав призывников и военнослужащих. Поле, как признаются матери, непаханое* (О. Боброва // НГ. 2003. №11).

Так, метафорическими конструкциями, образующими концептуальную метафору «поле – это место деятельности», подчеркивается идея воссоздания единого политического пространства России.

Метафорические выражения, представляющие экзотические для русского ландшафта пустыню (*бархан*), оазис, немногочисленны. Ср.: *Рейтинг президента высок не потому, что он высок, а потому, что вокруг – пустыня* (О. Григорьев // Завтра. 2003. №11). *Барханы безденежья* (ОГ. 2001. №37). *Кабардино-Балкарию называют «оазисом мира на Кавказе»* (С. Миронов // НГ. 2002. №2). *Конечно, есть и оазисы процветания* (В. Смоленцев // Завтра. 2002. №42). *Конечно, никто и никогда не держал Петербург за оазис здравого смысла и оплот разума* (Т. Москвина // Консерватор. 2002. №5).

Отрицательная оценка финансовой ситуации или безальтернативности президентских выборов подчеркивается и усиливается представлениями о пустыне как о засушливой обширной территории, почти бесплодной и не заселенной людьми. Совершенно иные ассоциации у концепта *оазис*: нечто отличное, представляющее отрадное исключение, выделяющееся среди окружающего, дающее жизнь, райское, целительное. Так, акцентируется положительная оценка метафорического обозначения здравого смысла, состояния мира, успешного экономического развития.

2. 1. 1. 5. Слот «Путь»

Метафорические словоупотребления, относящиеся к фрейму «Формы рельефа», участвуя в создании архитектурной, структурной модели современного российского общества, формируют у адресата представления об особенностях жизни, о трудностях, преодолеваемых нашей страной на пути своего развития. Жить в России – значит балансировать на краю пропасти, срывать в нее и выкарабкиваться; взбираться на крутые склоны гор, и снова лететь в бездну, и снова вылезать, чтобы жить, обрабатывать землю и выращивать на ней урожай. Такое представление отнюдь не создает у адресата негативного восприятия происходящих в обществе процессов, так как отражает закон развития самой природы - рождение, развитие, зрелость, упадок. Нельзя все время только расти, считают журналисты: *идиллия покоя свидетельствует о своеобразной остановке эволюции* (И. Кормильцев // НГ. 2004. №3), а через трудности

страна идет к своей зрелости. Именно поэтому представленная нами картина русской жизни была бы неполной без одной ключевой метафоры – метафоры *пути - дороги*. Ср.: *Наша российская жизнь – одна сплошная переправа. Бурный поток, грозовой перевал, тропинка над обрывом, три бревнышка через трясины* (Д. Драгунский // НВ.2003.№37). *Что делать, чтобы не повторять ошибок прошлого и разбудить силы, которые выведут Россию на путь развития* (А. Корсаков // Век.2000.№40).

Путь развития России может быть светлым, прямым, окольным, гибельным, порочным, скользким. Мы часто стоим на распутье, не зная, какие пути-дороги выбрать; не видя главной дороги, раздумываем на обочине экономического роста. Ср.: *На что решится Путин на этом, простите за каламбур, перепутье* (НГ. 2002. №7)? *Путин есть, а путей не видно* (А.Рябов // НГ. 2003. №35). *Пока не свернем с чужого пути, своего не найдем* (В. Георгиев // Век. 2001. №22).

Даже *выбрав свой путь* по каким-то только для нас значимым приметам, *пробив дорогу*, мы не уверены в том, что не потеряем эту дорогу, что она окажется единственно правильной и не *приведет в тупик, в никуда*. Ср.: *Без покаяния знаменитый режиссер показал дороги к хаму и к Храму. Выбор был за нами. Мы остались жить в мире, где дороги не ведут к Храму* (И. Соломоник // НГ.2004. №6). *Кампания его критики следок своей обязательно оставит, а следок этот, может стать, обратится в тропку, из которой федеральная власть в состоянии выстроить столбовую дорогу, не прямым, а хитрым зигзагом ведущую к дальней цели* (М.Исакадзе// Век.2000.№48). *И по пути реформ можно идти в разные стороны* (В.Зуев// Век.2001.№27). *Дорога в никуда* (С. Чернышев// Век.2001.№40). *И как-то все потом обломилось, оборвалось. Расплылось в пространстве одной шестой. Точно Петр дорогу проложил – а она увязла, потерялась, разбежалась по необъятности. Снова, значит, ехать некуда* (А.Битов// НГ.2003.№16).

Человек и нация, пытающиеся определить свое положение по отношению к ценностям, приоритетным в современном мире, нуждаются в точных, четких инструкциях – с этой целью в дискурсе СМИ используются метафорические образы *горизонта, карты, компаса*. Ср.: *Чтобы не заблудиться, путешественнику нужна карта, в крайнем случае хотя бы компас. Нации, путешествующей по своему настоящему, тоже нужна такая карта или компас, которое может дать научное знание* (А. Постников // НВ. 2003. №45). *«Обаяние» рейтингов – самый ненадежный компас в вашем выборе* (Л. Столяренко // НГ. 2003. №29). *Консенсус есть лишь в области внешней политики: ее необходимо развивать по всем азимутам* (В. Рокотов // Век. 2000. №51). *Факт*

переговоров станет первым шагом к миру. Первым робким шагом по той дороге, которая упирается в горизонт (И. Мильштейн // НВ. 2000. №45).

Таким образом, архитектурно-структурная схема современной жизни представляет собой многомерное образование: *верх – низ – ровная поверхность*. Кроме того, в ее реализации принимают участие такие факторы, как движение и время. Идея движения заложена в метафоре *пути – дороги, преодоления препятствий*. Пересекаемость метафор фрейма с метафорами, образованными на базе исходной концептуальной сферы «Движение земной коры», позволяет нам сделать вывод о подвижности пространства, его изменяемости во времени.

Оппозиция *верх – низ* носит формальный характер: метафоры *верха* образно представляют конкретных политиков и политические партии; метафоры *низа* характеризуют распад государства, экономический и финансовый кризисы, вырождение российской деревни, экологическую катастрофу, войну с Чечней. Если представить структурную схему современной российской жизни в виде сетки координат, то движение вверх по вертикали будет ограничено (высшая точка развития – принадлежность к миру политики), а движение вниз по вертикали (*бесконечная пропасть*) и движение по горизонтали (*сплошная переправа*) – безгранично.

На основании частотности концептов *путь, дорога* мы можем утверждать, что одной из доминантных концептуальных метафор периода президентства Вл. Путина становится метафора «Движение вперед по дороге – это жизнь». Прагматические смыслы, формируемые данной метафорой, состоят в следующем: Россия в своем развитии знала периоды расцвета и упадка, мы отказались от прошлого и пытаемся определить место нашей страны в современном мире, выбрать свой собственный путь развития, на котором нас ждут успехи и неудачи. Но, несмотря на все трудности, мы должны двигаться вперед, ибо только в движении есть развитие.

2. 1. 2. Подфрейм «Почва»

Трудно переоценить значение почвы – уникального творения природы: именно с ней связаны жизненные интересы человека. Почва дает жизнь растениям, животным и, в конечном счете, людям. Она – главное богатство и объект

поклонения всех земледельческих народов. Поэтому в представлениях людей древних цивилизаций почва наряду с огнем, воздухом и водой (иногда деревом и металлом) являлась одним из краеугольных камней мироздания, а также олицетворяла материнское начало. Ср.: *Русское сознание мыслило иной категорией – принципом почвы, и именно русское пространство было священной сверхценностью* (А. Сергеев // Завтра. 2001 .№12).

Однако в дискурсе СМИ часто создается абсолютно иной образ почвы (*своей, российской, идеологической, информационной, для взаимопонимания*) как основы каких-либо, чаще всего негативных явлений. Причем журналисты всегда оценивают если не состав почвы, то ее качественные характеристики: *благодатная, питательная, плодородная, удобренная, самая унавоженная, хорошо и вполне подготовленная, вспаханная*. Ср.: *Сегодня для взяточничества и коррупции создана хорошо удобренная питательная почва* (А. Нетягов // Россия. 2002. №33). *Бедность и отчаяние – не причина терроризма, но плодородная почва для него* (А. Минеев // НГ. 2002. №45). *Бедность - наиболее благоприятная почва для религиозного экстремизма и терроризма* (Д. Макаров // АиФ. 2000. №42). *Благодатная почва для коррупции заложена в самом российском законодательстве* (С. Глинкина // Россия. 2002. №21). *Делаются неплохие деньги, поскольку и та, и другая сторона выделяют средства на агентурную разработку многократно вспаханной и удобренной почвы* (В. Лунев// Завтра. 2000. №2).

Как видно из примеров, чаще всего актуализируются негативные оценки, к тому же поддержанные ассоциациями: *гумус, компост, говна и навоз* - разложение остатков, неприятный запах; *гидропоника* – искусственное, непонятное, нерусское. Ср.: *Не любить себя – тяжкий и чреватый труд. На говнах русского самоедства регулярно возрастал злой и настырный патриотизм* (Д.Горелов//Консерватор.2002.№4). *Борис Николаевич нуждался в крепких тылах в Москве и готов был за это платить. На этом «компосте» возник Юрий Михайлович* (Г. Павловский // АиФ. 2000. №5). *В Саратове для «Единой России» - почва самая унавоженная* (Н.Андреева//ОГ.2002.№4). *В последнее время правительством предпринимаются судорожные попытки искусственного взращивания и насаждения новой государственной идеологии. Поскольку созданная в стране «почва» в этом смысле совершенно бесплодна, подразумевается, вероятно, новый гидропонный метод, где в качестве гумуса используются президентские указы и распоряжения* (Л.Ивашов // Завтра.2000.№20). *В России оппозиция обречена существовать на гидропонике – вся российская земля занята либо почвенниками, либо вечной мерзлотой* (Б.Туманов//НВ.2001. №20).

Средствам массовой информации интересен механический состав почвы: если гумус повышает плодородие почвы, то камни и песок непригодны для выращивания. Ср.: *Прежде чем приступать к реформам судебно-правовой системы, необходимо подготовить социально-экономическую базу. На камнях и песке не возделаешь культуру правового государства. Семена нужно бросать в подготовленную почву. В противном случае мы опять потеряем время и веру в будущее России* (К. Бардин // Век. 2001. №15). *Мы не успели обрести свою почву под ногами. Почва была на всех одна: наша, датская, то есть советская. Мы строили свои планы, каналы, издания на песке. На зыбучем. НТВ с «Эхом» проваливаются, мы свидетели* (В. Новодворская // НВ. 2000. №40).

Почву, для того чтобы она давала хороший урожай, необходимо *создавать, непрестанно готовить, вспахивать и распахивать, возделывать, взрыхливать, прощупывать и зондировать*. Ср.: *У Путина появился уникальный шанс. Образно говоря, Б. Ельцин взрыхлил политическую почву для своего преемника* (Т. Нетреба // АиФ. 2000. №17). *Тактическая приостановка реформ и коренится в «пакте» двух команд - «питерских деловиков» и «семьи». Иными словами, «распахать» почву для того, чтобы достичь желаемых результатов в ходе очередного витка передела собственности* (О. Буркалева // Континент. 2002. №50). *Правительство готовит почву для нового этапа приватизации: деньги казне по-прежнему нужны* (Н. Иванов // Век. 2001. №13). *С начала года представители Селезнева начали активно прощупывать почву и изучать общественное мнение на предмет доверия спикеру Госдумы* (Версия. 2003. №17).

Несмотря на постоянный уход и достаточные удобрения, на нашей почве иногда вырастают странные, экзотические растения, а русские прививаются достаточно трудно. Ср.: *«Красный романтизм» и прожектерство пышно расцвели на унавоженной скандалом почве* (М. Глобачев // НВ.2002.№22). *Мы почти забыли таких деятелей, как В. Анпилов, В. Алкснис, Нина Андреева. Такая же беда характерна для всех наших новых идеологий, будь то либерализм или неоконсерватизм. Пересаженные на суровую российскую почву, они смущают неадекватной раскраской, вычурностью лексикона и идейным диссонансом* (К. Сергеев // АиФ.2000.№43). *Требования свободы личности и конкуренции, стремление к максимальному индивидуализму - эти ценности, упорно прививаемые на российскую почву еще со времен Чаадаева, то и царя Петра, так и продолжают оставаться для нас «новациями»* (А. Бородай // Завтра. 2000. №42). *Реформы нельзя отвоевать, их можно только вырастить. И ни Дмитрий Крымов, ни Андрей Чернов, ни Шекспир не виноваты в том, что на нашей почве, на «датской», ничего хорошего уже давно не растет* (В. Новодворская // НВ. 2002. №51).

В соответствии с логикой развития метафор подфрейма «Почва» политические лидеры, определяющие пути развития событий в нашей стране, метафорически обозначаются как *землепашцы*. Ср.: *Липовые ельцинские «землепашцы», взявшись вершить судьбу российского крестьянина, довели до того, что сегодня аграрии лишены возможности выйти на весеннее поле, чтобы засеять его* (Б. Зубков // Правда. 2003. №44). *На дураках пашут. А власть нас должна приобщать к пахоте. Для взаимной пользы* (В. Добкин // Век. 2001. №49).

Так, значимость концепта *почва* в российском национальном сознании подтверждается частотностью и продуктивностью использования метафор, образованных на базе данного концепта, в средствах массовой информации.

2. 1. 3. Подфрейм «Богатства недр Земли»

В состав данного подфрейма входят наименования горных пород, драгоценных камней и металлов. Система слотов представляет собой своего рода минералогическую коллекцию полезных ископаемых, актуальных для политической коммуникации, с указанием их свойств и путей использования. К тому же, область источника метафорической экспансии «Богатства недр» предполагает определенный сценарий развертывания: полезные ископаемые – их обнаружение в земле – разведка месторождения – разработка способом добычи.

2. 1. 3. 1. Слот «Общие наименования»

При метафорической характеристике государственной и общественной деятельности с помощью концепта *недра*, ассоциативной подмены концепта *ядро Земли*, актуализируются следующие смыслы: глубокое расположение, недоступность и сложность познания, скрытая от глаз внутренняя энергия. Ср.: *В недрах общества явно зреет какая-то буза* (П. Владов//Правда.2003. №27). *Законопроект, до поры до времени отлеживавшийся в недрах Госдумы* (О.Буркалева // Континент. 2003. №9). *Свалить вину за очевидные провалы в социально-экономической сфере на коррумпированное правительство. Конечно, не Караулов придумал эту затейливую комбинацию. Она вызрела скорее всего в недрах президентской администрации* (П.Владов//Правда.2003.№46). *Не зря в недрах Государственной думы «отдыхает» до поры до времени инициатива В. Илюхина о лишении первого президента неприкосновенности* (О. Буркалева // Континент. 2003. №7).

Переносные употребления глаголов *отлеживаться, отдыхать, копиться, зреть, вызреть* и пр. передают спокойное состояние некоторой особой силы, способной в любой момент вырваться на свободу. Ср.: *Какая-то опасная обманчивая тишина на поверхности. В недрах партий и PR-групп копится агрессивная энергия, которая начнет выплескиваться наружу примерно в те дни, когда этот журнал доставят подписчику* (В. Чельшев // Журналист. 2003. №11). В метафорических употреблениях концепта *недра* прослеживается связь с метафорической моделью, образованной на базе сферы-источника «Стихийные бедствия».

Денотатами, метафорически характеризуемыми как глубины Земли, являются общество, Государственная дума, президентская администрация, партии.

Человек извлекает из недр Земли необходимое сырье, превращающееся по его воле в разнообразные необходимые вещи, которые создают уют, обогревают, кормят, перевозят, обеспечивают безопасность. Нечто полезное, имеющее не бесконечные запасы, поэтому достаточно ценное, на страницах газет метафорически представлено как *месторождение, полезные ископаемые*. Ср.: *Живем себе – уже героизм. Властям есть чем распорядиться. Существует **городской бюджет** – главное городское полезное ископаемое (у нас ведь ни газа, ни нефти, ни алюминия, а людям дома строить надо, как вы думаете?)* (Т. Москвина // Консерватор. 2002. №5). *Месторождение людей* (И. Маслов // НГ. 2004. №50).

Одновременно с добычей полезных ископаемых человек перемещает огромные массы «бесполезных ископаемых». Пустая, отработанная порода, шлак – так метафорически обозначаются явления, не представляющие для человека интереса, не имеющие ценности в современном мире. Ср.: *Мы наблюдаем почти неуклонный процесс превращения замечательного писателя в скучного, неумного проповедника. Наступает пора самоограничения дара. После «Августа четырнадцатого» в прозе – чуть не сплошь «пустая порода»* (И. Мильштейн// НВ.2003.№50). *Нам нужно нечто иное – «дисциплинарные дома», где человеческий **шлак** будет кое-как вариться в собственном соку. И, разумеется, не только знаний, но и никакого мировоззрения в такие головы вносить нежелательно* (К. Крылов // Консерватор.2003.№7).

2. 1. 3. 2. Слот «Драгоценные камни и металлы»

Есть полезные ископаемые, ценность которых всегда была исключительно велика, к ним относятся золото и драгоценные камни, например, алмазы. Ми-

нералогические наименования драгоценных камней и благородных металлов, входящие в данный слот, репрезентируют такие явления в современной российской жизни, основными признаками которых являются редкость, ценность, долговечность. Для этого широко используются концепты *самоцвет, алмаз, кристалл, жемчуг, изумруд, золото, самородок* и т.д.

Алмаз, как известно, лидирует среди всех известных драгоценных камней; обычно, описывая алмаз, употребляют слово *самый* – самый твердый, самый блестящий, самый дорогой, самый редкий, самый износостойкий и т.д. Особенно высоко ценятся за красоту, прочность, качество, отсутствие изъянов алмазы «чистой воды». Данное метафорическое выражение отражает наши представления о том, каким должно быть законодательство: *Законодательство Якутии никак нельзя назвать «алмазом чистой воды»* (И. Балашов // Век. 2001. №39). Те же самые позитивные ассоциации поддерживает метафорическое словосочетание *кристаллик правды: Громкие и справедливые слова про попытку власти разделаться со свободой слова и запугать журналистов. Ехидный полушепот, в котором был колкий кристаллик правды* (Д. Драгунский // НВ.2000.№26).

Необыкновенные свойства алмаза способствовали возникновению легенд и поверий. Мы можем отметить активизацию понятия *магический кристалл*, связанную с развитием интереса к оккультным наукам. Данное метафорическое наименование соотносится в сознании читателей с одним из атрибутов гадания – небольшим стеклянным шариком, в котором можно было увидеть будущее. При употреблении в дискурсе СМИ актуализируются следующие смыслы: используемый человеком; наделенный особой, волшебной силой; делающий человека проницательным; позволяющей проникнуть в тайны происходящего и будущего. По мнению журналистов, таким магическим действием могут обладать телевидение и пресса. Ср.: *Хороший эпитаф на газетной или журнальной полосе – тот магический кристалл, через который взгляд читателя вдруг, сразу проникает в самую суть опубликованного. Не так-то просто бывает отшлифовать грани этого кристалла. Но если это удастся – он засияет глубиной мысли, точностью образа и, несомненно, привлечет к себе внимание* (А. Тертычный // Журналист.2003.№1). *Телевидение – тот же «Кристалл». И совсем не магический* (А. Пумпянский // НВ.2001.№16).

При подобной метафорической номинации средств массовой информации актуализируются символические признаки алмаза/кристалла: содержащий в себе *«чрезвычайно опасную силу, которой невозможно противостоять. Он убивает неспособного или незнающего человека, дерзнувшего им завладеть»* [Жюльен 2000: 175].

Политические лидеры часто метафорически представлены как *самоцветы* и *самородки*, это акцентирует идеи самобытности, исключительности, оригинальности, значимости, подлинности. Ср.: Авторы «Общей газеты» об *уральском самоцвете*. *Время оценит роль Ельцина и все расставит по местам* (ОГ. 2001. №5). *Под Аллу Пугачеву еще можно спеть, а в политике такое не получится. Явлинский никогда не сможет так, как я, Зюганов не сможет. Брынцалов пытался, но у него ничего не получилось. На других работают имиджмейкеры, деньги дают, телевизионный канал предоставляют, а на меня никто не работает – я самородок* (В. Жириновский// Век.2001.№33).

Позитивные смыслы метафорического концепта *золото* определяются природными свойствами этого драгоценного металла: в силу своей неразрушимости золото символизирует вечное начало; в силу представлений о золоте как о чем-то бесконечно малом, извлекаемом из массы породы, вся ценность и значение которой заключены в этой малости металла, оно символизирует истинную суть. В дискурсе СМИ 2000 – 2004 гг. частотны традиционные метафорические наименования: *черное золото* - нефть, *мягкое золото* – ценные меха, *зеленое золото* - лес. Особенно активно выражение *черное золото*, что обусловлено стратегической ролью нефти в современном мире, ее способностью определять политику государств. Ср.: *Если цена на «черное золото» упадет, Россия окажется на пороге очередного кризиса* (А. Полухин// НГ. 2004. №1). *Перманентно существующий на протяжении всего «периода реформ» очаг военно-политической напряженности в Чечне связан с запасами «черного золота»* (Завтра. 2003. №2). *Для России как экспортера сырья действие санкций в Ираке, обладающем 10% мировых запасов «черного золота» отчасти даже на руку* (Т. Нетреба //АиФ. 2003. №8).

Мы можем отметить, что в связи с изменением политической ситуации (разрыв и утрата экономических отношений с южными республиками и с африканскими государствами, интерес к собственному сельскому хозяйству) трансформируется значение устойчивого выражения *белое золото*. Словари, основываясь на газетных материалах 70-ых годов, фиксируют следующие значения:

1. О хлопке, 2. О бивнях слонов [Солганик 2002: 242]. В современных средствах массовой информации образ *белого золота* используется обычно для обозначения молока – происходит переосмысление значимости для человека этого продукта питания. Ср.: *Еще бы, положить жизнь на коров. Знать истинную цену белому золоту. Я спохватилась и подряд выпила стаканов пять. Но сроду не забыть мне этот взгляд, полный укоризны* (Э. Горюхина // НГ. 2002. №46).

Идеи, действия, которые могут принести большую и неожиданную удачу, эксплицируются посредством метафор *золотая жила, золотоносная жила*. В текстах обычно выявляется отрицательная нагруженность таких метафор. Ср.: *Если Скоков и Лебедь вскоре нашли себе по душе другие игры, то Rogozin последовательно разрабатывал столь удачно найденную золотоносную жилу. И на этом поприще «борца за русских в ближнем зарубежье», а точнее, на щедром словоблудии об этой борьбе, продолжил наживать политический капитал* (Е. Ростиков // Завтра. 2002. №33). *Немалая часть нынешнего депутатского корпуса в предвыборных баталиях активно разрабатывала не только антисемитскую золотую жилу батяки Кондрата, но и собственные национал-социалистические изыскания* (А. Колосов // Версия. 2002. №28).

Таким образом, денотативная сфера, которая определяется метафорическими наименованиями данного слота, представляет основные жизненные ценности, взгляды и идеи, законодательство, отдельных политических лидеров, средства массовой информации, а также значимые в экономическом отношении сырье и продукты.

2. 1. 3. 3. Слот «Горные породы»

Источниками метафорического переноса в политическую сферу являются концепты *глина, глиняный* и *гранит*.

В дискурсе СМИ актуализируется основное свойство глины - пластичность, способность трансформироваться (менять свой состав и строение). Посредством концепта *глина* репрезентируется наша страна, достаточно легко, по мнению журналистов, поддающаяся изменению под давлением властных структур. Ср.: *Религией раннего Путина был прагматизм, соединенный с авторитаризмом. Просто так было проще покончить с бардаком, беспределом и прочими неотъемлемыми завоеваниями предыдущей эпохи. Сначала припугнуть, а потом лепить новую страну из податливой глины* (И. Мильштейн // НВ. 2002. №40). *Не все можно поместить на гончарный круг. Человек – не глина. Из него не вылепить ни горшок, ни вазу. Нужно проникать глубже* (Дм. Лукин // Журналист. 2004. №6).

Востребованными в дискурсе средств массовой информации оказались также устойчивые сочетания концепта *глина: колосс на глиняных ногах* и *глиняный голем*.

Глиняный голем – в еврейских фольклорных преданиях глиняный великан, который послушно исполняет порученную ему работу, но может выйти из-под контроля своего создателя и погубить его. В основе метафорической номинации лежат фоновые знания ситуации отречения Б. Ельцина от власти и назначения преемником Вл. Путина. Ср.: *Глиняный голем под названием «преемник», созданный в Кремле еще летом и выпущенный в регулируемое политическое плавание, зажил своей собственной жизнью* (А. Колесников / НВ. 2000. №5).

Глиняный колосс – в библейском рассказе огромный истукан с головой из золота, грудью и руками из серебра, животом и бедрами из меди, коленями из железа, а ногами - из глины. Камень, упавший с горы, обратил истукана в прах. С глиняными колоссами журналисты соотносят нефтяные компании: могущественные с виду, они по существу оказываются слабыми, легко разрушающимися, зависящими от внешних обстоятельств. Ср.: *Марш глиняных колоссов. Крупнейшие российские нефтяные компании богаты, неэффективны и неподконтрольны* (Ю. Александров // НВ. 2002. №45). *Индустрия на глиняных ногах* (Л. Баткин // НВ. 2004. №28).

Так, усиление негативного неодобрительного потенциала концепта *глиняный* достигается введением контрарных смыслов: с одной стороны, массивность, внушительность, с другой – слабость, уязвимость.

Гранит как очень стойкий и долговечный материал является самым распространенным камнем для изготовления могильных плит и памятников – таковы ассоциативные смыслы, участвующие в актуализации смыслов «холодный, долговечный, камень надгробий, безразличный к судьбам живых». Ср.: *Этих, двоедушных и троедушных, нельзя перекроить, как бы мы ни старались, они во всякое время при всякой власти, как бы их ни прикармливали, в темной сердцевине своей остаются чужими и равнодушными к чужой боли, словно бы вытесанными из хладного гранита* (В. Личутин // Завтра. 2003. №52).

2. 1. 3. 4. Слот «Камень»

С древнейших времен острый кусок твердого камня являлся незаменимым орудием для охоты и защиты от врагов. Кроме того, твердость, долговечность,

постоянство, величественность его форм, а иногда и гигантские размеры производили на людей глубокое впечатление, благодаря чему камень во многих культурах символизировал постоянство и стабильность [Жюльен 2000: 166]. Камень стал символом прочного и долговечного **Фундамента**, а значит, **веры и истины**. Христос назвал Симона *Петром*, имея в виду, что именно этот пророк станет основой Церкви Христовой [Жюльен 2000: 168].

В сознании русского человека концепт *камень* связан прежде всего с евангельскими смыслами: например, «Русский ассоциативный словарь» наибольшую частоту реакций-ответов (80) фиксирует у слова *pretкновения* [Русский ассоциативный словарь 2002: 244]. В дискурсе печатных средств массовой информации 2000 – 2004 гг. частотны и продуктивны метафорические выражения: *камень pretкновения, краеугольный камень, камня на камне не оставить, время разбрасывать камни, и время собирать камни*. Однако принижение влияния православия в последнем столетии, разрыв с вечными ценностями привели к деформации евангельских смыслов.

Несмотря на то что выражения *камень pretкновения* и *краеугольный камень* обозначают один и тот же денотат (под камнем в Священном писании подразумевается сам Господь), их семантика в дискурсе СМИ не тождественна. Наиболее близка тексту-источнику семантика выражения *краеугольный камень* – самое главное, суть, основа; то, что способствует возрождению. Ср.: *Среди приоритетов очередного плана спасения России названы еще три реформы: военная, образования и здравоохранения. Егор Тимурович не отрицает, что западные экономисты уже два десятилетия считают эти направления базовыми для экономического роста. Непонятно только, почему он вспомнил о «передовых идеях» лишь сегодня, после того, как в России до основания были разрушены все эти **краеугольные камни*** (А. Казаков // Россия. 2002. №9). *Существует анализ надежности коммерческого банка на основе ежегодной финансовой отчетности. Здесь следует выделить **три краеугольных камня**: платежеспособность банка, ликвидность, устойчивость* (А. Терегулов // Версия. 2003. №22).

Денотативная сфера метафорического выражения *краеугольный камень* охватывает позитивные процессы в современной России: основные направления экономического роста, стабильность банковской деятельности.

Выражение *камень pretкновения* интенсивно используется в дискурсе СМИ и обозначает основную помеху, трудность. Ср.: *Складывается впечатление, что в*

настоящее время главная внешняя опасность России сосредоточена на мусульманском фронте, самым большим камнем преткновения на котором является Чечня (Б. Фулфорт // Завтра. 2003. №13). *Земельный вопрос в России – извечный камень преткновения* (С. Обухов // Континент. 2001. №39). *Одним из главных камней преткновения на пути объединения двух стран продолжает оставаться вопрос общей валюты* (А. Мещеряков // ФР. 2002. №14). *Камнем преткновения стало финансирование. На многочисленные просьбы о помощи откликнулись немногие* (С. Лысенко // Правда. 2003. №12).

Выражения *камня на камне не оставить* и *время разбрасывать камни, и время собирать камни* в дискурсе печатных СМИ формально преобразуются. Журналисты отступают от привычной формы данных выражений, желая приспособить их к конкретной ситуации, оживить знакомый образ, выразить свое, авторское отношение к изображаемому. Ср.: *Прошло время разбрасывать камни. Пришло время собирать их. Дело кропотливое. Спешки не терпит. На смену хаосу идет закон и порядок. Постепенно от непредсказуемых и резких движений Россия переходит к последовательным действиям* (Т. Чаплыгина // Век. 2001. №16). *Время разбрасывать камни* (Правда. 2003. №45)? *Реструктуризация в МПС: оставим камень на камне* (Ю. Молотков // ЭКО. 2002. №7).

Сокращение компонентного состава или его распространение антонимичными глаголами *прийти-пройти* изменяет качественно-оценочную направленность выражений. *Время разбрасывать камни, и время собирать камни* – чаще всего это выражение употребляется в значении «за все надо платить» [Раков 2000: 241]. *Прошло время разбрасывать камни. Пришло время собирать их* – выражение символизирует переход России к новой экономической политике. *Камня на камне не оставить* – разрушить до основания. *Оставим камень на камне* – провести комплексный анализ деятельности, который позволит выявить слабые места и разработать ряд организационно-экономических мер.

Примечательно, что чаще всего используют метафорические образы, основанные на евангельских смыслах, газеты коммунистической направленности («Завтра», «Правда», «Континент» и др.) – 19 употреблений из 29.

В русской языковой картине мира концепт *камень* также тесно связан с политической историей России: выражение «Булыжник – орудие пролетариата» из «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса остается актуальным и в современной жизни России. Ср.: *Березовский замахнулся «Булыж-*

*ником»? В прессе был опубликован план «Булыжник», авторство которого приписывают людям Бориса Березовского. Описан план захвата власти в ФНПР на предстоящем съезде (С. Стремидловский // Век. 2001. №28). Пролетариат берется за булыжник. Если не прислушиваться к серьезным доводам, а потом игнорировать и митинговые выступления трудящихся, дальше остается только социальный взрыв (М. Шмаков // Век. 2001. №39). СПС эксплуатирует идею объединения. Год – два назад они думали, что нас просто сожгут, поскольку после выборов партия находилась в тяжелом положении. Это у них не получилось. Теперь протягивают нам руку. **В этой руке лежит камень** – одновременно с письмом Чубайса публикуются статьи, где рассказывают, как бороться с «Яблоком» (Я. Серова // НГ. 2003. №84). Ходорковского защищали отчаянно. «Яблоко» тоже **не кинуло** в узника **камень** (В. Новодворская // НВ. 2004. №9 – 24). Тот, кто **начал бросаться камнями в стеклянном доме**, должен взять на себя ответственность и за усиления военных, и за игру на настроениях населения (О. Лацис // НВ.2003.№34). **Камни власти** (Ю. Левада // НВ. 2003. №33).*

Так, для обозначения опасной политической и социальной ситуации используются метафорические словоупотребления *браться за булыжник, замахнуться булыжником, держать камень в руке, кинуть камень, выбрасывать камни*. Интенсификация силы воздействия метафорического выражения *бросаться камнями в стеклянном доме* достигается за счет указания на хрупкость, ненадежность стекла. Заметим, что данные выражения также являются развитием евангельского образа: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень», – сказал Иисус, обращаясь к фарисеям, приведшим к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии.

Денотативная сфера применения большинства метафор, относящихся к слоту «Камни», – основные пути возрождения нашей страны и те трудности, которые могут встретиться на этом пути. Проведение ассоциативных причинно-следственных отношений между сложившейся социальной, политической ситуацией и использованием камня в качестве средства защиты и нападения повышает эффективность отрицательного воздействия на адресата. Однако антитезой первобытному символу угрозы и разрушения выступают евангельские образы силы, единства, прочности и надежности.

2. 1. 3. 5. Слот «Добыча полезных ископаемых»

Источником метафорической экспансии послужили концепты, связанные с такой деятельностью человека, которая направлена на поиск и извлечение по-

лезных ископаемых из недр земли: *зондировать, прощупывать, глубокое бурение, глубоко копать, выдавать на-гора, пробуривать породу*. Ср.: *Картина складывается более чем пестрая. И это пока только внешне – если **копнуть глубже**, ситуация запутывается окончательно* (С. Сергеев // Континент. 2001. №26). *Решив, что отношение к Лукашенко, а заодно и к Союзу с Беларусью в Кремле в последнее время кардинально меняется, Rogozin – как всегда, с наскоку, **глубоко не копая**, - решил сыграть в большую политику* (Е. Ростиков // Завтра. 2002. №33). *Может, и КГБ теперь воссоздадут не до конца, и будет эта новая **Контора Глубокого Бурения** добрее и нежнее прежней. Аппарат контроля над личностью, прессой, обществом создан* (П. Фельгенгауэр // НГ. 2003. №18). *Наш парламент прямо-таки со стахановской результативностью **выдает на-гора** законы, нужные Кремлю, и так же дружно **закапывает** те, по поводу которых исполнительная власть хмурит брови* (П. Вощанов // НГ. 2003. №9).

В сознании носителей языка существуют типичные знания о добыче полезных ископаемых. Представления о том, что человек может разведать месторождения и добыть ценные руды, лежат в основе формирования аналогий с действиями различных политических субъектов, что позволяет осуществлять метафорический перенос знаний в сферу политики. Ср.: *Звездам приходится сильно опускаться. **Как шахтеры, они опускаются все ниже и глубже**, у них выхода иного нет – такая работа. Они добывают особую породу угля, топливо по имени «рейтинг», ломая, пробуривая при этом собственную свою человеческую породу* (И.Петровская //НГ.2004. №10).

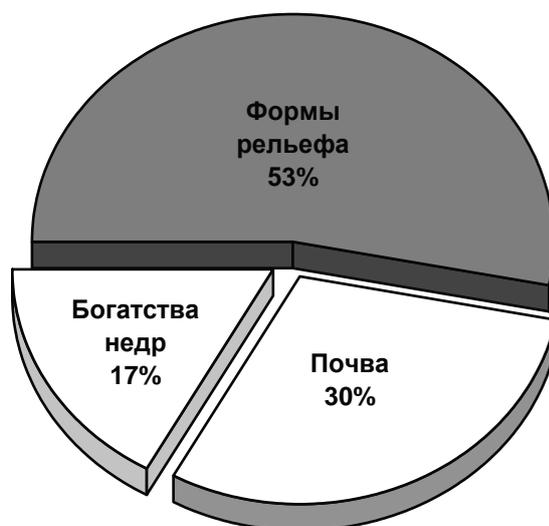
Образное представление ФСБ России в качестве *Конторы Глубокого Бурения* является двойной номинацией. Созданная прописными буквами аббревиатура *КГБ* неизбежно проводит параллель между этими силовыми структурами; апеллируя к исторической памяти, восстанавливает некоторые знания, в частности о том, что Главное управление КГБ СССР занималось политическим сыском.

Обращает на себя внимание пересекаемость метафорических выражений данного слота с метафорическими выражениями подфрейма «Почва», такими, как *зондировать и прощупывать почву*, что обусловлено реалиями исходной концептуальной области: состав почв над залежами может помочь геологу в поисках руд. *Зондировать, прощупывать – значит выявить, выяснить заранее, изучить общественное мнение по какому-либо вопросу*. Ср.: *Сверхзадачей любого международного экономического форума является взаимное «зондирование почвы» на предмет деловой активности. В этом смысле лондонская встреча исключением не стала. Российская сторона должна была убедить Запад в том, что экономическая ситуация в на-*

шей стране заслуживает пусть и сдержанного, но все-таки оптимизма (С. Смирнов // Век. 2001. №15). А. Ларионов **зондирует** общественное мнение (ТК ТВЦ 09.10.04).

Прагматические смыслы, формируемые метафорическими словоупотреблениями подфрейма «Богатства недр» сводятся к следующим: многие негативные явления в нашей стране имеют свои истоки - причины, которые необходимо выяснить, чтобы предотвратить распространение терроризма, коррупции, бедности и отчаяния, ведущих к разрушению личности и государства. В России есть экономические и политические ресурсы, способствующие созданию и усилению общественной стабильности.

Итак, мы рассмотрели метафоры с концептуальной сферой-источником «Земля», участвующие в формировании метафорической модели «Особенности русской национальной жизни – это особенности ландшафта». Соотношение составляющих подфреймов отражает следующая диаграмма.

Проведенный нами анализ показал, что в современных российских средствах массовой информации 2000 – 2004 гг. активно используются метафоры с исходными смыслами «Формы рельефа» и «Почва».

Благодаря способности концептуальной метафоры служить орудием познания мира в сознании адресата создается пространственно-структурная модель России, позволяющая понять общие закономерности и особенности политической, экономической и общественной жизни в России. Основной целью подоб-

ного моделирования является не только отображение, но и преобразование картины мира в сознании адресата.

Так, ориентационными метафорами *верха* и *низа* актуализируются идеи неравномерного развития России, знавшей в своей истории периоды высшего расцвета и упадка, кризиса. В связи с чем наибольшую значимость приобретают концептуальная метафора «жизнь – это движение вперед по дороге», связанная в массовом сознании с выбором особого пути развития России, и концептуальная метафора «Место деятельности – это поле», акцентирующая идеи воссоздания единого политического пространства России.

Следовательно, мы можем говорить о том, что метафоры с исходной сферой-источником «Земля», организованные вокруг концепта *земля* и связанные с понятиями «национальная идея», «Россия», стали занимать в общественном сознании особое место, обусловленное изменениями политического и социально-экономического характера, такими, как смена общественно-политической парадигмы (новый президент, частичная стабилизация социальной жизни и др.).

2. 2. Фрейм «Вода»

В дискурсе средств массовой информации 2000 – 2004 гг. стихия воды репрезентируется посредством разнообразной гидронимной метафорики: *слабенький небольшой ручеек, берега одной реки, приливная волна, мутные воды, бурные воды, штормующий океан, бушующее море, обильные и мощные потоки, хлынуть водопадом, подводные течения* и др. Данные метафоры участвуют в создании метафорической модели «Развитие России – это состояние и движение воды» (соотношение фреймов и данные о частотности см. Приложение 1 сх. № 10 – 19).

Выбор гидронимной сферы в качестве универсального источника для концептуализации многих сфер человеческой деятельности, в том числе и социальной, во многом определяется непосредственно наблюдаемыми качествами и состояниями воды, с которыми явно связаны ее символические признаки. На эту зависимость обращают внимание исследователи: С. Ю. Неклюдов, анализируя признаковое поле вещественных объектов, указал на значимость целого ряда эмпирически засвидетельствованных свойств воды в фольклорной картине мира [Неклюдов 2002: 22]. Статья Л. Н. Виноградовой «Та вода, которая...» дает представление обо всем спектре признаков воды (как стихии, как локуса и как субстанции), релевантных для традиционного культурного сознания и ритуальной практики [Виноградова 2002].

Наиболее актуальными для процесса метафоризации в дискурсе СМИ оказались следующие признаки воды.

Вода аморфна, вездесуща и всепроникающа (окружает сушу со всех сторон, проступает из-под земли, льется с неба). Отсюда – представление о воде как о стихии хаоса. Ср.: *Волна все спешет. Хляби небесные и стоны земные* (НВ. 2002. №26). *Америка может предпочесть изоляционизм, используя свою мощь для того, чтобы сохраниться в океане всеобщей деградации и хаоса* (А. Кустарев//НВ.2002. №4).

Вода производительна (без нее невозможна жизнь, в ней жизнь зарождается), но в качестве среды обитания она губительна для человека. Отсюда, с одной стороны, вода представляет собой универсальный образ начального состояния Вселенной, а с другой – несомненна ее связь со стихией смерти

(см. далее противопоставление «живой» и «мертвой» воды). Ср.: *Страна испуганных олигархов. В мутной воде, как известно, легче спрятаться. Оказалось, легче и потонуть* (Р. Шлейнов // НГ. 2002. №47). *Воды «Курска» излечили россиян от слепоты* (В. Лебедев // НВ. 2003. №34).

Вода рубежна (*берег водоема, кромка прибоя, водораздел*): по ту сторону остается или неосвоенное пространство/недостаточно освоенное, или негативно воспринимаемое «чужое» пространство. Ср.: *Точка водораздела* (А. Рябов // Век. 2001. №30). *До водораздела нам по пути. Мы прекрасно понимаем, что проимперски настроенная бюрократия – наш попутчик только до той черты, когда возникнет вопрос, а что собственно мы строим: абсолютную монархию или нормальное буржуазное общество? И надо понимать, что на определенном этапе возникнет водораздел: рынок и демократия или абсолютизм* (В. Похмелкин // НВ. 2000. №30).

Особенно значимым для дискурса СМИ становится оценочное противопоставление стоячей и текучей воды. Текучей/проточной воде (*быстро текущей, журчащей, прозрачной, чистой, холодной*) в большинстве случаев приписывается безусловное положительное значение, так как важнейшим общим признаком, характеризующим жизненную силу, производительную потенцию и человеческую активность, является движение.

Известно, что текучая вода – *река, ручей, океан, море, поток, волна, водопад* - не может не работать: образовав единый поток, она начинает перемещать вниз по течению все, что попадает ей на пути. Сначала сила потока невелика, но, после того как поток сливается с другими, его энергия наверняка возрастает. Ср.: *По улицам невзрачного городишки движутся небольшие группы мужчин. Среди тусклой толпы футбольных фанатов – мальчишки и седовласые отцы семейств. Ручейки стекаются в общую реку, течением которой управляет неумолимая лихая отчаянность. На «стрелке» с другой рекой они хлынут одна на другую* (Л. Малюкова // НГ. 2004. № 70).

Концепт *текучая вода*, проецируемый на области политики, экономики, общественных отношений, в процессе познания человеком окружающей действительности способен вызывать пучки ассоциаций: значимость, непрерывное движение, устремленность вдаль, сила, трудолюбие, беспокойный характер и т. д. Ср.: *Традиция, обычай – самоопределение народа в условиях полной и тотальной неопределяемости. Народ течет в традициях, как река по*

руслу. Они – его коллективное право, его самовыражение. Может река выйти из русла в половодье, так и народ может выйти из традиции – в период, скажем, революции, но все равно все вернется на круги своя. Высохнут, заболотятся революционные разливы, заквакают лягушки, а народ – вона, течет себе по основному руслу. Поставьте народу камень, напишите на нем «закон» - обогнет народ камень и потечет дальше (А. Новиков // НВ. 2002. №16).

Мы можем говорить о том, что концепт *текущая вода* в дискурсе средств массовой информации обозначает источник и символ жизни, позитивное движение и развитие, и в этом прослеживается связь с религиозными и фольклорно-обрядовыми традициями. Например, таинство Крещения совершается в воде – мировой первостихии: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». В волшебных сказках на пути героя встречаются *молочные реки и кисельные берега*. Ср.: *Захлестнувшая страну избирательная кампания закружила головы граждан бурной полемикой соискателей думских мандатов... Все обещают гражданам свое содействие в организации кисельных берегов вдоль молочных рек* (Б. Комоцкий // Континент. 2003. №48).

Именно текущая вода, по замечанию Л. Н. Виноградовой, характеризуется в народной терминологии как *живая, здоровая, сильная, ходовая, быстрая, резвая, молодая* и противопоставляется стоячей воде (*мертвой, мутной, ржавой, старой, гнилой*) [Виноградова 2002: 35].

Концепт *стоячая вода* в дискурсе СМИ 2000 – 2004 гг. соотносится с *затхлым, зловонным, гниlostным, гниющим, зыбким, вязким, едва колышущимся болотом; наполненной тухлой водой бочкой; замкнутой системой аквариума; рекой Стикс в царстве мертвых* и репрезентирует все то, что характеризуется косностью, застоем, отсутствием живой деятельности. Ср.: *Если сравнить культуру с водоемом, то существуют **полноводные реки, ручейки, впадающие в океаны**. А есть еще дубовая бочка, расположенная на выходе из сауны, в которую прыгают распаренные людишки. **Полноводная река нашей культуры остановилась и тухнет** в этой бочке* (С.Бугаев // НГ. 2003-04. №97). ***В болоте бравурных сводок новостей раздался гниlostный всплеск. По стоячей воде пошли круги – и затихли. Болото умеет хранить тайну. Неудобная новость глушится, обесмысливается, запутывается в паутине полуправды*** (С. Голиков // Консерватор. 2003. №12). *У нас под окнами все та же **речка, похожая на Стикс**, и мы бредем по ней, не в силах ни захлебнуться, наконец, ни дойти до устья* (В. Новодворская // НВ. 2004. №33). *Репута-*

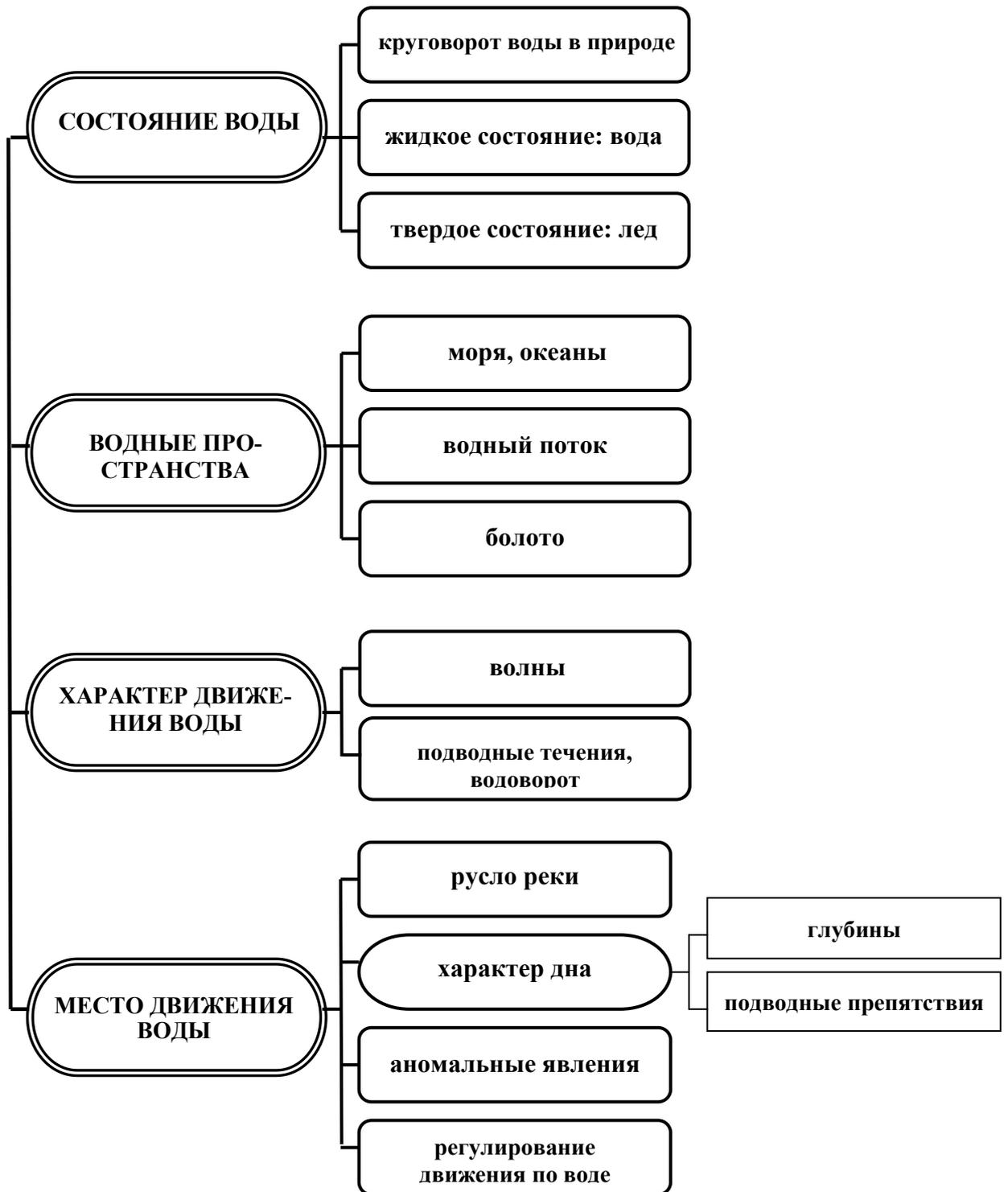
ция сегодня не в цене. *В аквариуме с трехразовым питанием можно отказаться от политических пристрастий и прославлять руку, которая тебя кормит* (Н. Прусенкова// НГ. 2004. №50).

Согласно сведениям польского «Словаря стереотипов и народных символов», «стоячая вода – это как бы вода без души; если же она движется, перетекает с места на место, тогда это живая вода [Słownik... 1999: 236]. Так, оппозиция стоячей и текучей воды оказывается весьма существенной для разграничения «живой» и «мертвой» воды. По предположению В. Я. Проппа, в большинстве сказочных мотивов «живая» и «мертвая» вода есть одно и то же, поскольку, чтобы ожить, умерший вынужден пользоваться сначала одной, а затем другой водой [Пропп 1996: 199]. Однако если в фольклоре «живая» и «мертвая» вода образуют некое взаимодополняющее единство, то в дискурсе СМИ второй член оппозиции имеет безусловные отрицательные смыслы.

Посредством оценочного противопоставления текучей/живой и стоячей/мертвой воды в дискурсе СМИ реализуется бинарная оппозиция «развитие – застой», актуализирующая ценностные ориентации современного русского общественного сознания, а именно: идеи необходимости безостановочного и стремительного движения вперед, опасности пассивного отношения к жизни. Ср.: *Омут затягивает – поток выносит на новые высоты* (ТК ТНТ. 06.10.04).

Таким образом, мы можем отметить, что признаки концепта *вода* используются для репрезентации сферы политики и экономики уже будучи символически нагруженными. При наложении концептов одной сферы на другую происходит двойная актуализация смыслов: переосмысление метафорического концепта, раскрытие его второго плана, – что ведет в конечном итоге к углубленному пониманию самого концепта и обогащению семантики текста в целом.

Система метафор с концептуальной сферой-источником «Вода»

2. 2. 1. Подфрейм «Состояния воды»

2. 2. 1. 1. Слот «Круговорот воды в природе»

Частая смена премьеров, изменение курса реформ, сомнительные финансовые операции метафорически обозначены как *круговорот воды в природе*. Ср.: *Круговорот реформ в Совмине* (Консерватор. 20002. №3). *Круговорот премьеров в субтропической природе* (М. Глобачев // НВ. 2002. №50). *Отчасти вся эта скрытность позволила создать в Лихтенштейне от имени покойного фирму VHS Foundation и перевести туда со счетов другой фирмы определенные деньги. Деньги испарились, чтобы выпасть потом в виде осадков на Кипре* (О. Лурье // Версия. 2002. №37).

При метафорическом использовании концепта *круговорот* эксплуатируются следующие смыслы: замкнутость цепи, закономерность смены одного состояния другим, не нарушающей вместе с тем обычного развития событий, не приводящей к революционным изменениям.

Денотативная область функционирования метафорических словоупотреблений данного фрейма – политические субъекты и их деятельность, финансы.

2. 2. 1. 2. Слот «Жидкое состояние: вода»

При метафорической характеристике сфер экономики и политики с помощью концепта *вода* учитываются прежде всего такие характеристики воды, как степень прозрачности и глубина: *наступает время чистых вод, мутные воды российской экономики, глубокие воды российской политики*.

Наиболее значимым и регулярным является противопоставление «чистый – мутный». В основе такого противопоставления лежит представление о том, что мутная вода содержит различные примеси, осадок, грязь, а чистая вода освобождена от грязи, прозрачна, через нее видно дно и просвечивает солнце. Образ «чистой воды» отражает позитивные оценки: ясность, безупречность, открытость, честность. В дискурсе СМИ 2000-2004 гг. преобладают словоупотребления с негативной оценкой, связанные с образом «мутной воды»: отсутствие ясности, неопределенность, лживость, нечестность в отношениях. Ср.: *Когда Путин говорит, что закончилась эпоха революций, это значит, что закончилась эпоха хаоса, эпоха мутной воды, эпоха грандиозных проектов с неизвестным результатом. Наступает время чистых вод* (С. Марков // Век. 2001. №14). *Заплутав в мутных водах российской экономики, царь Итаки может не успеть к свадьбе Пенелопы* (Э. Бернштейн // НВ. 2001. №2-3).

«Патриот номер один» вновь **мутит воду**. Новый всплеск политической активности господина Березовского вызвал самые противоречивые комментарии (А. Щербаков // Россия. 2002. №41).

Частотны примеры метафорического развертывания идиоматического выражения *ловить рыбку в мутной воде*, акцентирующего смыслы: «пользоваться трудностями, паникой, замешательством, распрями и т. п. для достижения личных выгод» [Словарь русской фразеологии 1999: 509]. Ср.: *Такое всесильное ведомство не в состоянии усмирить организованную преступность и нейтрализовать терроризм. Может, не очень к этому и стремится? Спровоцировав разные заварушки, потом легко наловит рыбки в мутной водичке* (С. Таежный // НВ. 2000. №2-3). *Активизируются разнообразные антиолигархические Советы, которые играют на неприятии населением итогов приватизации. То есть вода становится мутной, а значит, появится специалист по ловле рыбы в мутной воде* (В. Плескачевский // НВ. 2003 .№34). *Больше года назад Владимир Шаманов сделал достаточно внятное предупреждение тем, кто **норовит ловить рыбку в мутной воде российского безвременья*** (А. Чечевишников // Век. 2001. №17).

Денотативная область применения метафорических словоупотреблений данного слота представлена сферами политики и экономики в целом. Прагматический смысл можно сформулировать следующим образом: в политике и экономике почти нет честных, незапятнанных отношений, экономисты и политические лидеры для достижения личной выгоды намеренно создают, провоцируют трудные ситуации.

2. 2. 1. 3. Слот «Твердое состояние: лед»

Источниками метафорических номинаций послужили такие концепты исходной сферы, как *лед, ледяной, льдина, айсберг (вершина, верхушка, верхушечная часть, видимая часть, невидимая часть, подошва)*. К периферии слота мы отнесли концепт *прорубь* – отверстие, прорубленное во льду.

В основе метафорических словоупотреблений данного слота лежат эмоциональные образы: бескрайние массы льда, остановившие течение рек; безмолвие смерти; моря, айсберги. Даже такие свойства льда, как хрупкость и деформация при нагрузке, способность искривлять отображаемое, разворачивают в дискурсе СМИ свой отрицательный потенциал, еще более усиленный использованием прецедентных феноменов: *лед тронулся* («Золотой теленок» И. Ильфа, Е. Пет-

рова), *ледяное зазеркалье* («Алиса в зазеркалье» Л. Кэрролл), устойчивого выражения *болтаться как говно в проруби*. Ср.: *Ледяное зазеркалье. Люди видят, как движутся льды, не обращают внимания, как движутся деньги. Лед тронулся, господа присяжные заседатели, и уплыл. Кривое ледяное зеркало, которое всегда обманывает, - не верьте ему* (Т. Иванов // НВ. 2001. №23). *На глазах зрителей раскалывается и расплывается в разные стороны огромная льдина с контурами, повторяющими границы Советского Союза. И тут же на самом большом обломке льдины возникают кажущиеся неисчерпаемыми месторождения нефти, газа, угля и золота* (Ю. Нерсесов // Континент. 2003. №16). *Десятилетие, не больше, осталось спесивой российской элите, бездарно проедающей сырьевые ресурсы страны, болтаться в проруби своих фантомных амбиций и антизападных комплексов* (А. Пионтковский // НГ. 2002. №12). *Мы будем еще долгое время болтаться в проруби нашего евразийства и антиамериканских комплексов* (А. Пионтковский // ОГ. 2001. №39).

Наиболее устойчиво и продуктивно функционирует в дискурсе СМИ концепт *айсберг*, акцентирующий идеи масштабности, значительности происходящих процессов. Ср.: *Антикоррупционный айсберг – он найден и подготовлен к всплытию* (А. Богатуров // Век. 2001. №50).

Область притяжения метафорических выражений – финансовая деятельность и собственно финансы; несколько реже встречаются примеры, характеризующие взаимодействие политических субъектов, а также социальные процессы, например миграционные. Неравномерность объема нелегальных сделок, финансовых нарушений, с одной стороны, и легальных операций – с другой, обуславливают особое внимание к структурному делению айсберга. Соотношение видимых (1/6 – 1/7 части всей громады) и невидимых зон обозначенных негативных явлений наводят на мысль о той серьезной опасности, которую эти явления могут представлять для нашей страны. Ср.: *Объемы операций с использованием забалансовых средств могут соотноситься с легальными сделками так же, как невидимая часть айсберга – с надводной верхушкой* (М. Плеханов // Век. 2002. №9). *Что касается утечки капиталов, известно, что видимая часть айсберга, то есть те капиталы, следы которых можно обнаружить, составляют не более 5-10 процентов* (И. Николаев // Континент. 2001. №26). *Личные отношения российских политиков обычно оказываются вершиной айсберга, у подошвы которого власть неотделима от бизнеса. В той же отечественной специфике любой «моральный аспект» с неизменностью обозначает лишь вер-*

хушку очередного айсберга, грозы нормальной навигации. А с исподу – тонны «рокировочек», и тем более «сильных», чем дальше вглубь (М. Глобачев // НВ. 2002. №47).

2. 2. 2. Подфрейм «Водные пространства»

2. 2. 2. 1. Слот «Моря, океаны»

Слот представлен немногочисленными метафорическими словоупотреблениями с исходными концептами *море* и *океан*.

В основе метафорического использования концептов слота лежит представление о крупных водоемах как о множестве, скоплении, обилии воды; безбрежном пространстве. Ср.: *Россия пытается плыть в штормующем океане без руля и без ветрил (В.Личутин//Завтра. 2003. №52). Подходим к черте, за которой – «океан неизвестности», политической, военной и экономической нестабильности (А. Кокошин // АиФ. 2003. №11). Последняя новость. Березовский объявил, что готов выкупить долги НТВ. Новость предпоследняя: Доренко уволен с ОРТ. Новость предыдущая: приморского губернатора Наздратенко вынудили подать в отставку. Подобных сюжетов – уже не пруд пруди, а океан океань (О. Кучкина // НВ. 2001. №7). Так как чернухи на этих выборах будет море несметное, можно ожидать сильное снижение общей явки (П. Прянишников // Версия. 2003. №4). Похоже, что на бушующее в эти дни море политических и экономических неурядиц вылита бочка масла (И. Мельников // Правда. 2003. №30). За годы реформ 40% наших граждан оказались за чертой бедности. И проблем у них – море (А. Аваков // Россия. 2002. №28).*

Атрибутивные слова *бушующий*, *штормующий* акцентируют внимание читателя на непредсказуемом, грозном характере поведения природной стихии. Кроме того, океан и море символизируют всякую безграничность и бесконечность: *несметный, океан океань, необъятный*. Так, опасный характер поведения водной стихии и ассоциации с чем-то не поддающимся исчислению и вообще ограничению послужили предпосылкой для возникновения метафорических выражений. В процессе метафоризации происходит взаимодействие отмеченных нами ассоциативных признаков со свойствами самих метафорически осмысляемых объектов. *Всеобщая деградация, хаос, непредсказуемость действий властей, неизвестность, неурядицы, проблемы* и т.д. – огромное количество негативных явлений могут угрожать развитию нашей страны.

Усиление векторов тревожности и нестабильности достигается также включением в дискурс СМИ концепта *капля*, апеллирующего к традиционным об-

разам: *капля в море, как в капле воды*. Ср.: В этих примерах, как в капле воды, отражаются сложные проблемы перехода российской экономики к уверенному росту (Ю. Александров // НВ. 2000. №20). *Помощь со стороны России организациям соотечественников на Украине по большому счету капля в море, но и эту каплю размазывают вместо того, чтобы сконцентрировать средства на ключевых направлениях* (К. Шуров Континент. 2003. №16). *Бордюжа ответил: «...вы, как человек, обладающий хоть каплей здравого смысла, должны понимать, если есть одна капля, есть и пятьдесят других»* (А. Гамов // КП. 2002. №187).

Черта, отделяющая человека и общество от опасных состояний, соотносится с понятием берега: *У кромки прибойя ядерной войны* (Г. Петров // НГ. 2002. №40). Однако единичность подобных примеров только подчеркивает резерв отрицательной экспрессивности метафорических выражений, представляющих слот.

2. 2. 2. 2. Слот «Водный поток»

Обозначения водных потоков (*река, поток, водопад, источник, ручей, ручеек, ключ, родник*) группируются вокруг наиболее частотного и значимого образа рассматриваемого слота – гиперонима *поток*.

В сознании носителей русского языка становится традиционной концептуальная метафора «жизнь – это движение реки», основанная на внеязыковом знании действительности. Ветер может утихнуть, и ветви деревьев застынут неподвижно. Море иногда успокаивается, становясь гладким, как зеркало. Но есть в мире нечто, никогда не прекращающее движение и вечно стремящееся вдаль. Это реки. Вода в них поистине живая: реки все время меняют свой облик, в них постоянно что-то движется и переливается, они дают жизнь. Подобные ассоциативные наслоения возвращают нас к образу текучей воды, соотнесенной в приведенном нами выше примере с образом русского народа.

Представления о реке у каждого народа связаны с национальной рекой: так, стимул *река* у носителей русского языка вызывает первую и самую частотную реакцию – *Волга*. Утверждение - русские реки есть принадлежность русского сознания - находит свое продолжение в дискурсе средств массовой информации: концепт *Волга* номинирует Россию, *Енисей* - Сибирь. Ср.: *Волга впадает в Лимпопо. Учитывая хорошие политические отношения с большинством стран Африки, Россия может реализовать многие проекты на Черном континенте* (И.Иванов // Россия.

2003. №15). *Штормит Енисей при тихой погоде. Олигархи сбросили маски и открыто пошли на захват богатейшего региона России, да, пожалуй, и всего мира* (А. Колесников // Россия. 2002. №30).

В дискурсе российских СМИ водный поток/текучая вода выступает прежде всего как производитель действия: *РЕКА впадает, льется, течет по руслу, течет медленно, но в одну сторону, может выйти из берегов; обильные, бурные и мощные ПОТОКИ никогда не иссякнут, протекают, утекают, хлещут, могут хлынуть, побежать быстрее; ВОДОПАДЫ обрушатся, хлынут, льются* и т.д. Ср.: *Река течет медленно, но в одну сторону* (И. Мильштейн // НВ. 2001. №34). *Капиталы из страны утекают прежним могучим потоком* (И. Мильштейн // НВ. 2002. №4). *«Форус» и «Андава»: поворот финансовых рек* (НВ. 2001. №43). *Все знают, что коррупция у нас есть, приводятся цифры сумм теневых капиталов, мощным потоком утекающих в заморские банки* (Н. Никулина // Континент. 2002. №52). *Лето этого года буквально «радовало» обильным потоком достаточно грязной информации как о сделках в АЦБК, так и о личностях его руководства* (М. Кузьменкова // Версия. 2002. №37). *Инвестиционные потоки с Запада побегают быстрее* (Г. Лунтовский // Век. 2002. №3). *Муть, или когда инвесторы хлынут к нам водопадом* (В. Дерновой // Век. 2002. №3).

Несмотря на широкий спектр метафорических словоупотреблений, денотативная зона их применения достаточно сужена: чаще всего это финансы/капиталы: *поворот финансовых рек, приличная финансовая река, финансовый поток уменьшился, финансовые потоки относительно незначительны, поворот финансовых потоков с «вывоза» на «ввоз», хлещет за кордон поток теневых миллиардов, страна может рассчитывать лишь на финансовый ручеек, небольшой ручеек средств, привычные источники иссякли, населению источники финансирования давно перекрывать научились* и др.

В связи с неустойчивой экономической ситуацией, существующей в нашей стране (*источники иссякли, денежные потоки обмелели, капиталы из страны утекают мощным потоком, финансовые потоки стали перебегать* и т. д.), встает вопрос о создании стабильной национальной валюты, правил и практик финансирования. Ср.: *У нас разное видение бизнеса, разное понимание того, куда и как необходимо направлять финансовые потоки* (К. Григоришин // Консерватор. 2002. №9). *Сейчас же экономика растет, и ее зависимость от внешних условий, финансовых потоков гораздо меньше* (Е. Гавриленко // Век. 2001. №32). *Мы можем «завернуть» обратно в область утекающие из нее финансовые потоки* (В. Межевия // Век. 2001. №28). *Контро-*

лируя огромные и в то же время непрозрачные финансовые потоки, их руководители имеют возможность оказывать крупные услуги политикам на всех уровнях (Ю. Александров // НВ. 2000. №2-3).

Таким образом, в метафорических словоупотреблениях слота актуализируются идеи постоянного движения, развития, и формируются прагматические смыслы о необходимости стремления вперед, а также о значимости в нашем обществе стабильных финансовых отношений.

2. 2. 2. 3. Слот «Болото»

Слот, в метафорических словоупотреблениях которого используются концепты *болото, трясина, полужидкая консистенция, зыбун, болотные огни, тина*, образуется на пересечении моделей, созданных на базе сфер-источников «Земля» и «Вода» (мы уже говорили о противопоставлении текучей и стоячей воды). При смыкании моделей происходит мощный всплеск ассоциаций и образуются ярко выраженные отрицательные смыслы, усиленные фольклорными образами.

С глубокой древности воображение человека поражали обширные заболоченные пространства с мрачными, непролазными, засасывающими тряпинами, с таинственными бездонными черными окнами, блуждающими огнями, постоянными туманами и ядовитыми испарениями. Фантазия людей населяла болота лешими, кикиморами и другой нечистью. Поэтому болото воспринимается отрицательно не столько потому, что вода в нем непригодна для питья (*затхлое, зловонное, гниющее, гнилостное*), сколько потому, что для человека, а также государства-как-человека, идущего по жизненному пути, оно представляет опасность, может затянуть и помешать достичь поставленной цели (*таит в себе серьезную опасность, можно увязнуть, провалиться, затянуло в болото*). Ср.: *Нужно авторитетное объединение не только аналитиков, экспертов, но и ученых-теоретиков. Иначе мы никогда не освободимся от рецидивов болезни догматизма, а то и провалимся в еще более зловонное болото обскурантизма* (П. Зоркальцев // Правда. 2003. №3). *Затхлость – вот главное свойство последнего десятилетия; какое-то болото во всем* (В.Личутин//Завтра.2002.№42). *До тех пор пока в России не появится реальная политическая конкуренция, ее президенты будут барахтаться в болоте малодостоверной, опоздавшей информации* (В.Ширяев//НГ.2003. №77). *Власть продолжает барахтаться в*

чеченском болоте (А.Политковская//НГ.2000.44). *Что просматривается на политическом поле сейчас? Там высится фигура президента, а прочее имеет, по определению Екатерины Егоровой, «полужидкую консистенцию». «Такое «болото», - считает она, - таит в себе серьезную опасность. Сильному президенту нужен не «ручной», а мыслящий парламент, серьезный оппонент. В трясине же можно только увязнуть»* (Век.2001.№49). *Думское болото побулькивало, сочувствуя жертвам теракта* (И. Мильштейн//НВ.2001. №39).

Образ *болота* активно используется абсолютно разными по содержанию и политическим убеждениям периодическими изданиями, что свидетельствует об устойчивости и традиционности образа, однако наиболее развернутые метафоры с ярко выраженными пейоративными смыслами (например, образ болотной нечисти метафорически представляет президента) характерны газетам «левой» ориентации. Ср.: *Если посмотреть вплотную, что делается у престола. Там ныне зыбкое, едва колышущее «русское демократическое» болото, и президент, всплзший на свою кочку. Сам выходец из него, его ноги увязились в том болоте, его руки в той пахучей тине, и окрас его, неопределенный, тинный, где всякого цвета намешано. Путин и держится-то на плаву, благодаря именно этому «болоту», которое выбрало его во власть... В нас, наверно, напрасно живет суровое недоверие к «болоту», к мнимому застою, внешней неприглядности, однообразию его, тинным зловонным запахам, похожим на серный дух адава провалища, ибо в незримой для посторонних глубине творится новая жизнь... И от того, что эта русская, для нас пока однообразная, миллионнолика масса, жадно столпившаяся у трона, не остыла и колышется постоянно в низких берегах, выделяя из себя на кочки и кочечки неожиданных людей и порою близкие нам идеи, - невольно возникает желание качнуть «болото» в русскую сторону. Напрасная иллюзия, таящая в себе опасность конформизма? Что зыбун незаметно затянет и засосет? – может быть. Время покажет* (В. Личутин // Завтра. 2003. №52).

Денотатами, метафорически характеризуемыми как *болото*, являются преимущественно политические, реже экономические, сферы: Дума, политические лидеры, электорат, политика России в Чечне, умышленно ложно интерпретированная информация, некоторые сегменты рынка, например страхование, и др.

Так, метафорические словоупотребления, относящиеся к подфрейму «Водные пространства», формируют у адресата следующие прагматические смыслы:

- в своем развитии наша страна должна безостановочно, а порой и стремительно двигаться вперед;
- одним из основных условий развития страны является стабильная экономика;
- развитию нашей страны могут угрожать экономические, социальные и политические проблемы, недружелюбные отношения между людьми, неуверенность в будущем, пассивное отношение к общественной жизни и другие негативные явления.

2. 2. 3. Подфрейм «Характер движения воды»

Движение вод, или их динамика, проявляется в разных формах - это прежде всего непрерывная череда волн различных размеров и форм, от едва заметной ряби до устрашающих волн-цунами, вызванных подводными землетрясениями; это подводные течения - своеобразные «реки без берегов»; это гибельные водовороты.

2. 2. 3. 1. Слот «Волны»

Самая частотная и продуктивная группа, представленная метафорическими концептами *зыбь, всплески, круги на воде, приливы и отливы, волны, пена, девятый вал, цунами, шторм* и др.

Оценка, заложенная в образах слота, неоднозначна. Самый богатый и разнообразный потенциал содержится в метафорических словоупотреблениях концепта *волна*, оценочная градация которого колеблется от позитивной (*волна прогресса*), нейтральной (*политики первой волны*) до ярко выраженной негативной (*волна гиперинфляции, неутрачивающая мощная волна протеста*). Ср.: *Приливная волна прогресса* (У. Уэлч // НВ. 2000. №13). *Очередная волна партийного строительства* вызвана не только новым законом о политических партиях (В. Рокотов // Век. 2001. №20). Девиз *предпринимателей новой волны* – зарабатывать деньги в России, а тратить на Западе (Ю. Алексеев // Россия. 2002. №38). *Экономисты утверждают: чтобы сбить волну гиперинфляции, достаточно было провести разгосударствление всего в двух отраслях – легкой и пищевой промышленности* (Ю. Алексеев // Россия. 2002. №38). *Экономические историки хорошо знают, что подъем некоторых стран происходил на волне глобальных потрясений* (В. Мау // Век. 2001. №32). *Мы по-прежнему имеем чу-*

довищный отток капитала. Конечно, сейчас есть и встречные волны – возвращение ранее вывезенного (С. Глазьев // Век.2001. №28).

Непрерывна работа волны, бегущей к берегу и обратно (*поднимется, отхлынула, вернется*), следовательно, и развитие социальных систем, особенно на переходном этапе, номинированное метафорическим концептом *волна*, видится как волнообразное развитие. Ср.: *Накатывая, реформаторская волна со временем упирается в сопротивление социального, человеческого материала. Спустя некоторое время, иссякая, она обречена на то, чтобы «отхлынуть»... Наша ситуация – не исключение. «Реформаторская волна» 1989-1992 гг. уже к концу 1992 года показала свое ослабление* (Россия. 2002. №33). *Незабываемая волна. Пошла вспять поднятая горбачевской перестройкой либеральная волна. Вспомним, что и в лучшие свои дни эта волна сталкивалась с сильными встречными течениями* (С. Шелин // НВ. 2000. №1).

В метафорических словоупотреблениях концепта *всплеск* заложены не только позитивные оценки, но и содержится указание на кратковременность характеризуемого положительного явления. Область цели – гласность, экономический рост. Ср.: *Если и есть польза от бесконечных реформ госаппарата, так это вызванные очередной кадровой перетряской неожиданные всплески гласности* (П. Волошин // НГ. 2002. №4). *Но ведь наши всплески экономического роста могут объясняться не самими по себе спадами в инвестициях, а более сложными причинами* (С. Шелин // НВ. 2001. №28).

Образы сильных и бурных волн, катастрофической, разрушительной силы, по старинным представлениям, роковых для мореплавателей, используются для номинации открыто негативных, часто страшных явлений в нашей жизни, таких, как терроризм, коррупция, финансовые кризисы, засилье иностранной валюты, черный пиар и др. Ср.: *Даже не волны, а цунами банкротств и слияний* (Завтра. 2004. №31). *Самые информированные политики мира оказались неспособны предсказывать и тем более предупреждать разрушительные финансовые цунами* (А. Грачев // НВ.2001. №30). *Разве мы могли устоять под девятым валом ельцинизма* (В. Антонов // Россия. 2003. №11)? *Ученые-криминологи, изучающие коррупцию как явление, в числе «генеральных» называют две наибеднейшие отрасли. Это здравоохранение и образование. Как говорят специалисты, именно туда идет «девятый вал» мзды из бытовой коррупции* (Н. Никулина // Континент. 2002. №52). *В течение нескольких лет сотрудники прокуратур останавливают террористический вал, не допуская его распространение на*

другие страны (Д.Юрьев// Век. 2001. №37). *Перед вторым туром выборов на красноярцев обрушили девятый вал «черного» пиара* (Е. Трифинов // НВ. 2002. №39).

Образ сильнейшего шторма обращает внимание на всеохватывающий характер подобных явлений. Ср.: *В поисках «тихой гавани» во время мирового финансового шторма иностранный капитал может обратить свое внимание и на нашу страну* (Т. Бондарь // Век. 2001. №43). *Вследствие многих социальных, политических и технических причин все народы современного мира ощущают себя пассажирами одного корабля. Либо они вместе преодолеют шторм и достигнут берега, либо никому из них это не удастся* (М. Хатами// Век. 2001. №9).

2. 2. 3. 2. Слот «Подводные течения и водовороты»

Активизация векторов интенсивности, мощности, протяженности каких-либо явлений достигается посредством введения в дискурс СМИ концептов *подводные течения, водоворот, пучина*. Ср.: *Водоворот коррупционного скандала затягивает все больше заметных фигур миттерановской эпохи* (А. Грачев // НВ. 2001. №13). *Водоворот событий* (Т. Крупнова // АиФ. 2003. №10). *Дело не в мелком десятиллионном мошенничестве, а в причудливом подводном течении финансовых потоков совсем иного порядка* (А. Пумпянский // НВ. 2000. №25). *С проблемой выдвижения действующего президента на второй срок сложнее обстоит дело, если погрузиться в дебри и пучины внутривнутриполитической ситуации* (В. Шевченко // Версия. 2002. №49). *Фатальным итогом прошлого года стало погружение страны в густую и липкую пучину полного лизоблюдства* (О. Лурье // Версия. 2003. №1). *Мировое сообщество к концу века погрузилось в пучину глобализации* (Г. Герасимов // НВ. 2001. №1).

Сильные подводные течения, бурные водовороты и пучина представляют опасность для человека, плывущего по воде – так журналистами создается метафорический образ некоей силы, которая вовлекает человека, не давая ему сопротивляться.

Таким образом, метафоры, составляющие подфрейм «Характер движения воды», активно функционируют в современном дискурсе печатных средств массовой информации. Продолжая и расширяя концептуальную метафору «движение есть жизнь», метафорические выражения репрезентируют собой динамику развития нашего общества. Прагматический смысл данного подфрейма можно сформулировать следующим образом: развитие нашего общества идет в одном направлении, определенном нормами закона и права. Это

развитие имеет волнообразный характер: оно то протекает очень бурно, иногда даже пытаюсь вырваться за рамки закона, и тогда представляет собой угрозу для общества; то замедляется, но никогда не останавливается в процессе своего изменения, перехода из одного состояния в другое, предположительно более совершенное.

2. 2. 4. Подфрейм «Место движения воды»

2. 2. 4. 1. Слот «Русло реки»

Реки начали течь еще до зарождения жизни на Земле и задолго до появления на ней человека. Углубление, по которому движется водный поток, меняется в течение долгого промежутка времени, незаметно для человеческого глаза и поэтому символизирует собой нечто прочное, устойчивое, постоянное. Ср.: *Информацию можно распространять какую угодно, и ответственности за это почти никакой. Это тоже повод для того, чтобы ввести информационную деятельность в жесткое русло закона* (А. Калита // Век. 2002. №5). *Оппозиция поутихла, и работа съезда вошла в спокойное русло* (И. Осадчий // Правда. 2003. №17). *Речь идет о возвращении наших отношений в нормальное рабочее русло* (Э. Лозанский // ОГ. 2002. №5). *Если бы референдум способствовал прекращению «зачисток», введению в правовое русло ситуации в республике, то он принес бы пользу* (Г. Явлинский // НГ. 2003. 10). *Чтобы достичь цели в реализации отраслевых программ развития, надо обеспечить ее эффективной законодательной базой. Это можно сделать, во-первых, совершенствуя действующие законы, во-вторых, принимая законы новые. Поправки, принятые Госдумой в первом чтении строго уложены именно в это русло* (В. Лебедев // Век. 2001. №11).

Так, тщательно спланированные действия, выработанная линия поведения и другие подобные позитивные явления ассоциативно связаны в сознании носителей языка с концептом *русло*. Это акцентирует следующие идеи: развитие нашего общества должно идти в одном направлении, прочно основанном на нормах закона и права.

2. 2. 4. 2. Слот «Характер дна»

Все разнообразие подводного рельефа, значительно превосходящего формы рельефа наземного, в наивной картине мира представлено глубокими впадинами и горными цепями, опасными для мореплавателей.

- **«Глубины».** Метафорические наименования, входящие в данный слот, акцентируют идеи непомерной глубины, опасности обозначенных явлений. Для этого используются концепты *бездна*, *подводная яма*. Ср.: *отсутствие альтернативы сродни подводной яме* (Р. Хакимов // Век. 2001. №11). *Россия все глубже погружается в бездну мирового рынка, все больше средств «отдает» забугорным фермерам и в результате уже успела потерять свою продовольственную независимость* (Правда. 2003. №37). *Возлюбленная партия власти могла бы провозгласить простую и четкую программу малых дел: вернуть отечественной интеллигенции – врачу, учителю, инженеру - хотя бы прежний статус, не говоря о лучшем. Вытащить из бездны унижения* (А. Гамалов // Консерватор. 2003. №13).

В дискурсе СМИ концепты *бездна* и *подводная яма* используются для обозначения таких действий правительственных структур, которые могут привести (приводят) к крайне нежелательным для нашей страны последствиям: полным неудачам в политической и экономической сферах, разрушению и исчезновению высоких целей в жизни.

- **«Подводные препятствия».** Источником метафорических номинаций становятся концепты *риффы* и *подводные камни*. Ср.: *Результатом стало появление нового привилегированного класса, который состоит из активных людей, не испугавшихся бросить стол и стул в постылой советской конторе ради самостоятельного плавания среди рифов рыночной экономики* (НВ. 2003. №40). *Горбачев упустил шанс филигранно пройти появившиеся на пути его реформ многочисленные подводные рифы* (А. Рар // Век. 2001. №32). *Либо мы победим на предстоящих выборах в Думу, используя «ветер истории», подставив ему правильно сшитые алые паруса. Либо корабль оппозиции сядет на риф, и нынешний его экипаж превратится в печальных Робинзонов* (А. Проханов // Завтра. 2002. №48). *Стало возможным говорить о начале реформы федеральной власти в России. Какие подводные камни могут встретиться на этом пути* (С. Кудряшов // Век. 2000. №40)?

Подобные метафоры используются для представления проблемных ситуаций, возникающих в политической и экономической жизни страны.

2. 2. 4. 3. Слот «Аномальные явления»

Существующая в сознании российских граждан концептуализация мира политики как мира загадочного, странного и непознанного проявляется в активном употреблении концепта *Бермудский треугольник*.

Согласно легендам, в районе Бермудских островов бесследно исчезали корабли, некоторые из них были впоследствии найдены пустыми, без экипажа. Научные исследования не приоткрыли завесу тайны. Уникальность явления, его необъяснимый характер, неизвестность, таящая в себе опасность, – вот те смыслы, которые актуализируются в процессе метафоризации. Ср.: *Прогноз погоды в Бермудском треугольнике. Олигархи и общество. Олигархи и государство (экономика и политика). Олигархи и власть (президент, чиновничество). В этом Бермудском треугольнике бушуют непредсказуемые ветры и неизведанные подводные течения. Чем закончится разразившаяся буря* (А.Пумпянский//НВ.2003.№45)? *«Реформы в Бермудском треугольнике». Планы преобразования теряются внутри порочного круга Кремль – правительство – Федеральное собрание* (А. Колесников // НВ. 2003. №7). *Сегодня страна в «бермудском треугольнике»: неизбежен большой приток мигрантов. Специалисты предупреждают: государственный корабль может в одночасье пойти ко дну* (И. Демина // Век. 2002. №6). *Бермудский четырехугольник. Три власти – исполнительная, законодательная и судебная – теоретически уравнивают друг друга. Но за действиями всех трех властей нужен глаз да глаз* (А. Пумпянский // НВ. 2001. №15).

Интенсификация смыслов может достигаться обыгрыванием буквального значения слова *треугольник*, а также заменой его на *четырёхугольник*: при подобной буквализации очерчиваются границы явлений, имеющих паранормальный характер.

2. 2. 4. 4. Слот «Регулирование движения по воде»

История жизни больших государств так или иначе связана с водой: по воде передвигались путешественники и проходили торговые пути. В основе метафорических выражений слота лежат значимые для человека навигационные концепты: *фарватер, кильватер, шлюзы, барометр, маяк, маршрутные карты, курс, регулирование, проводка судна*.

Самыми частотными являются метафорические выражения, использующие концепт *фарватер* – часть русла, достаточно глубокая и безопасная для прохождения судов. Посредством этого концепта обозначается нахождение в сфере чьего-либо влияния. Ср.: *Втягивание России в фарватер американской агрессии выглядит полной сдачей национальных интересов* (Завтра. 2003. №1). *При Путине Россия окончательно стала в фарватер американского дредноута* (В. Смоленцев // Зав-

тра. 2002. №42). *Следовать в фарватере политики правительства. У нового президента пока старый курс* (Д. Орлов // НВ. 2000. №2-3). *Путин якобы обещал Борису Ельцину двигаться в фарватере обозначенной экономической политики* (М. Франс // Версия. 2002. №26). *В «горячих мировых точках» наши журналисты рискуют оказаться в фарватере чужого информационного потока* (С. Тарасов // Век. 2002. №9).

В остальных словоупотреблениях слота продуманная схема развития страны, ее движения вперед метафорически предстает как организация движения кораблей. Ср.: *Если сегодня политический барометр вполне определенно указывает на отметку «ясно», командному составу корабля под названием «Россия», уверенному в правильности выбранных маршрутных карт, все же стоит еще раз подумать о том, что предпринять, если по пути следования окажутся серьезные рифы* (А. Рябов / Век. 2001. №28). *Президент России ставит задачу снизить уровень бедности в два раза. Подчиненные ему партия и правительство вроде бы дают под козырек. Но без детального знания предмета даже самый благой курс напоминает проводку судна в рифоопасном районе неквалифицированным лоцманом* (И. Бедеров // НГ. 2004. №30). *Постоянная чехарда, смена, замена хороша в хоккее. В политической жизни страны и в административном регулировании она вредит, потому что постоянно меняются маяки, новые лица, переделы, пересмотры, ревизии предыдущих договоренностей и так далее* (Б. Сокальский // НВ. 2002. №45). *В России есть всего лишь один политик и один центр принятия решений, по фамилии Путин. Вспомним еще раз, как нашему взору предстала картина «Открытие иллюзов», когда президент дал сигнал, свидетельствующий о том, что надо травить Грузию* (А. Колесников // Консерватор. 2002. №5).

Итак, большинство метафорических словоупотреблений подфрейма «Место движения воды» образно представляют внешние условия, на фоне которых происходит политическое, экономическое, социальное и культурное развитие страны. Концепты исходной сферы позволяют продуцировать различные образы, как позитивные (*русло закона*), так и негативные (*бездна унижения, рифы рыночной экономика, фарватер чужого мнения*).

Как показал проведенный нами анализ, метафоры с концептуальной сферой-источником «Вода» являются одними из самых востребованных в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг. и используются в основном при описании социально-политических явлений и процессов

в стране. В процессе метафоризации актуализируются в основном общекультурные смыслы концепта *вода*: вода – это источник и символ жизни.

Образованная на базе сферы-источника «Вода» метафорическая модель «Развитие России – это состояние и движение воды» отражает такую модель действительности, где все положительные явления приобретают динамичный характер. Так, формируется основная концептуальная метафора модели «жизнь – это движение воды».

Соотношение подфреймов отражает следующая диаграмма.

2. 3. Фрейм «Стихийные бедствия»

Как заметил С. И. Виноградов, по семантике метафор можно изучать политическую историю страны, по распространенности тех или иных метафорических моделей – составить представление о ситуации, в которой она оказалась [Виноградов 1994: 71]. В дискурсе СМИ 2000 – 2004 гг. нами была выявлена группа метафор с источниковой сферой «Стихийные бедствия» (соотношение слотов и данные о частотности см. Приложение 1 сх. № 20 – 22). Прагматический потенциал большинства метафор данной группы если и не имеет агрессивного характера, то содержит весьма высокую степень тревожности.

За свою историю человечество неоднократно сталкивалось с катастрофами: извержениями вулканов, землетрясениями, наводнениями, цунами, смерчами – неожиданными, губительными событиями. Древнему человеку буйства природы казались загадочными, со скрытым смыслом: многие из них не только потрясали воображение, но и несли смерть всему живому, разрушали города и села. Исходная понятийная сфера знакома нашим гражданам и поэтому достаточно структурирована в их обыденном сознании. Сформировавшиеся в массовом сознании концепты сферы «Стихийные бедствия» легко ложатся в основу политической метафорики для концептуализации и эмотивной оценки понятийных областей политики, экономики, общественных отношений, благодаря чему в дискурсе современных российских средств массовой информации реализуется метафорическая модель «Общественные потрясения – это стихийные бедствия».

Метафоры, созданные на базе сферы «Стихийные бедствия», представляют политические, экономические, финансовые, социальные события в нашей стране как непредсказуемые и разрушительные. Ср.: *В большом «газовом» доме разбушевавшаяся стихия кадровых смещений не щадит ни старого, ни малого* (Т. Камоза // НВ. 2002. №30). *Бюрократия – тоже стихия, с которой поделаться ничего нельзя* (Б. Кагарлицкий // НГ. 2002. № 31). *Политические катаклизмы типа президентских выборов не должны сказываться на нормальном течении ежедневной российской жизни* (В. Шендерович // НГ.2004. №3). *В центре циклона. Распад общероссийского политического пространства приведет к масштабной миграции людей* (Г. Джемаль // Завтра.2003.№21). *Российский олигарх – это такое стихийное явление, вроде огня* (Ю. Латынина // НГ. 2003-04. №97).

Слоты сферы-источника определяются в зависимости от вида стихий: землетрясение, извержение вулкана, лавина, обвал, пожар. Вместе с тем к данной сфере можно было бы отнести такие концепты, как *цунами, тайфун, смерч* и др., отнесенные нами к концептуальным сферам «Вода» и «Ветер».

Состав метафор с концептуальной сферой-источником
«Стихийные бедствия»

Метафоры стихийных бедствий, как правило, развертываются в тексте: начало бедствия – собственно проявление – последствия. Выделяя компоненты сюжета, автор тем самым стремится полностью охватить проблемную ситуацию, проанализировать причины ее появления. Например, стремление понять, объяснить поведение женщин-шахидок заставило А. Политковскую прибегнуть к потенциалу, заложенному в концепте *вулкан*. Ср.: *Преданность и любовь чеченской сестры, а тем более чеченской матери, истовы и не знают границ. Сила чувств такова, что это бушующий в недрах вулкан, когда большинство убеждено, что с исчезновением брата, сына, мужа заканчивается и твоя собственная жизнь. Первый и второй год эти домашние вулканы еще не взрывались – чеченки ждали, что все вот-вот наладится...* Но они почувствовали шанс наконец *выплеснуть свои сильные чувства наружу. Вулкан прорвался горячечной лавой, у которой только те границы, которые она сама себе и*

ставит. Самосуд как единственно эффективный ответ на беспредел... Мечтой женщины стало умереть (А. Политковская // НГ. 2003. №41).

2. 3. 1. Слот «Землетрясение»

О землетрясениях слышали все, даже те, кто живет далеко от опасных областей. Землетрясение – это колебание всего и вся: и самой земли, и всего на ней сущего, – страшное, внезапное и неотвратимое.

Актуальным для дискурса СМИ становится не оценка землетрясений в баллах по силе подземного удара – в наивной картине мира выделяются этапы развития землетрясений, а именно: начало (предшествующие толчки, характерное поведение животных), собственно землетрясение и его результат. Такая система предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий.

Как известно, в источниковой области предшествующие толчки – форшоки – бывают крайне редко, однако в средствах массовой информации метафорические выражения, созданные на базе концептов *подземный гул, глухие подземные толчки, вздрагивать* и др., наиболее частотны и продуктивны. При метафоризации актуализируются смыслы «неявный», «предшествующий чему-то главному». Понятие, получившее метафорическое обозначение, – предвестие социальных потрясений. Ср.: *Земля под этим интриганским мирком начинает вздрагивать. Народ все чаще выходит на улицы – по случаю подорожания жилья, возобновившихся задержек заработных плат, отключений тепла и света* (С. Шелин // НВ. 2002. №16). *Что-то в стране произошло, происходит или вот-вот должно произойти, что заставляет политических маргиналов начать шевелиться. Пошло копошение, роение, тихое жужжание. Тихий гул как предвестник землетрясения* (Р. Арифджанов // Версия. 2002. №15). *Я почувствовал, как повисла в воздухе какая-то неопределенность, угроза, и жить стало неудобно. Я – человек, чувствительный к внешним изменениям. Эту угрозу, эти подземные гулы я чувствовал раньше других* (Б. Березовский // Консерватор. 2002. № 7). *Общество потрясали поначалу глухие, а потом все более отчетливые подземные толчки— политические скандалы* (А. Грачев // НГ. 2001. №8). *Абрамович – более дальновидный. Он – как кошка, которая выпрыгивает из дома еще до землетрясения* (Ю. Латынина// НГ. 2003. №73).

Для описания второго этапа, собственно развития событий, используются такие концепты исходной сферы: *землетрясение, трясет, эпицентр*, а также новообразование *социотрясение*. Денотаты метафорических выражений этой

группы – непредсказуемые действия видных политиков и финансистов. Метафоризация происходит на основе общности следующих смыслов: «быстроты протекания» и «непредсказуемости, разрушительности». Ср.: *Землетрясение объявлено, молитесь! Уход в отставку главы Центробанка Виктора Геращенко был сравнен с землетрясением... Землетрясение объявлено. Остается только молиться, чтобы последствия не были такими разрушительными, как в 1998 году* (С. Обухов // *Континент*. 2002. № 12). *Страшные обвинения, которые в Западной Европе вызвали бы самое настоящее политическое землетрясение, в России не вызывают даже серьезной дискуссии* (Б. Кагарлицкий // *НГ*. 2002. № 3). *Волошин в эпицентре страстей: реальных успехов больше, чем очевидных провалов, хотя о первых на ближайшее время придется, по-видимому, забыть: пока «трясет» - не до работы* (Л. Айдинова // *Век*. 2001. № 47). *Интересной жизнью бывший президент СССР Михаил Горбачев. То и дело он оказывается в эпицентре «общественных потрясений»* (С. Тарасов // *Век*. 2001. № 17).

Политические разочарования, свержение старых идеалов получило в дискурсе СМИ определение *социотрясения*. Ср.: *Советская власть стояла на прочном основании и до поры до времени реализовывала идеалы многих людей. Поэтому долго и продержалась – целых 70 лет. Почему она так быстро пала – эту загадку еще предстоит разгадать. Впрочем, в масштабах истории человечества само по себе «социотрясение» – нормальный общественный процесс. Он случается сплошь и рядом. Нас же застал врасплох* (Б. Грушин // *Век*. 2001. № 27). *Первое исследование зафиксировало изменение в восприятии власти уже после первого, «шокового» периода. То, что Борис Грушин любит называть «социотрясением», уже случилось* (Е. Шестопап // *Век*. 2001. № 8).

Следствием землетрясений выступают *тектонические сдвиги, разломы* – нарушения сплошности горных пород в результате движений земной коры. Характеризуя смещение, разрушение старого и становление нового государства, данный концепт приобретает позитивную окраску. Ср.: *На наших глазах идет уникальный исторический процесс: ломаются все структуры общества, происходит тектонический сдвиг и возникает новый тип цивилизации. Такой момент случается раз в тысячу лет, и для исследователя, для социального мыслителя огромное везение наблюдать за ним* (Б. Грушин // *Век*. 2001. № 27). *Будучи по определению всего лишь чиновником выше среднего уровня, которого сама История с её внезапными тектоническими разломами и кадровыми провалами сделала политиком, а затем назначила президентом, Путин должен решить следующую задачу: соответствовать самому себе, главе государства* (А. Колесников // *НВ*. 2002. № 12). *Сейчас на планете чувствуются такие подвижки в кол-*

лективном мусульманском сознании, что они сродни *сдвигам земной коры в ходе землетрясения и третья мировая война вовсе не кажется далекой* (А. Полтковская//НГ.2004. №50).

Итак, метафоры слота «Землетрясение» формируют у читателей следующие прагматические смыслы: необдуманные действия властей ведут к росту социального недовольства, способному в любой момент вырваться из-под контроля, однако даже при самых серьезных событиях результат может быть вполне положительным.

2. 3. 2. Слот «Извержение вулкана»

Слот представлен метафорическими словоупотреблениями, которые соотносят современную политическую ситуацию в стране с деятельностью вулкана: *просыпающийся вулкан, мощный выплеск, лава, горячий пепел, огнедышащее жерло* и др.

Вулкан – коническая гора с кратером на вершине, через который из недр земли время от времени извергается огонь, лава, пепел, горячие газы, пары воды и обломки горных пород. Понятия, получившие метафорические обозначения в сфере-притяжении «Политика», – народное возмущение, мощное проявление недовольства, террор или преступность. Ср.: *Все силы были брошены на то, чтобы приуменьшить, «прикрыть» мощный выплеск просыпающегося русского вулкана* (А. Ефремов // Завтра. 2002. № 46). *Любители пожарить свою личную яичницу на политическом вулкане в России – везде* (Ю. Латынина // НГ. 2002. № 34). *Преступность изливается в русскую жизнь, как лава из вулкана. Тушат лаву, достигшую подножия, остужают горячий пепел. Но никто не трогает огнедышащего жерла, где хлюпает раскаленными пузырями неутомимая матка преступлений. Геологическое зло. Неиссякаемый источник русской беды* (А. Проханов // Завтра. 2002. № 49).

В процессе метафоризации актуализируются несколько смысловых компонентов: опасность, мощная, сокрушительная сила. Ср.: *Встрепенулась, вздрогнула, стронулась с места пятидесятипятнадцатичеловеческая лава – и, движимая предчувствием, ворвалась в купе... Примирившись с судьбой, человеческая лава тихо-тихо начинает терять температуру кипения, успокаивается, затихает* (Г. Харабадзе // НГ. 2004. №10).

Метафорическое представление политической, социальной ситуации в стране как извержение вулкана моделирует образ агрессивной и опасной действительности: народное недовольство и разгул преступности достигли таких размеров, что их невозможно остановить, они разрушат и сметут все на своем

пути. Прагматические смыслы, формируемые у читателя, способны вызвать негативное эмоциональное воздействие на адресата провоцированием и/или поддержанием в нем состояния тревоги и опасности.

2. 3. 3. Слот «Лавина, обвал»

Источниками метафорической экспансии являются такие концепты исходной сферы, как *лавина, снежная лавина, лавинообразный, обвал, ледовый обвал, обрушиться*.

Концепт *лавина* – масса земли, камней, льда и снега, низвергающаяся с горных склонов при любом нарушении устойчивости поверхностных покровов, – в дискурсе СМИ обозначает нечто стремительно надвигающееся, обладающее разрушительной силой, ведущее к неприятным, опасным последствиям. Ср.: *Кому выгодна приватизация по принципу «чем хуже, тем лучше»? Конечно, не работникам и не местной власти, которой на голову обрушится лавина социальных страстей – голодовки, забастовки и другие бедствия* (А. Азимов // РГ. 2002. №114). *Почти год идет лавинообразный поток банкротств* (С. Семенов // Россия. 2002. №44). *Если игроков на финансовом поле охватит паника, тогда финансовый кризис может углубиться и приобрести лавинообразный характер* (С. Глазьев // Век. 2001. №32).

Концепт *обвал* – снежные глыбы или обломки скал, обрушившиеся с гор, – в дискурсе СМИ имеет значение резкого и быстрого ухудшения положения с чем-либо, углубление кризиса, обычно в угрожающих масштабах. Ср.: *Идея обвала национальной валюты вновь овладевает массами* (Дм. Орлов // НВ.2001. №10). *Вероятность лавинообразного обвала меньше* (М. Делягин // Век. 2001. № 32). *Никакого массового разорения не будет. Я не предвижу никакого обвала* (Е. Ясин // НВ. 2002. №11). *Это еще дефолтом не было. Это было только первым камешком той лавины, которая изменит весь ландшафт* (В. Дубнов // НВ. 2000. №25). *Обвал. Как закончить войну в Чечне* (В. Дубнов // НВ. 2000. №16).

Денотативной сферой применения метафорических выражений этого слота является чаще всего сфера экономики, финансов, реже – нравственные отношения в обществе. Как правило, характеристика названных денотатов происходит в соответствии со сценарием поведения самой стихии. Если финансовый кризис, банкротство, разорение метафорически предстают как *обвал, лавина*, то причинами их возникновения, своеобразным *первым камешком* или *двумя ка-*

мешками, которые я успел столкнуть, являются ваучеризация, приватизация, паника, скоропалительные, необдуманые решения. Ср.: *Ваучеризация и была тем камнем, с которого началась снежная лавина, раздавившая многих. Из-под обломков выползают хромые, больные, пуганые, надломленные духовно. И начинают заново строить вертикаль власти* (Т. Санина // Россия. 2002. №35). *Не важно, что послужило первым толчком. Главное, что лавина пошла и сразу же вышла из-под контроля* (С. Шелин // НВ.2001. №11).

Журналисты часто указывают на необратимость подобных негативных процессов. Ср.: *У власти как будто появился новый аттракцион под названием «Убей НТВ». Первая попытка была предпринята в 2001 году – собственно тогда и был нанесен смертельный удар, все остальное можно назвать добиванием. После того «удара» НТВ так и не оправилось. Хотя удачные проекты и открытия, безусловно, были. Взять те же закрытые «Намедни», «Свободу слова». Но катящийся с горы камень может либо остановиться, либо катиться дальше вниз. Вверх он не покатится никогда – законы физики* (Н. Прусенкова // НГ. 2004. №50).

Итак, в метафорических выражениях слота «Лавина, обвал» актуализируются смыслы «стремительности», «непредсказуемости», «опасности».

2. 3. 4. Слот «Пожар»

Источниками метафоризации явились концепты *разжечь, раздуть, задымиться, пламя, огонь, тлеть, гореть* и др.

В основе концепта *пожар* – сильное пламя, охватывающее и уничтожающее все, что может гореть, создающее опасность для жизни людей, – лежит акцентирование вектора тревожности, опасности, непредсказуемых сокрушительных последствий. Ср.: *Спор задымился, заслонив главное – в чем интерес России и как избежать ошибок в отношениях с США* (А. Богатуров // Век. 2001. №37). *Владимир Путин отметил: “Варварскому стремлению разжечь конфликт цивилизаций и религий мы должны противопоставить духовность и терпимость* (Век // 2001. №49). *Усилиями лишь двух-трех газет, суммарный тираж которых невелик, и одной радиостанции информационное пламя не раздуть* (В. Соловей // Век. 2001. №49). *Потуги раздуть пламя конфликта оказались малоуспешными* (В.Соловей//Век.2001. №50). *В просвещенных кругах общества чадно тлеет скандал по поводу очередного шабаша субъектов, которых повелось у нас именовать ультраправыми* (М. Глобачев // НВ. 2003. №6).

Метафоры слота используются в основном для характеристики бурного проявления чего-либо: революции, спора, конфликта, скандала и др., – протекающего с сокрушительной силой. Ср.: *Пламя революционных бурь может заполнить везде, где есть интерес больших денег* (А. Абашидзе // Версия. 2003. №46).

Фоновые знания, формируемые происходящими в стране событиями, трагедиями, становятся основными в восприятии концепта и требуют развертывания метафоры в тексте. Ср.: *Почему мы не верим, что страна тлеет, как торфяник? Почему мы убеждены, что все само собой устроится? Почему, явственно видя разделение России на выродившуюся элиту и обреченное, всех прав лишённое большинство, мы вспоминаем о катастрофичности происходящего, только когда этот потаенной огонь вырывается наружу? Ведь уже не тлеет. Уже – горит* (А. Гамалов // Консерватор. 2002. №13).

Итак, большинство метафорических словоупотреблений модели «Общественные потрясения – это стихийные бедствия», характеризуя политическую, социальную, экономическую, финансовую сферы, несут явно выраженные негативные прагматические смыслы. Они создают образ опасной непредсказуемой действительности. В такой стране трудно выжить и противостоять происходящим процессам практически невозможно.

Соотношение слотов представлено на диаграмме.

Если сказать, что в обыденном сознании человека заложено некое соотношение с нормой (норма – это покой, равновесие в природе и обществе), то сти-

хийные бедствия нарушают всякие стандарты и нормы. Поэтому рассмотренные метафорические выражения оказывают негативное эмоциональное воздействие на адресата. Они развивают и поддерживают в нем состояния тревоги и опасности.

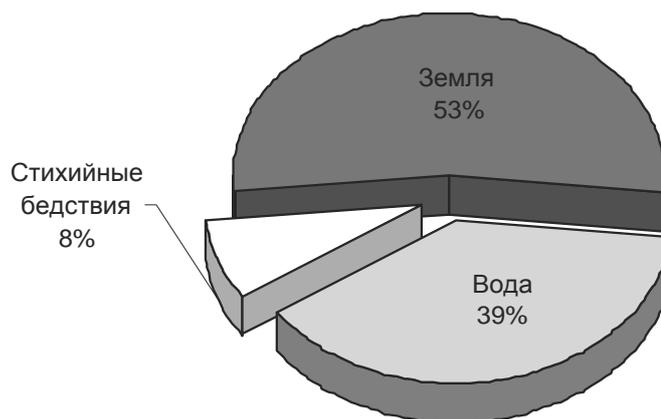
Произошедшая подмена действительности ее моделью приводит адресата к следующему выводу: перемены в жизни общества, как и природные катаклизмы, необратимы, опасны и сокрушительны. Однако из этого вывода «высвечиваются» коммуникативно разные пути поведения: первый путь – несопротивления, подчиненности; второй путь – участникам политической коммуникации необходимо развить в себе инстинкт самосохранения и стремиться к выживанию.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В настоящей главе автор стремился детально охарактеризовать фреймово-слотовую систему метафор, образованных на базе концептуальной сферы «Земной шар»; выявить максимум используемых концептов с той целью, чтобы наиболее полно представить сферу-источник метафорической экспансии.

1. Рассмотренный материал свидетельствует о том, что в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг. активно функционируют метафоры с концептуальной сферой-источником «Земной шар», в составе которой выделяются следующие фреймы: «Земля», «Вода», «Стихийные бедствия».

2. Наиболее частотными являются метафоры с концептуальной сферой-источником «Земля» (53%), второе место по частотности занимают метафоры со сферой «Вода» (39%) на третьем месте находятся метафоры стихийных бедствий (8%). Соотношение составляющих концептуальной сферы-источника «ЗЕМНОЙ ШАР» отражает следующая диаграмма.

Подобное соотношение свидетельствует об особой значимости и близости русскому человеку концептов сфер-источников «Земля» и «Вода».

3. При сопоставлении фреймов орографической метафоры выясняется, что наиболее продуктивен подфрейм «Формы рельефа», который соотносит особенности русской национальной жизни с ключевой оппозицией *вершина – пропасть*, представляющей причудливую «географию русской души», склонность русского человека к крайностям. Специфику национальной российской жизни отражает функционирующая в дискурсе СМИ метафорическая модель «Особенности русской национальной жизни – это особенности рельефа». Особую значимость приобретает также концепт *путь/дорога*. Метафоры с концептуальной сферой-источником «Земля» создают следующие прагматические смыслы: в развитии России есть периоды расцвета и упадка, однако, несмотря на трудности, наша страна должна выбрать свой, собственный путь развития и двигаться вперед, ибо только в движении есть развитие.

4. Среди гидронимных метафор к числу наиболее частотных относятся метафоры, входящие в подфрейм «Водные пространства». Доминантные метафоры *болото* и *поток* актуализируют оценочное противопоставление стоячей и текучей воды. Если концепт *текущая вода* символизирует собой значимость, непрерывное движение, устремленность вдаль, силу и трудолюбие, то концепт *стоячая вода* номинирует нечто лишённое прогрессивного движения. Так, идеи развития нашей страны связываются только с необходимостью стремления вперед, и в дискурсе современных российских СМИ актуальной

становится метафорическая модель «Развитие России – это состояние и движение воды».

5. Прагматический потенциал метафор стихийных бедствий содержит весьма высокую степень тревожности: метафорические выражения создают образ опасной, непредсказуемой действительности. В такой стране трудно выжить и противостоять происходящим процессам практически невозможно. Однако относительно небольшой численный показатель модели в целом не создает негативного образа российской действительности.

6. Наш анализ подтверждает такие свойства метафорических моделей, как иерархическое устройство, полевою организацию и диффузность, пересекаемость, синкретичность метафорических моделей. Например, метафоры с концептуальной сферой-источником «Стихийные бедствия» соотносятся с концептуальными сферами «Земля», «Вода», «Сильный ветер».

7. Главным свойством модели и, следовательно, характеризуемой денотативной области является подвижность, подверженность изменениям и развитию. По свидетельству авторов словаря «Русская политическая метафора», в годы перестройки в политике бушевали в основном стихии огня, земли и воздуха. В постперестроечное время, отмечает Ю. Б. Феденева, «политическое пространство заливают вода» [Феденева 1999: 336]. В начале XXI века мы можем говорить о том, что в общественном сознании главное место отводится метафорам земли: Россия как *земля* требует бережного к себе отношения, работы на благо общества. Некоторые метафоры сферы-источника «Земной шар» на современном этапе оказываются невостребованными или маловостребованными. Так, неактуальными становятся метафоры с источниковой сферой «Стихийные бедствия», продуктивные в периоды бурных общественно-политических потрясений, революций. Также русский этнос постепенно утрачивает культурные традиции, связанные с культом огня (об этом свидетельствует смена эмотивной окраски концепта *огонь*).

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СФЕРА «АТМОСФЕРА» КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ 2000 – 2004 гг.

В соответствии с общими принципами категоризации концептуальной области «Неживая природа», рассмотренными в первой главе, в составе концептуальной сферы «Атмосфера» выделяются следующие фреймы: «Метеоусловия», «Климат и погода», «Газовая оболочка Земли», «Времена года» (соотношение фреймов и данные о частотности см. Приложение 1 сх. № 23 – 30).

Анализируя в своей работе конкретный языковой материал (газетные тексты 2000 – 2004 гг.), мы убедились в следующем: слова, обозначающие погодные явления, занимают достаточно большое место в языке российских политиков и журналистов, благодаря чему актуализируется метафорическая модель «Состояние российского общества – это состояние атмосферы».

В основе метафорической модели лежит представление о том, что процессы, происходящие в жизни нашего общества, подобны природным: они имеют определяющее значение, однако так же непостоянны и плохо прогнозируемы. Ср.: *Атмосфера – ключевая вещь в России* (Т. Щербина // НВ. 2002. №26). *Климат – вещь изменчивая и непредсказуемая, особенно инвестиционный. Он зависит от массы нюансов, но в России на финансовую погоду влияют в первую очередь госчиновники* (И. Гордиенко // НГ. 2003. №83). *Политический климат изменчив* (А. Водолазов // НВ. 2001. №49). *Отечественные бизнесмены привыкли к постоянным колебаниям родного инвестиционного климата и даже научились использовать их в собственных интересах* (А. Полухин // НГ. 2003. №83). *Ничто не вечно под луной, и в политике ветры переменчивы* (С. Красных // Версия. 2003. №46).

Когнитивный сценарий модели можно описать следующим образом. Люди живут на дне охватывающего нашу планету воздушного океана. Атмосфера – это то, без чего они не смогли бы существовать. Изменения в атмосфере влияют на хозяйственную деятельность людей, их здоровье и настроение, а иногда даже на ход исторических событий. Потоки энергии в атмосфере, температура, ско-

рость и направление ветра, осадки и их интенсивность постоянно меняются. На нашей планете нет стихии более подвижной и разнообразной, чем воздушный океан: сегодня люди изнывают от жары, а завтра – мокнут под дождем; горизонт затягивается облаками, сгущаются тучи, раздаются громовые раскаты, сверкает молния, налетает ветер, достигающий иной раз силы урагана, а затем все стихает, и в природе устанавливается удивительный покой. Однако, несмотря на изменчивость, едва ли не самую свою характерную черту, погода подчиняется строгим закономерностям (периодическая смена сезонов, месяцев, дня и ночи) и поддается прогнозу и измерению.

Следовательно, исходная концептуальная сфера «Атмосфера» в обыденном сознании носителей языка имеет свою структуру, сформировавшиеся концепты и образы, что позволяет осуществлять в дискурсе СМИ перенесение различных характеристик и признаков погоды (мир неживой природы) на современную жизнь российского общества (мир людей).

Проведенный нами анализ метеорологических метафор в дискурсе СМИ показал, что в результате процессов метафоризации сферы «Политика», «Экономика», «Общественные отношения» попадают в зону когнитивной экспансии исходной концептуальной сферы «Атмосфера» и организуются в последовательную фреймово-слотовую структуру, в основном повторяющую организацию исходной сферы. Происходит перенос содержания источниковых фреймов и слотов в соответствующие фреймы и слоты сферы-магнита метафорической экспансии, в результате чего дискурс СМИ, используя характеристики погоды, метафорически представляет ситуацию в стране как изменчивую, непостоянную, плохо прогнозируемую, но в то же время динамично и циклично развивающуюся. Так, по данным центральных и региональных средств массовой информации, в настоящее время в России, с одной стороны, *царит (создается, развивается, стабилизируется) атмосфера политическая, экономическая, нравственная и правовая, атмосфера доверия, атмосфера народной любви, благоприятная атмосфера, атмосфера процветания*, а с другой стороны,

страну стала заполнять атмосфера смутных предчувствий, тревоги и спазматической активности, атмосфера напряженного ожидания, апатичная атмосфера, атмосфера кадрового застоя, общая жульническая атмосфера нашей экономики, кроме того, атмосфера некоторых властных структур отдает застойным смрадом партхозактивов брежневских времен.

Политический, инвестиционный и деловой климат нашей страны оценивается как *изменчивый*, но одновременно и как *нормальный, один из самых благоприятных, необычайно благоприятный*. Способствуют этому деятели политики и экономики, которые «делают погоду» в стране. Часто они «сгущают серые тучи» проблем, сами при этом «витают в розовых облаках». А над страной идет «золотой дождь» «черных денег»; раздаются «раскаты финансового грома», дополняющиеся «вспышками политических молний»; дует «свежий ветер перемен», который помогает В. Путину вести «корабль президентства без видимых потерь»; иногда ветер усиливается до бури «в стакане воды», урагана, тайфуна, смерча.

В результате особую значимость приобретает прогноз погоды, а также измерительные приборы и средства защиты от непогоды. Например, нежелание правительства заниматься серьезной социальной, экономической и культурной политикой влечет за собой необходимость подыскивать *один громоотвод за другим*. В качестве громоотвода, некоего средства защиты от недовольства и критики, нередко используется Чеченская республика. Прогноз возможных социальных волнений, политических событий, экономических спадов позволяет провести предварительный анализ возможных проблемных ситуаций и выбрать наиболее оптимальный путь их разрешения.

Система метафор с концептуальной сферой-источником «Атмосфера»

3. 1. Фрейм «Газовая оболочка Земли»

Проведенный нами анализ выявил доминантную метафору *атмосфера*, отражающую специфику современного политического этапа (данные о частотности см. Приложение 1 сх. 25). Выбор данной метафоры в качестве основной определяется как исходной концептуальной сферой (определяет состояние погоды), так и сферой метафорического притяжения (отражает наиболее значимые ценностные установки). Ср.: *За эти два года в несколько раз больше принято нужных законов, которые отчасти создали уже правовую атмосферу* (М. С. Горбачев // НГ. 2002. №36). *Ответственность за нравственную атмосферу в стране несет власть* (НГ. 2002. №41). *Путин остается на редкость одиноким в атмосфере народной любви* (С. Шелин // НВ. 2001. №15). *Личность влюбленного в политическую интригу Ельцина, который обожал внезапные перетряски своего окружения и непрерывно ставил кадровые эксперименты, не позволяла сформироваться или, по крайней мере, загустеть атмосфере кадрового застоя* (А. Богатуров // Век. 2001. №9). *Местечковое неграмотное законотворчество порождает на практике беззаконие. И как следствие – преступность и коррупцию. Чиновник-мздоимец вольготно чувствует себя в «разреженной» правовой атмосфере* (П. Латышев // Век. 2000. №46).

Как видно, денотативная зона использования наиболее значимого метафорического выражения *атмосфера* - правовые и этические отношения в обществе, кадровая политика. Ср.: *«Атмосфера – ключевая вещь в России, от нее зависит, куда большое географическое тело направится в каждый данный период. Регулируют обстановку в нашей стране не законы – атмосфера. В этом году даже на видимость соблюдения законов плюнули: не нужно и непонятно народу крючкотворство и очковтирательство. Он из воздуха кожей считывает, что можно, что нельзя»* (Т. Щербина // НВ. 2002. №35).

Газовый состав атмосферы в дискурсе СМИ сворачивается к одному основному свойству – ее гомогенной или гетерогенной природе. Однородность, цельность почти всегда воспринимается положительно (*атмосфера процветания, предсказуемости, народной любви, безобидная, легкая, светлая* и др.); разнородность, смесь оценивается только отрицательно (*атмосфера недоверия и подозрительности, кондовая атмосфера 20 – 50 летней давности*). Ср.: *Россия по-прежнему страна открытая, включенная в систему сообщающихся сосудов. И раздражающая атмосфера – это помесь атмосферы всемирной с вернувшимся советским душком, который вновь приобрел благовонный статус* (Т. Щербина // НВ. 2002. №35).

Атмосфера генерального совета ФНПР, состоявшегося недавно в Москве, безо всякой натяжки отдавала застойным смрадом партхозактивов брежневских времен (А. Водолазов // НВ.2000. №13).

В отличие от концептуальной сферы-источника, где атмосфера является изначально заданной самой природой, в сфере-магните атмосфера имеет рукотворный характер. Вследствие воздействия на нее человека она приобретает способность видоизменяться и развиваться: *наша главная цель – развить атмосферу доверия, кто поможет создать здесь атмосферу процветания, отчасти создали уже правовую атмосферу, была создана непринужденная и очень открытая атмосфера, нужно организовать атмосферу безопасности и уюта, кое-какие атмосферные сдвиги налицо, экономическая атмосфера стабилизировалась* и т.д.

В дискурсе СМИ не меньшую значимость имеет концепт *воздух*. Ассоциативное восприятие свободы в качестве *воздуха* объясняется «генетической памятью» подсознания, в которой воздух является «сферой божественного дыхания, символом одухотворенности» [Жюльен 2000: 56]. Ср.: *В серебряные годы перестройки демократическая печать начала дышать животворящим воздухом свободы, активно расчищала выгребные ямы прежнего режима* (А. Яковлев // НВ. 2000. №15). *Воздух свободы пьянит* только с непривычки, потом он *дает возможность, расправив спину, дышать полной грудью*. Те, кто уже привык так дышать, едва ли согласятся перейти на кислородные подушки, которыми *хотят заменить воздух свободы* нынешние кремлевские лекари (А. Постников // НВ. 2004. №5). *Очарованные плодами Запада и жадно желающие ими овладеть, наши скифские правители с высокомерным презрением отвергают корни западной цивилизации, ее воздух, ненавистный им воздух Свободы и Человеческого Достоинства* (А. Пионтковский // НГ. 2004. №23). *Я перестала смотреть НТВ. Ощущение неуверенности, спертости воздуха, глухого страха перед будущим сегодня значительно ярче, чем год назад. Воздуха на канале не осталось, поэтому смотреть канал тяжело* (И. Лесневская // НВ. 2001. №7).

Однако при метафорическом употреблении устойчивых сочетаний концепта *воздух* актуализируются периферийные смыслы: нечто неопределенное, пустое, бесплотное и потому не вызывающее доверия. Ср.: *Русское экономическое чудо имеет скорее газообразную, нежели твердую, форму и в любой момент может раствориться в воздухе* – как будто его и не было (А. Колесников // Век. 2000. №7). *Не целесообразно ли разработать проект закона, ограничивающего весьма доходный, но слишком доро-*

го обходящийся стране «пиаровский» бизнес, который не только **превращает в «воздух»** огромные финансы, но и наносит прямой ущерб авторитету властей (С. В. Ананский // КП. 2002. №187). *Российскому руководству следует уяснить: за разговорами о том, что Россия принимается в так называемый цивилизованный мир, скрывается элементарная процедура **растворения наших интересов в воздухе**, уничтожения потенциальной возможности России защищать свою экономику, свое пространство и свой народ* (С. Бабурин // Континент. 2003. №3).

Отсутствие жизни, пустота в духовной, интеллектуальной, правовой, политической и других областях метафорически характеризуется концептом «вакуум» (от лат. *vacuum* – *пустота*) – состояние газа при давлениях значительно ниже атмосферного, нередко его относят к газу, находящемуся в свободном пространстве [Рудин 1971: 240]. Ср.: *Вакуум власти или мирный процесс? Менеджмент мира* (Б. Кагарлицкий // НГ. 2002. №40). *Перераспределение вакуума. Судя по фокус-группам, можно прогнозировать увеличение числа сторонников СПС и «Яблока». Это эффект политического вакуума* (С. Белановский // Консерватор. 2002. №13). *Сейчас в нашей стране существует некий **идеологический вакуум**, который не заполняет и современная литература* (Л. Столяренко // НГ. 2002. №46). *Идейный и политический вакуум стал главной проблемой для Петербурга* (С. Шелин // НВ.2003. №39). *Мешает делу **информационный вакуум*** (И. Иванов // Россия. 2003. №15). *Работать приходится со ссылкой на странности правового вакуума* (ТК «Россия». Вести. 24. 05. 2004).

Можно сказать, что значимость метафорических концептов *атмосфера* и *воздух* развивается и поддерживается контекстуальным противопоставлением «воздух – вакуум», благодаря чему в дискурсе СМИ возникает бинарная оппозиция «свобода – несвобода», актуализирующая ценностные ориентации современного русского общественного сознания.

Таким образом, нормы морали и права, отношения свободы, репрезентированные концептами *атмосфера* и *воздух*, по данным СМИ, являются главенствующими, определяющими все остальные стороны жизни, а также устанавливающими взаимоотношения между людьми и между людьми и властью. Прагматический смысл, формируемый у адресата, состоит в следующем: возможность проявления субъектом своей воли, отсутствие ограничений свободы совести, свободы личности, свободы слова могут изменить наше общество к лучшему. Положительная нагруженность большинства метафорических

словоупотреблений, образованных на базе сферы-источника «Газовая оболочка Земли», проистекает из представлений наивной картины мира: воздух (атмосфера) – это дыхательная среда человека, то, без чего он не сможет жить.

3. 2. Фрейм «Климат и погода»

При анализе мы выделили три слота: первый включает общие климатические и погодные наименования, второй – прогноз погоды, третий – средства защиты от непогоды (соотношение слотов и данные о частотности см. Приложение 1 сх. № 26 – 27).

3. 2. 1. Слот «Основные характеристики»

В метафорических словоупотреблениях данного подфрейма используются такие концепты исходной сферы, как *климат, изменение климата, микроклимат; погода, хорошая погода, плохая погода, непогода; сезон, мертвый сезон; потепление, глобальное потепление, оттепель; мороз, заморозки, замораживать, мерзлота, холод, точка замерзания.*

Наиболее частотным и значимым в дискурсе СМИ является концепт *климат* – «совокупность погодных условий, действующих в течение длительного периода времени» [Оксфордская... 2000: 143]. Ср.: *Инвестиционный климат улучшает жизнь, а не законы* (Г. Боос // Век. 2000. №44). *Реформаторские инициативы нашли поддержку со стороны деловых кругов России и значительной части либерально-западнически ориентированной публики, то есть тех слоев общества, которые реально определяют политический климат в России* (А. Рябов // Век. 2001. №28). *Хочется отметить определенные улучшения инвестиционного климата. Я уверен: рост благосостояния конкретного гражданина прямо пропорционален степени свободы общества* (В. Лейбман // Консерватор. 2002. №16). *Не зря в президентском Послании климат упомянут не «инвестиционный», а «деловой». Что если здесь не только языковая, но и смысловая разница? Ведь «деловой климат» могут истолковать как создание тепличных условий для тех, кто уже «в деле». И вовсе не обязательно он благоприятен для тех, кто только собрался свалиться на нашу экономическую почву* (Н. Иванов // Век. 2001. № 20).

По данным печатных средств массовой информации, в настоящее время в России создается, формируется климат *инвестиционный, политический, деловой, общественный, хозяйственного расцвета* и др. Следовательно, денотатив-

ная зона, номинированная концептом *климат*, – это общественно-политическая, экономическая, финансово-кредитная и нормативно-законодательная среда. Осознание значимости представленных сфер приводит к их выдвиганию в качестве приоритетных направлений работы правительства. Ср.: *Формирование благоприятного делового климата – основа процветания России* (И. Горбулина // Век. 2001. №41). *Первая задача – создать благоприятный климат для привлечения в Россию толковых голов* (А. Черненко // Век. 2002. №9). *Роль государства меняется: теперь она в том, чтобы создать благоприятный инвестиционный климат* (Р. Хакимов // Век. 2001. №11). *Приходится заботиться о том, чтобы создать в регионе нормальный климат для бизнесменов, чтобы капиталы не разбежались из края, а приходили в него* (В. Ахмедзянов // НГ. 2002. №46).

В дискурсе СМИ наиболее активно функционирует метафорическое выражение *инвестиционный климат*, под которым, прежде всего, понимается платежеспособный спрос и наличие деловой среды. Ср.: *Хороший инвестиционный климат – необходимое условие для успешного развития. А, может быть, и достаточное – смотря что под ним понимать* (Э. Бернштейн // НВ. 2000. №27). *Инвестиции живут только в особом климате – инвестиционном. Другое его название – платежеспособный спрос* (Э. Бернштейн // НВ. 2000. №1).

Неодинаковые инвестиционные возможности регионов актуализируют использование в дискурсе СМИ классификации климатических поясов: *Инвестиционный климат: три пояса. В России есть свои Полинезия, Средиземноморье и Скандинавия. Совсем как в человеческом обществе: Север сковывает, Юг расслабляет, Средиземноморье стимулирует* - здесь и расцвела человеческая цивилизация (Э. Бернштейн // НВ. 2000. №27).

Кроме того, можно утверждать, что *инвестиционный климат* – это комплекс, важнейшими составляющими элементами которого являются налоговая система, законодательство, политическая стабильность, уровень криминализации. Такое понимание метафорического концепта отражено в средствах массовой информации: *грамотная работа правительства со своими долговыми обязательствами, умение превращать долги в инвестиции, брать займы и распределять полученные средства между отраслями ради получения такой прибыли, чтобы и долги вернуть, и реальный сектор поддержать* (Г. Чаплыгина // Век. 2001. №39); *умеренное налогообложение, эффективная судебная защита контрактов и собственности, отсутствие госрэкета и криминала в хозяйственной сфере и многое другое, вплоть до крайне желательной вменяе-*

мости вождя нации (Н. Кириченко // НВ. 2003. №4); *практика применения законов, стабильность политической системы, Центрального банка* (Г. Боос // Век. 2000. №44).

Подобной активизацией сети ассоциативно-образных представлений ментальной сферы-магнита убедительно иллюстрируются такие структурные характеристики метафоры, как насыщенность и широта охвата.

Общая экономическая и политическая ситуация, представленная метафорическим концептом *климат*, чаще всего оценивается как *нормальная, благоприятная, самая благоприятная, чрезвычайно благоприятная, необычайно благоприятная* и реже – как *менее благоприятная, неблагоприятная, дурная, скверная*.

Как показал проведенный нами анализ, метафорические концепты *климат* и *погода* в дискурсе СМИ коррелируют на уровне гипо-гиперонимических отношений в соответствии с реальным содержанием исходной понятийной области. При этом дифференцируется эмотивное содержание данных концептов. Если в метафорических словоупотреблениях концепта *климат* актуализируются ассоциативные признаки типичности и относительной устойчивости, то изменчивость, «сиюминутное настроение» ментальной сферы-магнита «политика» репрезентирует концепт *погода* – «состояние атмосферы в данном месте за ограниченный промежуток времени» [Оксфордская... 2000, 234]. Ср.: *Объявлять себя автором национальной идеи – все равно что объявлять себя автором погоды* (А. Минкин // НГ. 2003 .№79). *Подготовка к выборам будет вызывать основные колебания политической погоды на российских просторах. Однако погоду определяет климат, зависящий от куда более мощных и долговременно действующих факторов* (Завтра. 2002. №27). *Дурной климат при хорошей погоде. Инвестиционную погоду сделать хорошей несложно, как разогнать облака в праздничный день. А вот для изменения инвестиционного климата требуются даже не годы – поколения* (Э. Бернштейн // ОГ. 2002. №10).

Властные структуры, политические лидеры, определяющие пути развития событий, а также обстановка в стране часто метафорически соотносятся с *погодой* и *плохой погодой*. Ср.: *Старики и старушки не делают политической погоды* (М. Виноградов // Россия. 2003. №16-17). *Любую «погоду» делают политики. Они могут создать нормальную, хорошую жизнь, а могут – такую, как в Чечне* (А. Кадыров // Век. 2001. №22). *Говорить о смене власти можно не более чем об изменении климата. Власть – как плохая погода: можно ругать сколько угодно, но от нас она совершенно не зави-*

сит. Не нравится климат или правительство – уезжай в другую страну (Б. Кагарлицкий // НГ. 2002. №31). *Главное – спорить и убеждать друг друга. И народ. Обзывать и стрелять друг в друга – вот чего не надо делать. Вот тогда будет – «погода в доме», как поется* (Ю. Василюкас // НВ. 2001. №4). *В последние дни политики и эксперты вновь стали говорить о возможностях серьезных изменений в высших эшелонах власти. Словом, косвенные признаки изменения политической погоды налицо* (А. Рябов // Век. 2000. №46).

Помимо развертывания метафорического выражения *погода* в текстах, продуктивно его использование в заголовках, часто носящих афористический характер. Оживление метафоры в заголовке создается за счет трансформации фразеологизмов, языковой игры, апелляции к прецедентным феноменам. Как известно, подобные заголовки привлекают внимание читателей, настраивают на восприятие метафорической структуры текста и, актуализируя фоновые знания, способствуют созданию оценки. Ср.: *Погоду делает тот, кто не слушает прогнозов* (Б. Крутиер // Век. 2001. №20). *Важней всего погода в доме* (А. Рябов // Век. 2000. №46). *Прогноз погоды: пока гром не грянет* (А. Рас // Век. 2000. №49). *Как чувствовать себя свободным при любой погоде* (И. Мильштейн // НВ. 2000. №32). *Дурной климат при хорошей погоде* (Э. Бернштейн // ОГ. 2002. №10).

Как *непогода* метафорически осмысляется период неудач, инфляция, кризис в финансово-экономической сфере. Ср.: *Призрак экономической непогоды так и маячит на горизонте. Обещанного экономического роста, иностранных инвестиций в экономику как не было, так и нет. Несырьевой экспорт упал чуть ли не до нуля. Задолженность перед бюджетниками снова растет* (П. Воцанов // НГ. 2003. №9). *Кризис – это период финансовой и экономической непогоды, от которой лучше всего спрятаться поглубже. И прежде всего это непогода для владельцев крупных состояний: резко обостряется проблема спасения капиталов от инфляции* (Н. Косолапов // Век. 2001. №47).

Концепт *сезон* – «время года, климатическое подразделение года» [Оксфордский...2000: 270] – в дискурсе СМИ всегда поддерживается эпитетом *новый* и представляет смену этапов в развитии нашего общества. Ср.: *На пороге новый политический сезон. Можно предполагать резкую активизацию политической борьбы* (В. Соловей// Век. 2001. №31). *Все перечисленные политические новации говорят о том, что страна вступила в новый политический сезон без конструктивной модели развития общества* (А. Иванченко // Россия. 2002. №42).

Эффект обманутого ожидания создает заголовок «*Новый посадочный сезон*» (Ю. Латынина// НГ. 2002. №1): мнение о содержании публикации, сло-

жившееся у читателя по заголовку статьи, опровергается по мере прочтения. Определение *посадочный* вызывает ассоциативные представления, связанные с огородничеством: посадка саженцев, рассады, картофеля. Объекты метафорической номинации указываются в подзаголовке: «Картошку в России сажают в мае, а олигархов – зимой». Становится ясно, что речь пойдет об уголовном наказании коррумпированных олигархов. В статье подробно освещаются обстоятельства задержания президента «Сибура». На наш взгляд, заголовок и подзаголовки провоцируют эмоциогенную ситуацию, взывая к чувству удовлетворения торжеством закона.

Устойчивым сочетанием *мертвый сезон* характеризуются последние месяцы перед выборами – время бездействия всех ветвей власти, которое может привести к созданию ситуации нестабильности. Ср.: *Несмотря на «мертвый сезон» в российской политике, конфликт между президентом Путиным и премьер-министром Касьяновым стремительно нарастает* (Завтра. 2002. №33). *Три месяца подготовки к выборам – мертвый сезон для инвестиций, особенно для иностранных, рост которых наметился в последнее время* (А. Колесников // Век. 2001. №11).

Концепты *потепление* и *оттепель* в источниковой сфере характеризуют тепловое состояние чего-либо: потепление – наступление теплой погоды, переход к более теплой температуре воздуха; оттепель – теплая погода (зимой, ранней весной) с таянием снега, льда. Дискурс СМИ использует позитивный потенциал концептов: улучшение международной обстановки метафорически обозначено концептом *потепление*; вера в будущее, ощущение свободы – концептом *оттепель*. Ср.: *Потепление в отношениях между Россией и Грузией вполне выглядело таковым лишь два дня. И начало, и конец краткого потепления были связаны с одним и тем же информационным поводом – экстрадицией из Грузии 13 чеченских боевиков. «Глобальное» же потепление между Россией и Грузией не может состояться* (К. Казенин // Консерватор. 2002. №7). *В глазах многих американцев российские государственные и предпринимательские структуры выглядят коррумпированными. В такой ситуации трудно рассчитывать на скорое и значительное потепление двусторонних отношений* (М. Голдман // Век. 2001. №22). *Оттепель – это всегда временно* (Т. Болотовская // Консерватор. 2003. №1). *Как бы сегодня ни складывались отношения между Россией и Западом, становится очевидно, что «оттепель», переходившая порой в любовь в период после распада СССР, не была взаимной* (Е. Мячин // Век.2000. №48). *В начале 90-х годов мы верили, что от нашего голо-*

сования зависит наша жизнь. Тогда была весна. Точнее, нам казалось, что была весна. На самом деле это была лишь **оттепель** (Б. Вишневский // НГ.2004. №6). Сегодня многое напоминает то, что было 40 лет назад, во времена **хрущевской оттепели**. Ощущение такое, что сейчас **заканчивается вторая оттепель, которая была более длительной и глубокой, но которая уже прошла** (Н. Донсков // НГ.2003. №71).

Вместе с тем, как видно из примеров, эмотивные смыслы «чего-то приятно-го, надежды, свободы, ослабления гнета», актуализированные фоновыми знаниями (хрущевская оттепель), не всегда поддерживаются окружающим контекстом. Это происходит за счет указания на краткость, недолговременность (*потепление краткое, всегда временно, выглядело таковым два дня, заканчивается, прошло*) или невозможность осуществления (*не может состояться, трудно рассчитывать, не была взаимной*).

Особенно ярко метафорический потенциал анализируемых концептов проявляется в противопоставлении «оттепель/потепление – заморозки /холод»: подчеркивается невозможность предотвратить ход истории, несмотря на то что этот ход в своем движении очень часто направлен назад. Ср.: *Неосоветизм неизбежен. И дело не в том, что вслед за реформами и «оттепелями» неизбежно следуют реставрации, откаты, «заморозки», «стабилизации»* (А. Альтер // НВ. 200. №10). *Это не было неожиданностью. Мы все время ждали чего-то в этом роде. Мы твердо знали, что оттепели в России кончатся морозом. Слишком хрупка и слишком уж подарочна была перестроечная свобода, слишком мала была чайная ложечка, с которой ее давали* (В. Новодворская // НВ. 2001. №33). *Отец оттепели и сторонник заморозки спорили о вольном русском слове. Сошлись на том, что свобода неприкосновенна, но закон есть закон* (И. Мильштейн // НВ.2001. №9). *Почему наметившееся потепление вновь обернулось арктическим холодом во взаимоотношениях государства и ЮКОСа* (Т.Гурова // Эксперт.2004. №26)?

Подобные метафорические употребления актуализируют характерную для дискурса СМИ ценностную бинарную оппозицию «свобода – несвобода», выраженную в данном случае концептуальными метафорами «свобода – это оттепель», «несвобода – это заморозки».

Развивают и усиливают созданную оппозицию концепты *похолодание, холод, мороз, вечная мерзлота, ледниковый период* и др., представляющие в источниковомой сфере очень холодную погоду, с низкой температурой. Область цели данных концептов - ситуация в стране, которую можно охарактеризовать как

ситуацию ограниченной свободы и вследствие этого опасную. Ср.: *Точка заморозания. Мороз как главная угроза национальной безопасности* (НВ. 2001. №4). *С таким жерновом на шее, как наши спецслужбы, нам не вернуться «с холода». С нашей вечной мерзлоты* (В. Новодворская // НВ. 2001. №35). *15 лет назад перемены в нашей замороженной и замороженной коммунизмом стране начались с того, что всего-то высвободили Слово – это называлось здорово, но непонятно: Гласность* (А. Пумпянский // НВ. 2001. №15). *Мы находимся в состоянии государственной монополии на информацию. Не думал, что это будет так стремительно; думал, похолодание будет постепенным, но ледниковый период наступил практически мгновенно* (Н. Донсков // НГ.2003. №71).

Однако данные метафорические концепты не всегда выражают отрицательную оценку: некоторая жесткость, ограничения, в которых проявляется твердость характера главы государства, иногда могут давать и положительные результаты. Ср.: *В конце 90-ых люди начали понимать: для того чтобы власть тебя слышала, общественным организациям надо консолидироваться, создавать неиерархические сети, которые поддерживали бы друг друга. И вот эти Путинские заморозки, мнимые или реальные, это его строительство вертикалей резко ускорили процесс консолидации* (Н. Овсянян // НВ. 2002. №14).

Таким образом, представление политической и экономической жизни общества в качестве климатических и погодных изменений моделируют образ достаточно непостоянной действительности. В дискурсе СМИ особо значимой становится бинарная оппозиция «свобода – несвобода», созданная при помощи метафорического противопоставления концептов *оттепель - заморозки*. Прагматический смысл можно сформулировать следующим образом: кризисные ситуации в стране неизбежны, даже в какой-то степени закономерны, однако человек может и должен влиять на них, ориентируясь на ценности свободы, права, порядка и др.

3. 2. 2. Слот «Прогноз погоды»

Представления, связанные с прогнозом погоды, обладают сильным ассоциативным фоном, который часто граничит с ироническим и даже скептическим отношением. Ср. *У нас политическая аналитика всегда работала по принципу Гидрометцентра: «Если не будет дождя, то скорее всего будет солнце»* (С.Кучер//НГ.2004. №76).

В древности отношение людей к явлениям природы чаще всего было однозначным: с ними связывали непосредственное вмешательство божественных сил в земные события. В соответствии с православными традициями, персонажем, «связанным с громом, дождем, а также плодородием, летом, урожаем» [Мифологический словарь 1990: 237], в дискурсе СМИ выступает *Илья-пророк*. В народном сознании Илья-пророк предстает суровым, но справедливым. Поселяне говорят: «Это Бог карает; он повелел Илье-пророку: когда едешь в колеснице, щади нивы тех, которые раздают хлеб бедным полною мерою; а которые жадны и не знают милосердия – у тех губи!» [Русские народные легенды 1990: 77].

Согласно нашим примерам, могущественными силами древнего божества грома и молнии, «перстом Божиим», в нашей стране наделяется Вл. Путин, именно от его действий зависит будущее России. Ср.: *Запланированная гроза. Реорганизация правительства: президенту предстоит совмещать четыре блока Касьянова и «петербургский фактор» Иванова. Грозы в России случаются в начале мая - тогда их принято любить, если верить поэту. Владимир Путин, очевидно, отринув неизбежно возникающие ассоциации с Ильей-пророком, заявил, что берет тайм-аут по кадровым вопросам до середины мая* (Д. Орлов // НВ. 2001. №19). *Путин – повелитель ветра* (Вести-Урал. 19. 03. 2004).

Наиболее яркие прогнозы предстоящих изменений в политической и общественной жизни страны создаются за счет развертывания метафор, основанных на народных приметах. Ср.: *Строить прогнозы о развитии мировой экономики можно с таким же успехом, как предсказывать погоду: надо либо рассуждать о долгосрочных тенденциях типа «глобального потепления», которые подтвердит или опровергнет опыт будущих поколений, либо слюнявить палец и выставлять его в окно, чтобы определить направление дующего сегодня ветра* (А. Грачев // НВ. 2001. №30). *Посему прогноз погоды такой: кулак сжимается – к грозе* (В. Воронов// НВ. 2003. №12). *Прогноз погоды: пока гром не грянет* (А. Рас // Век. 2000. №49). *Первая ласточка, которая может сделать погоду, - это Виктор Степанович Черномырдин* (Д. Рогозин // Век. 2001. №35). *Газеты возглашают много преувеличенного и заглушают любую невзвешенную мысль, «как лягушки квакают перед грозой»* (А. Мелихов // НВ. 2001. №50). Так, народными предвестниками грядущих событий становятся *сжатый кулак, слюнявый палец, первая ласточка, кваканье лягушек*.

Однако более точные сведения можно получить только на основании данных измерительных приборов, например барометра. Ср.: *Барометр указывает на «левую бурю», когда ширится народная поддержка, когда каждая лопнувшая зимой батарея, каждое чубайсовское отключение усиливают «левый крен» России* (В. Чикин // *Завтра*. 2003. №2). *Барометром, показывающим, что обстановка вокруг «Единой России» ухудшилась, стало поведение ряда политических лидеров, начавших дистанцироваться от нее* (О. Буркалева // *Континент*. 2003. №9). *Молодежь как «барометр партии»* (В. Зоркальцев // *Правда*. 2003. №3).

Трагедия с захватом заложников в культурном центре «Норд-Ост» привела к осознанию необходимости точного прогноза, основанного на анализе конкретной ситуации. Выводы аналитиков, способных обзреть ситуацию со всех сторон, аналогичны предупреждениям синоптиков. Ср.: *Атака террористов на Москву превратила в «ничто» образ просвещенного западника, тоскливо вопрошающего синоптиков, откуда подует ветер и какая нынче над Москвой «роза ветров»* (А. Проханов // *Завтра*. 2002. №45).

Итак, использование метафорических выражений слота «Прогноз погоды» актуализирует следующие прагматические смыслы: будущее нашей страны – одна из главных национальных тем; однако прогнозирование возможных путей развития страны имеет зачастую предположительный характер, так как не всегда основано на точных, научных данных.

3. 2. 3. Слот «Средства защиты от непогоды»

Безусловно, словоупотребления, метафорически переосмысляющие приспособления для защиты от непогоды, относятся к периферии анализируемой нами сферы-источника «Климат и погода». Однако они приобретают особую значимость, так как определяют пути выхода из создавшейся нестабильной ситуации.

Появление и дальнейшее переосмысление фразы «*мочить даже в сортире*» обусловило использование на страницах газет концепта зонтик – приспособления для защиты от дождя. Ср.: *Довольно вспомнить хотя бы, кто и как «мочил» Березовского, Гусинского, Лужкова с Примаковым, Ельцина с Семейей и даже Явлинского, а кто, наоборот, раскрывал над ними «пуленепробиваемый зонтик»* (О. Кучкина // *НВ*. 2001. №7). *Нужен закон-зонтик: краткий, понятный и устанавливающий рамку правового регулирования... «Зонтик» должен стоять на страже* (Ю. Батурин // *Журналист*. 2003. №4).

Упомянутая нами выше метафора *громоотвод* актуализирует следующие обыденные знания: с помощью громоотвода вся отрицательная энергия от основного здания уводится в сторону по заранее выбранной траектории. Так нежелание правительства заниматься решением серьезных внутренних проблем в стране, например социальных, экономических, отношений между нациями и др., ведет к созданию *псевдопроблем* – искусственных, выдуманных путей ухода от реальности. Такой псевдопроблемой нередко выступает ситуация в Чеченской республике. Ср.: *Операция «громоотвод». Важнее чем победа или поражение в Чечне сама чеченская проблема. Если она будет решена, то правительству придется выбирать. Или ему придется заняться серьезной социальной и экономической (я добавил бы еще и культурной) политикой, от чего оно до сих пор с поразительным упорством и изобретательностью отлынивает. Или искать новую Чечню – новый громоотвод. Или придется искать один громоотвод за другим* (А. Кустарев // НВ. 2000. №6). ***Отрицательная энергия масс разряжается в этнический громоотвод. Маленькая победоносная война в Чечне перестает работать таким громоотводом. Театр военных действий уже переместился в Москву*** (А. Ягодкин // НГ. 2004. №15).

Метафоры слота задают следующие прагматические смыслы: для защиты от возможных в нашей жизни политических и экономических проблем и неурядиц необходимо в первую очередь создавать законы, регулирующие правовые отношения. Тем не менее, в нашей стране возможны и обходные, не всегда правильные пути разрешения проблемных ситуаций.

Итак, анализ метафор фрейма «Климат и погода» показал, что основными темами, волнующими наших граждан, являются проблемы внешней и внутренней политика, экономики, законодательства, налоговой системы, трудового права. Прагматический смысл, продуцируемый концептами исходной сферы, можно сформулировать следующим образом: кризисные ситуации в стране неизбежны, даже в какой-то степени закономерны, однако человек может и должен влиять на них, ориентируясь на ценности свободы, права, порядка. Так, в метафорах фрейма «Климат и погода» реализуется ценностная оппозиция «свобода – несвобода».

3. 3. Фрейм «Метеоусловия»

Большой метафорический потенциал базовых концептов фрейма делает его одним из самых многочисленных и продуктивных, благодаря чему возникают богатые возможности для метафорического осмысления действительности. Детальная структурированность сферы-источника позволяет выделить в ее составе вложенные фреймы, или подфреймы: «движение воздуха», «атмосферная влага», «температура воздуха», «электрические явления в атмосфере», «оптические явления в атмосфере» (соотношение подфреймов и данные о частоте см. Приложение 1 сх. № 28 – 29).

3. 3. 1. Подфрейм «Ветер»

Ветер, то есть движение воздуха относительно земной поверхности, относится к одним из самых важных метеорологических явлений, издавна находившимся в центре внимания человека. Отмечая значимость ветра для русского сознания, Г.Д. Гачев пишет: «Широкая душа, русский размах – это все идеи из стихии воздуха-ветра... Человек стремится “Туда, где гуляют лишь ветер да я”, – не случайно это братское спаривание. Недаром и для ветра, и для русского человека одно действие присуще и любимо: “гулять на воле” – разгуляться, загулять, загул, отгул, разгул. И недаром Гоголь, о душе русского человека говоря: „Его ли душе, стремящейся закружиться, разгуляться”, – упоминает действия, которые в равной мере делаются ветром» [Гачев 1988: 212].

В основе метафорических словоупотреблений лежат ассоциации нестабильной социальной обстановки в стране, неустойчивости политических процессов с подвижной воздушной стихией. Подобные представления порождаются культурной памятью народа, отраженной в символическом значении слова *ветер*: «душевное возбуждение, тщеславие, непостоянство, неустойчивость и насилие» [Жюльен 2000: 48].

В средствах массовой информации встречаются различные наименования ветра, отражающие самые разнообразные его характеристики по силе и скоро-

сти, направлению, степени влажности и проявления тепла, наличию осадков, вращательных движений и др.

3.3.1.1. Слот «Ветер как движение воздуха»

Традиционный базовый концепт *ветер*, употребляемый безотносительно к скорости, направлению и другим характеристикам, используется для обозначения чего-либо назревающего, способного к распространению; устойчивое выражение *ветер перемен* номинирует процесс реформ. Ср.: *Ветрено, ветрено* (А. Шарый // Россия. 2002. №44). *В «эсэнговии» повеяло свежим ветром перемен* (И. Стрелков // Завтра. 2000. №18). *Ветер истории дует сегодня в наши красные паруса* (Г. Зюганов // Завтра. 2003. №19). *Со всех концов и во всех формах на нас дуют ветры конца времен, пугая, пригибая к земле, но и вселяя чудную радость* (В. Туманов//НВ.2002. №11).

Метафорические употребления, с одной стороны, имеют позитивную окрашенность (*легкий романтический ветер, повеяло чем-то свежим и конструктивным*), с другой – негативную, актуализируемую семами непостоянства, подвижности, неустойчивости (*ветер грядущего бунта, бушует ветер неопознанной войны, затхлый ветер перемен*).

Устойчивые сочетания концепта *ветер* предполагают развертывание следующего сценария: *ветер перемен – откуда ветер дует – куда ветер дует – роза ветров*. То есть необходимо уловить новые тенденции в политике, установить причину их появления и определить возможные, а также наиболее перспективные направления движения. Причем основным источником политических изменений, как считают журналисты, являются деньги. Ср.: *Деньги на ветер перемен* (А. Козырева // Век. 2002. №3). *Для развития Сибири, а значит, и России одних идей мало, необходимо создать условия для их воплощения в жизнь. Как говорится, первой ласточке нужен ветер в крылья. В данном случае не эфирный поток, а конкретная финансовая подпитка* (Ю. Алексеев // Россия. 2002. №19). *Полная перезагрузка политических мощностей, нездоровое оживление перед выборами, новые надежды, ветер перемен, сопровождаемый дождем «черных» денег* (А. Колесников // Век. 2001. №11). *События с заложниками помогут понять сущность того уродливого здания государственности, что построено в России за годы демократических реформ, которое не имеет будущего, ибо рухнет то ли от долларowego, то ли нефтяного ветерка* (Л. Ивашов // Завтра. 2002. №45).

Эмотивным противопоставлением концептов *ветер – сквозняк* в дискурсе СМИ создается и актуализируется ценностная бинарная оппозиция «надежда –

разочарование». Ср.: *О том, что власть в стране могут захватить люди в погонах, заговорили с того дня, как подул «свежий ветер перемен», оказавшийся банальным сквозняком* (Н.Поросков//Век.2001.№32). С фильмом «Асса» связана масса легенд, так сказать, «нас возвышающий обман». Будто бы Соловьев исключительно прозорливым взглядом увидел **ветер перемен**. Больше того, успел снять картину еще до всяких там **ветров**. **А попал в самый сквозняк** (Л.Малюкова// НГ. 2004. №70). **Шенгенский сквозняк** (Е.Дробязко// НВ. 2002. №51). **Сквозняки конца времен** (Б.Туманов//НВ.2002. №11).

Так, в метафорических словоупотреблениях слота «Ветер как движение воздуха» формируются прагматические смыслы о непостоянстве политических процессов.

3. 3. 1. 2. Слот «Ветер в зависимости от его силы»

Сила ветра в метеорологии измеряется с помощью специальных приборов и выражается в баллах, однако в обыденной жизни столь точное определение невозможно. Поэтому сила ветра оценивается приблизительно на основании воздействия ветра на окружающие предметы и объекты (деревья, строения, дым и т. д.). Все наименования ветра с точки зрения его силы принято делить на три подгруппы: 1. названия штиля, т.е. тихой, безветренной погоды; 2. названия слабого ветра (по шкале Бофорта, от 1 до 3-4 баллов); 3. названия сильного ветра (по шкале Бофорта, более 5-6 баллов).

- Как **штиль, безветрие, затишье** в СМИ представлена спокойная политическая и социальная обстановка в стране, отсутствие ярких событий. Ср.: *Для народа, издавна живущего по принципу «лишь бы не было войны», ситуация **политического затишья** – это идеальная прожиточная норма, фактически заменяющая собой формулу социального согласия* (Т. Камоза // НВ. 2001. №38). *В середине ноября, когда в России после шквального «Норд-Оста» настал **полный политический штиль**, наши взоры вновь устремились на далекий юго-запад* (Д. Тукмаков // Завтра. 2002. № 48). *Годы **безветрия** и воинствующего атеизма не смогли вытравить из-под сознания так часто всуе поминаемое имя творца* (Ю. Романов // Журналист. 2003. №4).

- **Слабый ветер:** *слабый, легкий, ветерок, бриз*. Метафорические словоупотребления имеют позитивный характер, основанный на приятных впечатлениях: движение воздуха ощущаются лицом, шелестят и колыхаются листья,

развеваются флаги (шкала Бофорта). Ср.: *Явился новый бриз суждений... Военным стали сочувствовать, их снова стали жалеть* (А. Богатуров // Век. 2002. №9). *Советское общество легко поддавалось соблазну перемен, которые нес легкий романтический ветер августа 1991 года* (А. Рябов // Век. 2001. №8).

- **Сильный и очень сильный ветер:** *шквал, буря, ураган, тайфун, смерч, вихрь* (сопровождаются круговым движением). Негативная оценка области-цели метафорической экспансии мотивируется знанием области-источника: от небольших повреждений до значительных разрушений строений, вырванных с корнем деревьев (шкала Бофорта).

Самый частотный концепт *буря* – «очень сильный ветер, приводящий к большому волнению на море и к разрушительным опустошениям на суше» [БСЭ т. 4: 144], – в дискурсе СМИ используется для номинации социальных явлений, вызывающих глубокие потрясения в жизни общества. Ср.: *Перед бурей* (Завтра. 2003. №19). *«Зависли» назревшие кадровые перестановки в правительстве. Все это может рассматриваться как «затишье перед бурей» и свидетельство полного отсутствия государственной стратегии у нынешних кремлевских властей* (Завтра. 2001. №22). *Предвестницей бурь как раз и была та тишь, что царила в парламенте* (С. Шелин //НВ. 2002. №30). *Этот материал вызовет бурю негодования* (О.Лурье//Версия. 2003. №1). *Громких скандалов больше нет, бури улеглись, руководство России пытается проводить реформы* (А. Колесников // Век. 2001. №27). *Пейзаж после бури* (НГ. 2002. №33).

Иногда негативное воздействие на адресата снимается в контексте указанием на ограниченную временную и пространственную локализованность (*время бурь в прошлом, улеглись, в стакане воды, быстротечны*), а также указанием на инородный или ненастоящий характер происхождения стихии: *бури – это американское, бутафорские бури*.

Память образа, память культуры втягиваются в процесс познания и осмысления реальных событий, в результате чего в дискурсе СМИ становятся особо значимыми фоновые знания. Реальное становится иным за счет тех ассоциаций, которые возникают на основе текстов, созданных в другое время по поводу другой ситуации. Источниками прецедентных феноменов, использующих концепт *буря*, являются как классические тексты, так и тексты массовой культуры.

Ощущение грядущей революции передается трансформированной фразой М. Горького: *Покой обменяли на бурю, в которой погибают все надежды* (В. Личутин //

Завтра. 2002. №42). *НТВ явно ищет бури* (А. Пумпянский // НВ. 2001. №16). *Теперь даже те, кому кричать «пусть сильнее грянет буря» по штату положено – левые радикалы – и то молчат* (А. Никонов // НГ. 2004. 25).

Образ ненастоящих, надуманных конфликтных ситуаций создан выражением Ш.-Л. Монтескье «*буря в стакане воды*»: *Они [КПРФ] думают, что смогут организовать бурю. Но буря разразится в стакане воды* (С. Стремидловский // Век. 2001. №28). *Бутафорские «бури в стакане воды», сопровождавшие процесс объединения в СПС, были всего лишь очередной «пробой пера* (Завтра. 2001. №22). *Можно предположить, что экологи устраивают бурю в стакане* (А. Столярова // Версия. 2002. №39).

Тематическая прикреплённость названий американских военных операций «Буря в пустыне» и «Буря и натиск» (нарушение прав коренного населения, экологические катастрофы, неуправляемая социальная обстановка, принудительное введение чужого правления, обнищание страны) отражена в следующих примерах: *Буря в пустыне продувает наши кошельки* (Россия. 2003. №15). *Накануне «Бури в Сибири»* (Г. Джемаль // Завтра. 2003. №21). *Операция «Пустыня после бури»* (В. Дубнов // НВ. 2000. №4). *«Буря и натиск», с которым новые кремлевцы принялись расчищать (или «зачищать»?) центральную площадку, поначалу изумляла старожилы* (Л. Айдинова // Век. 2001. №47). *Время политических бурь и натисков в прошлом* (С. Иваненко // Век. 2001. №31). Заметим, что выражение «буря и натиск» является вторичной номинацией: так называлось литературное движение в Германии 70-х гг. XVIII в., требовавшее активного воздействия на общественную жизнь, проникнутое духом мятежного бунтарства.

Концепты *смерч, ураган, тайфун* – сильнейшие вращающиеся или круговые вихри, сопровождающиеся большими разрушениями на значительном пространстве (шкала Бофорта), – в дискурсе СМИ используются для характеристики явлений, обладающих губительной, разрушительной силой. Актуализируются прагматические смыслы опасности, угрозы, непредсказуемости. Ср.: *Ситуация, как сказал бы метеоролог, подобна «оку тайфуна»: кругом бушуют вихри, а в самом центре царит мертвый штиль* (М. Глобачев // НВ. 2001. №31). *Недавно пронесшийся над страной миниатюрный смерч сталинизма вдруг сделал явной простую истину: страна сильно изменилась, и мы вместе с ней* (И. Мильштейн // НВ. 2001. №34). *Уже давно разгадан феномен наших «гарвардских мальчиков». Именно они прошли по отечественной экономике таким смерчем, перед которым бледнеет даже знаменитая «культурная революция» в Китае* (Е. Мячин // Век. 2000. №48).

Так, метафорическое представление политической, социальной, экономической ситуации в стране как усиление скорости воздушных потоков (*от легкого бриза до бури, урагана, тайфуна, смерча*) моделирует образ непостоянной действительности, порой даже агрессивной и опасной, что способно оказывать негативное эмоциональное воздействие на адресата провоцированием и/или поддержанием в нем состояния нестабильности, тревожности.

3. 3. 1. 3. Слот «Ветер в зависимости от его направления»

Направление ветра всегда являлось одной из его важнейших характеристик. Человеку важно было знать, *откуда ветер дует*, так как один ветер радовал теплом, а другой – пронизывал холодом; ветер мог принести дождевые облака, а мог иссушить поля и луга. Ср.: *Надо записывать, с чем на данном отрезке времени борется российская власть. Чтобы не путаться и быть в курсе, куда сегодня дует ветер* (А. Ягодкин // НГ. 2002. №83). *Когда прокуроры изъяли из Следственного комитета все материалы, стало понятно, куда ветер дует – дело нужно было развалить. Теперь ветер изменил направление* (Р. Шлейнов // НГ.2003.№73). *Уже одно то, что первый съезд пажей состоялся в Российской академии госслужбы, а также присутствие в его президиуме первого заместителя руководителя администрации президента Д. Медведева, - прямо указывает, откуда ветер дует* (С. Леоненко // Континент. 2003. №17).

Известные в метеорологии основные и промежуточные румбы горизонта до недавнего времени не встречались в дискурсе СМИ. Причиной появления метафорических выражений *норд-ост*, *зюйд-ост* стала трагедия с заложниками в культурном центре «Норд-ост» в Москве и активизация деятельности террористических группировок как следствие нерешенных проблем чеченской войны. Ср.: *Кто заказывал ветер? Все было тихо и спокойно, ни взрывы машин, ни убийства магаданских губернаторов не нарушали внутрirosсийской идиллии, как вдруг дохнул холодный норд-ост* (Н. Коньков // Завтра. 2002. №44). *Подул «Норд-Ост»* (Завтра. 2002. №44). *Откуда в метро подул подземный ветер, похожий на норд-ост?* (Завтра. 2002. №49). *Зюйд-ост. Московский теракт спланировали за тысячи километров к юго-востоку от столицы* (Версия. 2002. №42). *До недавнего времени считалось, что главные ветры, определяющие погоду, в том числе и политическую, дуют с Атлантики. В последние же недели в здешней розе ветров явно преобладал устойчивый норд-ост. Именно его дыхание – раздраженная реакция Кремля на проведение в датской столице сразу же после октябрьских со-*

бытий в Москве Всемирного чеченского конгресса – заставило руководителей перенести его из Копенгагена в Брюссель (А. Грачев // НВ. 2002. №47).

Трагедии «Норд-оста» и «Курска» стали образами беды, огромного материнского горя, утраты былой силы нашей страны: *Морг-ост* (А. Проханов// Завтра. 2002. №45). *Разрабатываем и будем разрабатывать все необходимое нашей стране вооружение с одной лишь целью – чтобы наш российский народ случайно не продуло в метро «Норд-остом» из Баренцева моря* (Завтра. 2002. №50).

3. 3. 1. 4. Слот «Ветер в зависимости от степени проявления тепла»

Оценочность метафорических употреблений концептов слота зависит от ассоциативных и фоновых знаний.

- **Холодный ветер** – безысходный, не дающий надежды, страшный (ветры холодной войны, «Норд-оста», Баренцева моря). Ср.: *В холодных ветрах «Норд-Оста» яркие перышки пооблетели и с нашего шустрого медийного жаворонка, и с нашего внушительного двуглавого орла* (В. Новодворская // НВ. 2002. №52). *Причина ослабления прогерманского поветрия в российских коридорах власти – в более холодных ветрах, которые задули из Вашингтона* (С. Обухов // Континент. 2003. №15).

- **Свежий ветер** – основанный на надежде (свежий ветер перестройки, хрущевской оттепели, свежий ветер перемен). Ср.: *В «эсэнговии» тоже повеяло свежим ветром перемен* (И. Стрелков // Завтра. 2000. №18). *Повеяло чем-то свежим и конструктивным* (Т. Толстая // НГ.2003. №83).

- **Суховей** – приводящий к гибели (горячий и сухой пустынный ветер). Ср.: *Те, чья пора взросления пришла на разгар перестройки, знают, о чем я говорю. Тогда в неокрепшие юношеские мозги ни с того ни с сего ворвался свежий ветер перемен, на деле оказавшийся суховеем. Закружил, завыл, снес все нравственные и моральные барьеры* (И. Калиничев // Завтра. 2003. №25).

В анализируемом слоте наиболее активным является прилагательное *холодный*. Вызванные метафорическими выражениями ассоциации, сам контекст, а также выпадение из классификации промежуточного звена теплый (содержащий тепло, ласковый, приветливый) развивают следующие смыслы: Россия – страна неустойчивых, подвижных состояний; страна крайностей; страна, в которой стабильных, срединных состояний практически не бывает.

3. 3. 1. 5. Слот «Ветер, сопровождающийся осадками»

Источниками метафорической экспансии становятся концепты *буран*, *пурга*, *метель* – сильные ветры со снегом, снежные бури. Ср.: *Традиционное воспитание чеченки крайне аскетично. Ее обязанность – все переносить в себе. Она не должна говорить о своих личных переживаниях. Ее добродетель – скрытность, умение запрягать чувства поглубже. Таким образом, весь ее буран – внутри. Но вот навсегда ли* (А. Политковская // НГ. 2003. №41).

Метафора возникла под влиянием внешних причин: участившиеся случаи джихада, совершенного женщинами-смертницами, вызвал у журналиста желание разобраться в сложившейся ситуации, дать объяснение такому страшному явлению в нашей жизни. Автором был найден очень яркий образ *бурана*, актуализирующим при метафоризации ассоциативные семы тревожного, мятущегося состояния души, ослепленности и вследствие этого неосознаваемости своих поступков, ощущения холода (отсутствия жизни), полного одиночества, понимания всего ужаса положения, обреченности.

Таким образом, нестабильная социальная и экономическая обстановка в стране, подвижность политических процессов находят свое выражение в метафорических словоупотреблениях подфрейма «Ветер».

3. 3. 2. Подфрейм «Атмосферная влага»

3. 3. 2. 1. Слот «Осадки»

В метафорических словоупотреблениях данного слота образно используются концепты *дождь* (*золотой дождь*, *осенний дождь*), *капать*, *сыпаться*, *мочить*, *осадки*, *хляби небесные*, *снег*.

Из всего многообразия названий атмосферных осадков (дождь, снег, крупа, град; роса, иней, изморозь) дискурс СМИ активно использует только концепт *дождь*. Повышенный интерес к данному концепту объясняется прежде всего традиционными представлениями, установившими зависимость: *дождь* (*благотворное влияние неба*) – *плодородие почвы*. Ср. миф о Данае, которую Зевс оплодотворил под видом золотого дождя, ставшего символом жизни, развития и роста. Однако в современных политических текстах традиционный позитивный ореол образа разрушается. Ср.: *Опыт материальной компенсации за уступки у*

нас уже был – **золотой дождь**, **просыпавшийся** на сдачу Восточной Европы и объединение Германии. Что осталось от тех денег? Огромные долги и чувство глубокого недовольства – продешевили, разворовали (Ф. Лукьянов// Консерватор. 2002. №5). Даже в 2001 году, несмотря на **золотой дождь нефtedолларов**, так и не был восстановлен додефолтный уровень дохода граждан (С. Обухов// Континент. 2002. №12). **Ужасы нефтяного дождя**. Вся оппозиция находится в маргинальном состоянии. Если совсем коротко, это происходит из-за **нефтяного дождя, который обрушился на Россию и пятый год как не прекращается** (Б. Немцов // НВ. 2004. №28). **Недаром мы живем под «золотым дождем»**. Порнография, в том числе и политическая, - не просто оружие пролетариата, но основа бытия (М. Глобачев// НВ. 2003. №46). **Ветер перемен, сопровождаемый дождем «черных» денег** (А. Колесников// Век. 2001. №11). **В последние месяцы на Зюганова неприятности сыплются, как дождь осенний** (А. Колесников// Россия. 2002. №30).

Как видно, концепт **дождь** функционирует только в составе метафорических выражений, в которых актуализируются ассоциативные семы прилагательных-определений: **золотой, денежный, нефтяной, черный, осенний**. Так, например, **золотой дождь** – это деньги, не только неожиданно появившиеся, но и не приносящие радости и облегчения, потому что большие деньги взамен политических уступок исчезают быстро и бесследно и не влияют на экономическую ситуацию в стране. Как **осенний дождь** представлены в дискурсе СМИ неприятности, продолжительные, в большом количестве, скверные.

Несколько иные ассоциации концепта **дождь** мы можем отметить после появления уже упомянутой нами выше фразы **мочить даже в сортире**: крайне крупные неприятности, вплоть до лишения всех прав, исходят от главы государства, от власти. Ср.: **Мочить в сортире повелось с Питера** (А. Выборный// Версия. 2003. №49). **В ближайшее время сортиры будут предназначены только для замачивания олигархов. Это богоугодное заведение чаще всего пустовало, «замочили» очень немногих** (П. Вошанов// НГ. 2003. №52). **В сортирах мочит только дождь. Для командования вооруженных сил погода стала главным вероятным противником** (НГ. 2003. №65).

Обобщающий концепт **осадки** используется для номинации неприятных, проблемных событий и реализуется в развернутых метафорических образах. Ср.: **Как-то совпало, что касающиеся прессы разномасштабные события последнего времени сеялись, выпадали и низвергались на манер осенних осадков – вразной, вперемешку, как попало. Но, как и осенние осадки, все вместе указывали на одно – нарастающую**

непогоду. Принципиальные сдвиги в атмосфере. Глобальное изменение климата (Т. Ка-моза// НВ. 2002. №47).

Как видно из приведенных нами примеров, ассоциативная память обычно «тянет» за собой метафоры из других фреймов и слотов: осадки/дождь – непогода – изменение погоды, климата – сдвиги в атмосфере. Созданная логическая цепочка подчеркивает: неприятные события не появляются сами по себе, это чаще всего следствия каких-то других, имеющих более общий характер изменений.

3. 3. 2. 2. Слот «Последствия осадков»

Как известно, дождь ведет к появлению луж, грязи и слякоти. В дискурсе СМИ концептом *грязь* метафорически обозначены несправедливые, порочащие обвинения; безнравственные, вызывающие моральное отвращение действия политиков, а также нечестным путем добытые деньги характеризуются определением *грязный*; неустойчивость политической и социальной жизни представлена концептом *слякоть*; глупое положение - концептом *лужа* (трансформированный фразеологический оборот *сесть в лужу*). Ср.: *Времена на дворе слякотные, гласность вперемежку с закручиванием ржавых болтов, никто никого не слышит* (И. Мильштейн// НВ. 2001. №10). *Буржуазные СМИ оболванивают народ, льют потоки грязи на партию, на советскую историю* (А. Козырев// Правда. 2003. №36). *Позиция этих пигмеев горбачевской эпохи [каримовы, шеварднадзе, ниязовы и алиевы] ассоциируется не с чем иным, как с отмыванием «грязной» политики, подобной отмыванию «грязных» денег* (З. Соколова// Правда. 2003. №39). *К тому, что политические оппоненты поливают друг друга грязью через СМИ, мы уже как-то привыкли* (С. Волжанин// КП. 2003. №187).

Политические лидеры нашей страны *поливают и мажут друг друга грязью*, демонстрируя тем самым неумение и нежелание решать проблемы в духе сотрудничества и согласия.

3. 3. 2. 3. Слот «Облачность»

Облако, туча, туман – наиболее частотные образы рассматриваемого слота. Концепт *облако* – «скопление конденсированных или замерзших водяных паров в низших слоях атмосферы» [Оксфордский... 2000: 203] – имеет основные коннотации удаленности от земли, призрачности, мечтаний. В текстах СМИ

создается и усиливается иронический характер словоупотреблений концепта *облако*: устойчивыми сочетаниями *витать в облаках* - «предаваться несбыточным надеждам, не замечая окружающего» [Словарь русской фразеологии 1999: 412]; *розовые мечты* - «романтические, часто несбыточные мечты о прекрасном» [Словарь русской фразеологии 1999: 377]; существительным *вакуум* – «об изолированном существовании кого-чего-либо, вне связи с другими явлениями, фактами, событиями» [Солганик 2002: 71]. Ср.: *Добро пожаловать, господин президент, в страну, в которую вы уже прилетели без подтанников на розовом облаке* (А. Курбатов// Континент. 2003. №8). *Источник политического допинга уже начал постепенно удаляться, а наша власть продолжает витать в облаках, пробавляясь ею же созданными мифами* (П. Бурдуков// Россия. 2002. №42). *Наши спецслужбы по-прежнему мало что знают о враге, с которым борются, невзирая на три с лишним года второй войны. Поэтому что они – будто на облаке, в вакууме, где их конструкции «антитеррора» скорее идеологические, чем реальные* (А. Политковская// НГ. 2002. №42).

Кроме того, *облако* – это препятствие, отсутствие ясности и взаимопонимания в отношениях между государствами. Ср.: *А тут еще черное облако чеченской войны опустилось на страну, и всеобщая «экстремизация» пошла полным ходом* (В. Новодворская// НВ. 2001. №11). *Казалось, в далеко не безоблачных российско-грузинских отношениях наступает период максимального взаимопонимания и конструктивного сотрудничества* (А. Качмазова// Версия. 2003. №3).

Опасные, проблемные ситуации в стране метафорически представляются концептом *туча* – большое, обычно темное густое облако, несущее дождь, снег или град [Солганик 2002: 676].

Когда человек видит на небе тучи, он с тревогой ждет, что скоро пойдет дождь, снег, град. Фоновые знания объясняют употребляющиеся в дискурсе СМИ метафорические выражения со значением «приближающаяся, грозящая опасность, беда»: *тучи напряженности, тучи военной опасности, тучи собираются, тучи сгущаются, развеять, рассеять, разогнать тучи*. Метафорическое употребление концепта *туча* может быть проиллюстрировано следующими примерами. Ср.: *Проблемная туча. Проблемы, которые ученые люди именуют институциональными, обложили наше политическое небо, как тучи, и остается только раздумывать, из которой раньше прочих польет дождь и ударит молния* (С. Шелин// НВ. 2000. №7). *«Над Россией сгущаются серые тучи!» И что же? Да ничего. Из «серых туч» про-*

лился вялый президентский дождик (А. Новиков// НВ. 2001. №11). *Политической жизни северной столицы явно не грозит традиционное летнее затишье. Тем более что все больше сгущаются тучи над питерской семьей №1* (А. Щербаков// Россия. 2002. №28). *Терпение у Кремля лопнуло: над головой Наздратенко стали сгущаться тучи* (А. Рудный// Версия. 2002. №41). *Сгустились тучи над главой «Газпрома» Миллером* (В. Шевченко// Версия. 2001. №42).

Как видно, метафора-существительное «тянет» за собой метафорическое употребление глагола *сгуститься* (тип предикативной метафоры): *тучи сгустились* - «надвинулась опасность, возникла угроза». Так, в метафорических словоупотреблениях концепта *туча* акцентуализируются коннотации неприяности, угрюмости, мрачности, опасности.

Туман представляет собой «скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающее воздух непрозрачным» [Солганик 2002, 674]. По сути дела, туман – это облако, лежащее на поверхности земли или воды. Метафорические словоупотребления концепта *туман* имеют в текстах СМИ коннотации неясности, сомнения, запутанности, обмана. Ср.: *В тумане житейских морей теряются нравственные ориентиры местной политики* (В. Веприцкий// Век. 2001. №34). *Мы еще далеко не ушли и бродим в экспериментальном тумане* (Г. Павловский// Век. 2001. №9). *Москва опять словесным туманом пытается скрыть правду от своего народа. Лицемерие стало нормой жизни, и ему перестали удивляться* (В. Романов// Правда. 2003. №6). *А у нас – все, как в тумане* (М. Казаков// Россия. 2002. №43). *Не исключено, что в часы бессонницы президент задает себе мучительный вопрос: осталась ли у народа вера в преобразовательные силы реформ? Не знаю, что он отвечает себе. Общие же наблюдения не несут солнечного света: тают в зыбком тумане надежды вместе с ожиданиями, уходит вера, остается горестное разочарование в безжалостной реальности* (Ю. Бондарев// Правда. 2003. №23).

Концепт *туман* употребляется для обозначения неясного видения чего-либо, приводящее к превратному, неверному его пониманию и, как следствие, неадекватному восприятию действительности (на основе сходства с туманом в природе: он мешает видеть, ясно и четко воспринимать окружающее). В общественном сознании образ тумана ассоциируется с пеленой, скрывающей истину. Ср.: *Россия вступила в очередное смутное время. Путч 1991-го, война президента с парламентом в 1993-м, казавшиеся принципиально непрогнозируемыми выборы 1996-го, дефолт 1998-го – все эти вспышки и осязтимые перетряски устоев регулярно затягивали пе-*

ленной тумана исторические перспективы страны. А значит, делали необязательным знакомство со сводом законов государства, чье настоящее зыбко и нестабильно, а будущее пугающе неясно (Д. Бычихин// Консерватор. 2002. №14).

В дискурсе СМИ наблюдаются случаи использования прецедентных текстов, участвующих в организации нового смысла: *Утро туманное. Российская государственная невятица стала опасной* (Д. Драгунский// НВ. 2002. №45). *Эх, налоги...Пыль да туман* (И. Простаков// Правда. 2003. №24). *Ой, туманы мои, растуманы* – к вопросу о политической идентификации СПС (Д. Драгунский // НВ. 2004. №8).

Слова из романса И.С.Тургенева «Утро туманное», песни Л. Ошанина «Эх, дороги...» находятся в самой сильной позиции текста – в заголовке – и своеобразно объективизируют вывод журналиста о размытости, нечеткости внутренней политики, налоговых законов. За счет принадлежности к известным текстам создается новая коннотация – состояние грусти, безысходности.

Необходимо отметить, что в дискурсе СМИ наблюдаются стойкие отрицательные коннотации концепта *туман*, обусловленные, прежде всего, практическим опытом человека, его прагматическим отношением к неопределенным явлениям в жизни общества - таким явлениям, которые могут послужить причиной создания опасных и затруднительных ситуаций.

Таким образом, прагматический смысл, формируемый метафорическими выражениями слота «Облачность», в следующем: пути и направления политического и экономического развития нашего общества неясны, расплывчаты, оторваны от реальной жизни и, следовательно, опасны.

3. 3. 3. Подфрейм «Температура воздуха»

Источниками метафорического переноса в политическую сферу явились следующие концепты исходной сферы: *температура, температура пошла вверх, повышение градуса*.

Показатели температуры как величины, как меры энергии в СМИ является очень важным показателем состояния общества, экономики, отношений между государствами. Ср.: *9/11 по Фаренгейту – это температура, при которой замерзает демократия* (Е. Зубков // ТК НТВ. Новости. 17. 05. 04). *Градус политической активности был максимальный* (А. Бильжо// Истории в деталях. 23.04.2004). *Социальная температура в российском обществе пошла вверх* (Б. Комоцкий// Континент. 2002. №16). *Дипломатиче-*

скую карьеру В. Титоренко можно считать законченной в связи с **резким повышением градуса проамериканских настроений в российских верхах** (Завтра. 2003. №15). С приближением президентских выборов **политическая температура поднимается выше, да и страсти накаляются** (Т. Хряпина// Континент. 2001. №35). **Столбик накала политических страстей обратно пропорционален температуре воздуха**. Поэтому, когда за окном стоит египетская жара, политика с её галстуками, пиджаками и бурными дискуссиями вызывает у широкой общественности лишь повышенное потоотделение (Версия. 2002. №25).

Кроме того, учитывая пересекаемость и диффузность, типичные свойства метафорических моделей, к анализируемому нами подфрейму «Температура воздуха» фрейма «Метеоусловия» мы можем отнести метафорические выражения фрейма «Климат и погода», такие, например, как *потепление, оттепель, заморозки, подморозить, мороз*. Ср.: *Получается, что без жесткой формы это пространство не живет? Пока ее не скуешь морозом, эта почва не держится? Что ничего не выйдет из русской истории без заморозков? Что есть только две категории – территория и власть, между которыми заблудилось человечество* (А. Битов// НГ. 2003. №16).

Наметившаяся тенденция характеризовать состояние нашего общества через предельные температуры, повышенные или пониженные, позволяет говорить об исступленности в проявлении чувств, о бурном течении жизни как о национальных особенностях. Ср.: *У нас если мороз, то мороз; если жизнь, то кипение. Существовать в этом кипятке невозможно. Просто жить – мягко, умеренно, мило и чуть-чуть пикантно – не в российской традиции. Мы в этом кипятке варимся* (Версия. 2002. №50).

Так, в метафорических словоупотреблениях подфрейма «Температура воздуха» формируются прагматические смыслы об отсутствии в России спокойной, размеренной политической и общественной жизни. При этом важно отметить, что все приведенные нами примеры отражают не объективную реальность, а отражение этой реальности в национальном самосознании.

3.3.4. Подфрейм «Электрические явления в атмосфере»

Источником метафорической экспансии послужили концепты *гроза, грозовой, гром, первый гром, молния, вспышки молний, раскаты, грянуть, прогреть, отгреть*.

Данный подфрейм представлен метафорическими выражениями, соотносящими современные политические и экономические события с бурным ненастьем, сопровождающимся громом и молнией. Ср.: *Микроклимат – как перед грозой. Душно, темно, мерзко, молнии сверкают. Что нам делать с собой? Освободиться* (В. Новодворская// НВ. 2000. №16). *Время скучное. Но в плохом смысле. Скучное время бывает и хорошим, то есть спокойным, без потрясений. А сейчас оно, по ощущениям многих людей, спокойное, но спокойствие – как перед грозой. Что-то надвигается, а что – никто уловить не может* (М. Краснов // НВ. 2004. №32). *Раскаты финансового грома дополняются и вспышками политических молний* (А. Нагорный// Завтра. 2002. №33). *Центральным событием внутривнутриполитической жизни стала инициатива председателя Центризбиркома Александра Вешнякова, предложившего совместить региональные выборы конца 2003 – начала 2004 года с президентскими. Через два дня, когда отгремели раскаты первой реакции, были сделаны оговорки* (Консерватор. 2002. №4). *Первый гром прогремел в 1998-м: ущерб от наводнения, по оценке руководства республики, составил тогда 872,5 млн. рублей* (В. Любицкий// Век. 2001. №48). *Дальнейшее безмолвие народа будет означать ожидание ответа, ожидание добрых новостей о делах, решениях. А если ответ не последует, то это молчание может стать грозовым и, дай Бог, России дожждаться ответа, а не грозы* (КП. 2002. №187). *Грозу обещают в начале мая. Из «случайных» обмолвок и заговорщицеских подмигиваний следует, что уже в начале мая или, в крайнем случае, на рубеже мая и июня надо ожидать больших кадровых перемен* (Е. Дикун// ОГ. 2001. №17).

Анализ метафорических словоупотреблений показывает, что концепты *гром, гроза, раскаты, молния* служат своего рода приметой уже произошедших или еще только возможных бурных общественно-политических событий в стране. Большую роль в формировании оценочного потенциала метафорических выражений играют ассоциативные коннотации страха, неуверенности за свою жизнь: в наивной картине мира гром и молния посылаются людям в наказание за их грехи; интерпретируя сны, вспышку и молнию соотносят с образами событий неожиданных и ужасных [Жюльен 2000: 254]. Метафорический перенос происходит благодаря смыслам «бурное проявление», «угроза», «ужасный, страшный, дикий».

Встречаются случаи использования метафор данного слота в составе заголовков: *Прогноз погоды: пока гром не грянет* (А. Рас// Век. 2000. №49).

Использование прецедентного текста создает как бы ситуацию диалога: авторы предлагают читателю самому закончить известную пословицу «пока гром

не грянет, русский мужик не перекрестится» и прийти к выводу о необходимости решительных действий, пока события не приняли серьезный и необратимый характер.

Осмысляя ситуацию в стране как неприятную и даже опасную, СМИ предупреждают о возможности еще более серьезного развития событий и настраивают участников политической коммуникации подготовиться к ним заранее, чтобы не быть застигнутыми врасплох (ср.: *искать один громоотвод за другим*), либо пытаться влиять на ситуацию.

3.3.5. Подфрейм «Оптические явления в атмосфере»

Источником метафорических выражений становятся концепты, связанные в представлении носителей языка с необычными световыми явлениями в атмосфере: *мираж (таять, рассеиваться, растворяться), радуга, радужный, забрезжить, заря, рассвет, закат*.

Исходные концепты, развернутые в метафоры, продуцируют различные образы и оценки. Так, например, негативные ассоциации вызывает у адресата метафорическое использование концепта *мираж* – появление в атмосфере мнимых изображений. Ср.: *Я, кажется, поняла, что такое в наших условиях социал-демократия. Это мираж. И действия, и правда миражу противопоказаны. Он – иллюзия. И может рассеяться* (В. Новодворская // НВ. 2000. №12). *Мираж в восемь миллиардов долларов. Доллары дали, но хочется больше* (М. Салих // ОГ. 2002. №12). *Мираж либерализации. Российское валютное законодательство станет либеральным лишь с 2007. А пока бизнес получил новые обязанности по резервированию средств в Центробанке* (Е. Шохина // Эксперт. 2004. №24). *Вряд ли и чукчи, и ненцы обольщаются относительно радужных перспектив* (Т. Камоза // НВ. 2001. №10).

В процессе метафоризации элиминируются смыслы «необычность», «эффектность», «красочность» и актуализируются смыслы ложности: обманчивый призрак чего-нибудь, нечто кажущееся, а именно: невыполнимые обещания, мнимые общественные идеи и политические направления – образно представляются как *мираж*.

Следует, однако, отметить, что негативные коннотации нередко снимаются в контексте. С одной стороны, метафора может использоваться для характери-

зации экономических, государственных отношений в других странах, следовательно, считают СМИ, оторванность от реальной жизни, вера в несбыточные мечты чужды русскому народу и не имеют национального характера. С другой стороны, указывается на ограниченный, временный характер подобных явлений: мираж имеет свойство *рассеиваться, растворяться, таять*. Ср.: *Сегодня, в знойных песках Ирака растворяется, тает, как мираж, на глазах всего человечества великий американский миф. Миф о самой сильной, самой демократичной, самой свободной и так далее и тому подобное Америке* (Б. Комоцкий// Континент. 2003. №13).

Обращает на себя внимание созданная в дискурсе СМИ оценочная оппозиция *заря – мираж*. Метафорические словоупотребления концепта *заря* имеют ярко выраженный позитивный прагматический потенциал (*заря демократии, заря свободы*), так как характеризуют зарождение чего-то нового, радостного, связанного чаще всего с понятием «национальная, русская идея». Ср.: *Цель, которая стоит перед Россией, подобна негаснущей вечерней заре; она отступает иль, наоборот, нестерпимо ярка, скрывается при всяком приближении к ней, и если мы до сих пор не можем ухватить ее за крыло, это не говорит о том, что цели нет, что мы живем пустыми миражами и сочиненными мифами, но что она грандиозна и неохватна для голоручья – обожжешься, - мы еще не готовы овладеть ею, как своею, ибо не вполне пока русские* (В. Личутин// Завтра. 2001. №52). *Нам в России больше не нужно миражей – мы должны понимать, к какому именно будущему мы стремимся* (Г. Явлинский// ОГ. 2001. №52/1).

Как видно, превалирующее положение в сфере-источнике метафорической экспансии «Метеоусловия» занимают концепты фрейма «Ветер», что характеризует политическую и социальную ситуацию в стране как неустойчивую, нестабильную.

3. 4. Фрейм «Времена года»

При характеристике политической ситуации в стране метафорически используются слова, обозначающие времена года и названия месяцев: *весна, лето, август, осень, зима* (данные о частотности концептов см. Приложение 1 сх. 30).

Концепт *весна* имеет ярко выраженную позитивную окраску, поддержанную фоновыми и ассоциативными знаниями, и характеризует ситуацию в стране как время общественного подъема и обновления. Ср.: *Весна надежды нашей. На Черноморском побережье Кавказа наступает весна мира и созидания* (И. Сизов// Кон-

тинент. 2003. №14). *В парламент пришла весна. Весной чистота законотворчества выше* (П. Крашенинников// Век. 2002. №3). *Демократическая весна 1990-го* (Б. Вишневецкий// НГ. 2004. №16).

Анализ метафорических словоупотреблений концепта *лето* показал, что, попадая в зону метафорической экспансии сферы «Политика», данный концепт теряет свою исходную позитивную окрашенность. Все встреченные нами примеры являются развитием известного фильма «Холодное лето 53-го года». Память исторических событий, воссозданных в фильме, оказалась настолько сильной, что подавила и научное (время года), и наивное (радостное, счастливое время года) понимания и актуализировало только культурологический образ. Ср.: *Холодное лето 2003* (В. Воронов// НВ. 2003. №12). *Жаркое лето 2003-го. Чего нам ждать* (Версия. 2003. №15). *Игры перед катастрофой. Политическое лето 2002 года обещает быть жарким* (Завтра. 2002. №27). *Россия – Чечня. Жаркое лето 2001 года* (И. Дементьева// ОГ. 2001. №30). *Центробанк шагает к очередному дефолту? Холодное лето 98-го №2* (А. Полухин // НГ. 2004. №48).

Активно употребляемое в дискурсе СМИ метафорическое выражение *холодное лето* становится знаком, символом тревожного ожидания, неизвестности. В связи с чем развиваются следующие прагматические смыслы: в стране возможны чрезвычайные, неординарные события, которые могут повлечь за собой непредсказуемые последствия.

Подобные выводы поддерживаются и развиваются метафорическими словоупотреблениями концепта *август*. Ср.: *Политическое лето в России иногда бывает жарким, почти всегда кратким, но никогда (пока?) плодотворным. И все потому, что не привыкший к жаре российский человек, переживает всякий июль и тем более август всего лишь как ожидание, предчувствие* (А. Постников// НВ. 2003. №11). *Август – это революция. Можно сказать, продолжение, очередной акт бесконечной Русской Революции* (Д. Драгунский// НВ. 2001. №34). *Те, кто остался демократами, имеют свой счет к Августу* (Е. Трифонов// НВ. 2001. №33). *Досрочный август. Если ЦБ не займется активным рефинансированием экономики, то банковский кризис станет лишь вопросом времени* (Я. Галухина// Эксперт. 2004. №26). *Нам могут подготовить очередной август в условиях, когда страна не оправилась от предыдущего* (С. Обухов// Континент. 2002. №12). *Минэкономразвития обещает всемирное 17 августа* (С. Обухов// Континент. 2001. №28).

В российской истории так сложилось, что именно на последний месяц лета приходится печальные и экстраординарные события: захват Кремля поляками в

1610 году, Первая мировая война, советско-германский пакт 1939 года, возведение Берлинской стены в разгар «берлинского кризиса» 1962 года между НАТО и Варшавским договором, ввод войск стран Варшавского Договора в Чехословакию в 1968 году, ГКЧП в 1991 году, дефолт 1998 года, трагедия с атомоходом «Курск», пожар на останкинской телевизионной башне. Примеры хрестоматийные, и они объясняют, почему август считается в СМИ символом катаклизмов и почему у демократов *свой счет к Августу* – нежеланию и/или неумению правительства предопределять ход исторических событий. Ср.: *Все возможные астрологи нам опять что-то каркают про катаклизмы в августе уже нынешнего года. Многие в России молятся, чтобы хоть в этом году пронесло с катаклизмами. Тьфу, тьфу, тьфу...* (С. Обухов// Континент. 2001. №33). *Лето считается порой политического штиля, но посреди – в августе, как правило, – случаются бури. В этом году буря намечается на 2 августа, когда законопроект о замене льгот денежной компенсацией будет проходить второе, а может быть, и третье чтение* (И. Барабанов // НГ. 2004. №53).

Концепт *осень* активно используется для метафорической концептуализации сферы политики, государственной деятельности и экономических отношений. При метафорической характеристике деятельности властей актуализируются ассоциативные смыслы «подведение итогов» (апелляция к прецедентному высказыванию «цыплят по осени считают»). Ср.: *В Чечне нашла коса на камень. Пришла наша осень, пора считать цыплят* (В.Чудов// НВ.2002.№51). *Премьер может считать макроэкономических цыплят по осени текущего года* (А.Зубанов// НВ. 2002. №45). *Осеннее всепрощение. Россия отдает свои долги и готова забыть чужие* (Н.Иванов// Век. 2001. №35). *Посвященные журналисты поспешили объявить, что у «партии Селезнева» нет шансов. Во-первых, еще не осень. Во-вторых, в приличном обществе не принято мериться, у кого административный ресурс длиннее* (В.Лебедев// Россия. 2003. №15).

При характеристике сферы финансов концептами *осень*, *листопад* метафорически представлено возможное падение курса американского доллара. Ср.: *С тех пор тема всемирного опадания американской «зелени» не только не увяла, но в последнее время получила развитие. Не отрицая объективной возможности осеннего «зеленого» листопада, все же больше верится в версию о психологической атаке на отечественных держателей иностранной валюты* (С.Обухов// Континент.2001. №28).

Отсутствие свободы в дискурсе СМИ представлено метафорой *зима*. Часто актуализируется противопоставление *сталинская зима – хрущевская оттепель*. Ср.: *Гамлет Пастернака и Смоктуновского, только что оттаявший после сталинской*

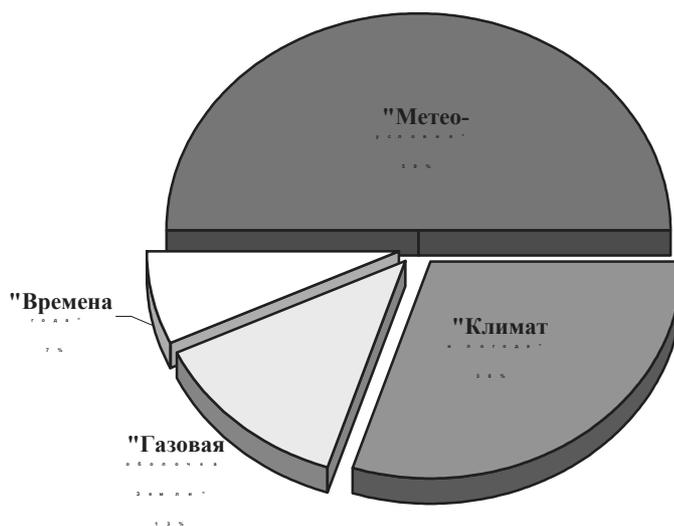
зимы, еще дышал теплом и табачным дымом диссидентской кухни (В. Новодворская// НВ. 2002. №51). *Зима олигарха. Свой крах Березовский намерен обратить в новую «горячую точку» на Кавказе* (М. Глобачев// НВ. 2000. №7).

Таким образом, оценочный потенциал метафор фрейма «Времена года» определяется фоновыми знаниями внеязыковой действительности. Характеризуя различные процессы, происходящие в обществе, как смену времен года, журналисты формируют следующие прагматические смыслы: современное общество развивается циклично; время бурного прогрессивного развития, качественного обновления сменяется периодом тяжелых кризисов и трагедий, однако, как бы тяжело ни было, стране придется подводить итоги, возвращаться к прожитому, чтобы иметь возможность развиваться дальше.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

1. Проведенный нами анализ показал, что метафоры с концептуальной сферой-источником «Атмосферы» оказались одними из наиболее востребованных в дискурсе средств массовой информации 2000 – 2004 гг.

В состав сферы-источника «Атмосфера» входят «Газовая оболочка Земли», «Климат и погода», «Метеоусловия» и «Времена года». Соотношение фреймов отражено на диаграмме.

2. В процессе функционирования метафор с исходной концептуальной сферой «Атмосфера» происходит наложение концептуальной сети погодной поня-

тийной сферы на частично структурированные в обыденном сознании носители языка области политики, экономики, общественных отношений. В результате чего, во-первых, осуществляется докатегоризация сферы-магнита, а во-вторых, происходит категориальный сдвиг – разрушение стандартных представлений о некоторых фрагментах действительности (власть как *плохая погода*, Вл. Путин как *Илья-пророк, повелитель ветров*; закон как *зонтик*). Так, в дискурсе современных российских СМИ образуется метафорическая модель «Состояние российского общества – это состояние атмосферы».

3. Широко используя метеонимную лексику (метафоры фрейма «Метеоусловия» составляют 50%) для обозначения элементов политической, экономической, социальной и духовной жизни, журналисты представляют ситуацию в стране как изменчивую, непостоянную, плохо прогнозируемую, но в то же время динамично и циклично развивающуюся. Способность метафоры влиять на процесс принятия решений, задавать множество возможных выходов из кризиса проявляется на уровне данной модели в следующем: проблемную ситуацию можно предсказать, основываясь на аналитической оценке или на интуиции; однако, если избежать опасной ситуации не удастся, лучше всего не сопротивляться, а попытаться защитить себя.

4. Кроме того, метафорическая модель актуализирует ценностные бинарные оппозиции: свобода – несвобода, вера – разочарование. Репрезентация данных абстрактных оппозиций происходит с помощью ключевых метафор: атмосфера, воздух – вакуум; оттепель – заморозки, весна – зима, свежий ветер перестройки – сквозняк, суховей, что обуславливает сверхметафоричность дискурса средств массовой информации. Таким образом, доминантные концептуальные метафоры модели «Состояние атмосферы – это состояние общества» вводят адресата в контекст современной политической и культурной жизни и концептуализируют ценностные ориентиры современного общества: свобода, право, мораль, духовная, интеллектуальная жизнь.

ГЛАВА 4. Взаимодействие метафорических моделей с концептуальной областью-источником «НЕЖИВАЯ ПРИРОДА» в российских средствах массовой информации 2000 – 2004 гг.

В предшествующих главах нами было представлено детальное описание системы метафор, созданных на базе концептуальной области «Неживая природа» и функционирующих в дискурсе средств массовой информации. Основная задача настоящей главы – исследование закономерностей взаимодействия метафорических моделей в конкретных текстах.

В работах Е. В. Колотниной [2001], А. Б. Ряпосовой [2002], А. П. Чудинова [2001, 2003] были выявлены основные виды развертывания метафорических моделей в пределах текста: ярко выраженное доминирование одной модели, параллельное развертывание в тексте двух – трех моделей и отсутствие метафорической доминанты.

В первом случае в тексте происходит многоаспектное развертывание метафор, принадлежащих к разным фреймам (а иногда даже – к одному фрейму) одной модели, приобретающей функцию метафорической доминанты. Доминантные метафорические модели не только участвуют в обеспечении связности и цельности текста, усиливают его эстетическую значимость и прагматический потенциал – они становятся мощным средством воздействия на адресата, способом преобразования в его сознании политической картины мира [Чудинов 2003: 158].

По наблюдениям А. П. Чудинова, основными признаками доминантных моделей являются: высокая частотность использования соответствующих им концептов; развернутость (представленность в тексте разнообразных фреймов, слотов и концептов) и рассредоточенность (использование соответствующих метафор в различных частях текста). Кроме того, в качестве дополнительных могут выступать следующие признаки: применение не только стандартных, традиционных, но и ярких, индивидуально-авторских образов, привлекающих внимание читателей; реализация соответствующих метафор в наиболее сильных позициях текста (заголовков, первая и последняя фразы текста в целом и – в

меньшей степени – его структурно-композиционных частей, шрифтовые выделения и др.) [Чудинов 2003: 130, 157].

Второй вариант развертывания метафорических моделей предполагает, что в составе текста сосредоточены метафоры, принадлежащие к нескольким параллельным или оппозиционным моделям. Основы для взаимодействия моделей могут быть различны: например, спортивным и военным метафорам свойственны общие концептуальные векторы соперничества и агрессивности; общий агрессивный прагматический потенциал объединяет также модели со сферами-источниками «Мир животных» и «Криминал». Подобное взаимодействие позволяет характеризовать предмет речи однопланово, акцентируя конфликтную сторону фиксируемого явления.

В последнем случае анализ метафорической системы текста не позволяет выделить доминирующие модели: автор использует разнообразные метафоры, но ни одна модель не воспринимается как ведущая, активно реализующаяся в различных частях текста с использованием разнообразных фреймов. Однако в таком тексте обнаруживаются концептуальные векторы, сближающие, казалось бы, совершенно различные модели. Так, концептуальный вектор противоборства, соперничества объединяет метафорические модели с исходными понятийными сферами «Война», «Криминал», «Спортивное состязание», «Физическое воздействие», «Развод», что делает возможным использование метафор данных моделей в текстах, представляющих сложные, противодействующие отношения, например, между государственной властью и капиталом.

Анализируя роль концептуальной метафоры в организации конкретных речевых произведений, мы обратили внимание на связь метафорических моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа» с моделями, созданными на базе других концептуальных областей, а также на особые взаимоотношения средств иконического языка (рисунков, фотографий, карикатур) с метафорической структурой текста. Учитывая тот факт, что традиционные, вербальные тексты и «нетрадиционные» тексты, то есть те, в организации которых наряду с вербальными применяются иконические средства, являются поня-

тиями разного уровня, мы посчитали необходимым в своем анализе опереться на классификацию речевых произведений, предложенную К. Гаузенблазом. Исследователь предлагает выделять два вида речевых произведений.

1. Речевые произведения (относительно) независимые, «самодостаточные». К ним относятся речевые произведения, представленные языковыми манифестациями, в которых паралингвистические средства (мимика, жесты, рисунки, фотографии, иллюстрации и др.) не участвуют в создании сообщения.

2. Речевые произведения, (относительно) независимые от ситуации, но включающие, кроме лингвистических средств коммуникации, также и нелингвистические средства. В таких произведениях широко применяются паралингвистические средства, выступающие в качестве сопутствующего фактора (например: рисунок, сопровождающий описание) или в качестве средств, несущих собственную информацию [Гаузенблаз 1976].

В зависимости от типа исходной понятийной сферы, задействованной в организации метафорической системы независимых, «самодостаточных» текстов, мы выделили два основных варианта взаимодействия метафор в политических и экономических текстах: между моделями с различными сферами-источниками; между моделями с одинаковой сферой-источником.

В последующих параграфах рассмотрение основных типов возможного взаимодействия метафорических моделей с исходной концептуальной областью «Неживая природа» будет вестись по следующей схеме:

1. Взаимодействие между метафорическими моделями в независимых, «самодостаточных» текстах:

– взаимодействие между метафорическими моделями с различными сферами-источниками (полисферные тексты);

– взаимодействие между метафорическими моделями с одинаковой сферой-источником (моносферные тексты).

2. Взаимодействие доминирующей метафорической модели с визуальной частью креолизованного текста.

4. 1. Взаимодействие между метафорическими моделями, созданными на базе различных концептуальных областей-источников

Специфика первого из выделенных нами типов взаимодействия метафорических моделей состоит в том, что в составе текста происходит развертывание метафор, принадлежащих к нескольким параллельным или оппозиционным моделям, созданным на базе разных концептуальных областей.

Рассмотрим в качестве примера две публикации В. Новодворской «Биологический цикл» и «Кто платит за все», опубликованные в журнале «Новое время» (см. Приложение 2). Заметим, что В. Новодворская – представитель наиболее заметных крайних антиправительственных оппозиционеров, призывающих «все независимые общественные организации и движения сплотиться в единый фронт демократических сил».

В первой статье содержится аналитическая оценка ситуации, которая сложилась в нашей стране с прессой как выразителем принципов свободы слова и гласности: отмечается низкий уровень печатных изданий, их зависимость от властных структур.

Метафоричны название рубрики (*свободный полет*), сам заголовок и первый абзац статьи – цитата из стихотворения Р. Бернса, провоцирующие любопытство и интерес читателя. Заголовок рассматриваемой статьи относится к метафорической модели с исходной областью «Живая природа» и задает метафорическую картину смены одного состояния другим. Биологический цикл – это поэтапное развитие, становление и, как следствие, упадок. Из текста становится понятно, что *биологический цикл* – это этапы развития прессы, связанные в первую очередь с изменением интереса читателя, *жаждущего «развлеканса» и «отвлечанса»*.

Отрывок стихотворения Роберта Бернса в начале статьи словно сообщает изобразительность той информации, которую передает автор, и может быть рассмотрен как эпиграф, содержащий перспекцию: *«Но осень трезвая идет, и, тяжело нагружен, поник под бременем забот, согнулся старый Джон. Настало время помирать, зима недалеко, и тут-то недруги опять взялись на старика»*.

Обращение к неизвестному широкому кругу стихотворению британского поэта настраивает читателя на то, что в статье речь пойдет о вещах, понятных далеко не всем. Намеренно введенная автором цитата выполняет двоякую функцию: с одной стороны, мы сразу понимаем, что эта статья не обывательского характера, с другой стороны, обращается внимание на определенный этап цикла – осень, связанную в нашем сознании с приближающимся концом жизни. В статье развивается следующий сценарий: сначала появляются желтые листья, затем дерево вянет, и, наконец, начинается листопад.

Задав метафорический образ, В. Новодворская переключает внимание читателя на состояние современной прессы, проблемы которой заключаются в потребительском отношении к периодическим изданиям со стороны читателя, в отсутствии желания у самих журналистов заниматься серьезными темами, требующими осмысления и анализа, в давлении со стороны властных структур.

Метафора *желтая*, содержащая негативную оценку лживой, продажной, низкопробной, падкой на дешевые сенсации прессы, получает развитие в тексте, становясь сильным языковым средством концептуального воздействия на адресата речи. Ср.: *Осень существует и для гласности, с которой на наших глазах опадают листочки. Прямо-таки биологический цикл; сначала пресса делается желтой, начинает писать о вернисажах, высокой моде и конкурсах красоты, светских скандалах и отдыхе депутатов на Багамских островах.*

Невозможность свободно, в полной мере выражать свои мысли связывается в сознании автора с процессом увядания, гибели дерева. Свобода слова современного журналиста находится под властью чиновников, губернаторов, министров; в стране создана только видимость гласности, считает В. Новодворская. Образ близкой гибели усилен вкраплением метафор из области-источника «Неживая природа»: *зима, холода, свежие утренники*, – имплицитно представляющих концептуальную метафору «несвобода – это заморозки». Ср.: *Пресса вянет: пропадает и хрустит на властных зубах свежими авторитарическими утренниками, – сначала у нее пропадает всякое желание лезть к власти с роковыми вопросами и писать на нее пасквили (особенно после парочки пресс-конференций первого лица и соответствующей реакции на неуместные «пресные» вопросы).*

Закрытие одних газет, судебные иски к другим, наиболее непокорным, обозначаются метафорой *листопад*: *Потом начинается хорошо известный из русской классической литературы листопад. «Унылая пора! Очей очарованье!» Почему падают листья, падают задолго до холодов? Почему вянет пресса, почему злой рок настигает как известные столичные издания типа «Новой газеты» или «Общей газеты», так и безвестных «Красных тундровиков»? Биологический механизм дерева инстинктивно, генетически, предчувствует зиму. Так заложено и предначертано: листья должны опсть, иначе дерево не переживет зиму.*

Автор воспринимает *осеннюю пору жизни* прессы как неизбежный итог, предвестник близкой и/или возможной гибели: *сместят тех, кто прогневал Кремль; это ликвидация свободомыслия; «нас всегда заменяли другими, чтобы мы не мешали вранью».* Однако указание на цикличность, вынесенное в заголовок, а также появившаяся в конце статьи аналогия со временами Ельцина, когда был расцвет, *весна* печатных СМИ, содержат скрытый намек на дальнейшее возрождение.

Укажем, что в составе текста происходит развертывание двух доминирующих метафор, принадлежащих оппозиционным моделям природы и механизма. Если первая половина рассматриваемой публикации насыщена природными метафорами (живой и неживой природы): *осень, опадают листья, падают листья задолго до холодов, биологический механизм дерева, биологический цикл, вянуть, свежие утренники, листопад* и др., – то во второй части статьи активизируется механистическая метафора: *автоматика, включается реле, механизм регуляции, осуществлять дистанционно, транслятор, микрофон, машина набрала скорость* и др. Изменения, происходящие в прессе (и с прессой), моделируются уже не как естественный биологический цикл, развивающийся сам по себе независимо от вмешательства человека, а как автоматический процесс, заданный человеком, набирающий скорость инерционно.

Основой для взаимодействия рассматриваемых моделей служит их абсолютное противоречие: сознательно сталкивая эти метафоры в одном тексте – метафоры природы в начале статьи, метафоры механизма в конце статьи – автор ставит проблему, пытается вскрыть невидимую для глаз стороннего наблюдателя подоплеку событий, подвести к возможным следствиям. Поэтому абсолютно не случайно в середине статьи появляются образы с яркими концептуальными векторами агрессивности, нездоровья: *брат к ногтю, гнуть в*

бараний рог, измерять температуру в редакции и прикидывать, не следует ли эвакуировать журналистский коллектив, зачистка, локальные разборки.

Намеренное столкновение метафор разнонаправленной прагматики служит не столько для организации связности текста, сколько для передачи отношения самого автора, для создания сильного эмоционального отклика-потрясения у читателя. Ср.: *Весной – зеленая листва, осенью – листопад, желто-красный ковер, голые ветви. Это даже красиво и поэтично. Внушает и вдохновляет. Журналисты, главные редакторы, пресс-секретари, министры печати, чиновники из провинции, заведующие по губернаторскому мандату местной прессой, – они тоже знают. Чувствуют. Кожей, памятью, порой, задницей.*

Так, одной из главных риторических фигур, используемых В. Новодворской, становится антитеза. Например, в публикации «Три сезона российского времени: оттепель, стужа, листопад» противопоставляются *бесконечные, ржавые, тяжелые, окровавленные солженицынские кирпичи* в прозе и *легкие, печальные, прекрасные опавшие листья* любимовской поэтики (НВ. 2004. №29).

Яркой характеристикой дискурса СМИ являются прецедентные феномены. Прецедентность в лингвистике определяется как «процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества» [Немирова 2003: 146]. В. В. Красных в работе «Виртуальная реальность или реальная виртуальность?» выделяет следующие признаки феномена прецедентности: «хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном плане); обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 1998: 51]. В работах В. В. Красных [2002] и Д. Б. Гудкова [2003] представлена следующая классификация прецедентных феноменов: прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя.

В анализируемой нами статье встречаются все типы прецедентных феноменов. Как правило, при употреблении в тексте прецедентных имен, исторических и литературных (*А. С. Пушкин, В. Высоцкий, Разин, Пугачев, Бабицкий, Пасько,*

Лариса Юдина и др.), апелляция осуществляется не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени (это могут быть черты характера, внешность, возможная связь с прецедентной ситуацией). Например, гибель журналиста, главного редактора оппозиционной газеты «Утро Калмыкии», Ларисы Юдиной, раскрывшей факты коррупционной деятельности президента Калмыкии К. Илюмжинова, связывается в сознании адресата с ликвидацией свободомыслия.

Ср.: *И будут они «лишенцами» а что сей термин для жизни означает, мы знаем с конца 20-х годов». «Ну ладно, Разин и Пугачев были разбойники, боевики, экстремисты. Но ведь те же мотивы были и у Анны и Каиафы, когда они судили Иисуса!».* **«Выдай комиссара – и получи награду в рейхсмарках. Или еврея. Или журналиста.** Таковы примеры использования в статье прецедентных ситуаций – хорошо известных исторических событий, ситуаций, следственные признаки которых запечатлены в русском общественном сознании: сталинские репрессии, суд над Христом, немецкий плен во время Великой Отечественной войны, гонения евреев, гибель независимых журналистов и др.

При помощи прецедентного высказывания римского историка 1 в. н. э. Корнелия Тацита *«sine ire et studio»* выражено основное требование к прессе, функционирующей в зрелом демократическом обществе, – беспристрастность, независимость.

По словам С. И. Сметаниной, используемые в тексте прецедентные феномены «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. Отметим, что для всех публикаций В. Новодворской характерны скрытые и откровенные цитаты, реминисценции, аллюзии, прецедентные метафоры. Однако обилие прецедентных феноменов не создает ощущения нагромождения, а, напротив, способствует усилению заданного и производимого статьей впечатления. Автор рассчитывает на дискурсивное восприятие своего текста, на компетентного, посвященного читателя, хорошо знакомого не только с историей нашей страны, с литературой, но и с политическими взглядами самого автора. В другой своей публикации («Да славен будет жареный петух». НВ. 2004. №30), рассуждая о том, почему поэзия Вл. Высоцкого, Б.Окуджавы,

А. Галича обречена оставаться уделом немногих, В. Новодворская пишет: *«Поколение X и поколение Next поют уже не их. Тонкие, умелые, нездешние, взыскующие свободы и западных ценностей, переполненные историческим контекстом и подтекстом, требующим для дешифровки хорошей образованности – они как раз та жемчужная россыпь, которые никогда не будут нужны описанному еще в Евангелии электорату»*. К сожалению, сказанное В.Новодворской в полной мере относится и к ее текстам, насыщенный пронизанным метафорическими смыслами, не только интракультурными, национально-русскими, но и интеркультурными.

Итак, основная коммуникативная задача В. Новодворской в анализируемой нами статье – дать аналитическую оценку современному состоянию прессы, указать причины негативных ситуаций и возможные из них следствия. С этой целью автор использует антитетическое взаимодействие двух доминирующих метафорических моделей с исходными концептуальными областями «ПРИРОДА (живая/неживая)» и «МЕХАНИЗМ». Развернутая и организованная система метафор, построенных на контрасте, обладает сильным воздействующим эффектом, участвует в создании общего эмоционального фона. Милитарные и криминальные метафорические словоупотребления, прецедентные имена и события, введенные в середину статьи, актуализируют отрицательные стороны поднятой автором проблемы, способствуя тем самым перестройке категориальной структуры в сознании адресата. Если началу и концу статьи характерно расширение объема метафоричности, определяемое высокой частотой использования метафор, развернутостью метафорических моделей, то в середине статьи происходит сужение объема метафоричности. Такой способ метафорической организации текста условно можно с принципом действия «песочных часов». Несколько иной характер взаимодействия метафорических моделей с разными сферами-источниками представлен в другой публикации В. Новодворской «Кто платит за все»: сначала объем метафоричности расширен, а к концу статьи происходит его сужение.

Заголовок «Кто платит за все» не указывает прямо на предмет речи, однако вынесенные в качестве фона строки определяют основную тему: *Входной билет в перестройку народ не покупал, цена свободы не была уплачена. Что-то должно было случиться. И случилось.*

Статья написана к десятилетию ГКЧП и содержит метафорическое осмысление политической ситуации 1991 и 1993 гг. В начале статьи доминирующее положение занимают метафорические модели с исходной концептуальной областью «Неживая природа», развернутые по нескольким фреймам: «Состояние российского общества – это состояние атмосферы» («фреймы «Климат и погода», «Прогноз погоды»), «Развитие России – это состояние и движение воды» (фрейм «Твердое состояние воды: лед»). Развернутый метафорический образ служит для передачи ощущений смутной тревоги и догадки, предвещающих события 1993. Ср.: *Это не было неожиданностью. Мы все ждали чего-то в этом роде. Мы твердо знали, что оттепели в России кончатся морозом... Мы ждали, когда же все кончится. Высилась по-прежнему ледяная глыба Лубянки, этот вечный айсберг для советских реформаторских «Титаников». А утренники встречали морозом и хрустели на зубах: то в Тбилиси, то в Баку, то в Вильнюсе. Не было грома среди ясного неба. Был давно предсказанный прогноз погоды: циклон, штормовой ветер, град.*

В концептах мира окружающей человека неживой природы осознаются не только политические реалии: (КГБ, силовые структуры советского государства – это *ледяная глыба, айсберг*; подавление массовых выступлений против существующей власти – это *утренники*), но и абстрактные понятия, являющиеся базовыми для менталитета русской нации и поэтому особо интересующие В. Новодворскую (свобода – это *оттепель*, несвобода – это *мороз*). Прецедентное имя «Титаник», возникшее под влиянием прецедентной ситуации (гибель суперлайнера «Титаник» в 1912 году) и актуализированное прецедентным текстом (фильм Д. Кэмерона), используется для характеристики действий, направленных на преобразование основ существующего социального строя, и приобретает символический смысл: «Титаник» – это разрушение, гибель реформ. Надо заметить, что образ терпящего бедствие «Титаника» как образ государства, переживающего тяжелые последствия экономических и общественно-политических кризисов, в дискурсе СМИ не нов. Так, А. Н. Баранов в «Очерке когнитивной теории метафоры», анализируя роль политической метафоры в создании целого ряда карикатур, приводит следующий пример: «В одной из карикатур А. Меринова по мотивам метафоры *корабль перестройки* изображен

корабль «Перестройка», но табличка с названием корабля покосилась, и видно старое название «Титаник» [Баранов, Караулов 1991: 192].

В основном тексте эпизодически встречаются метафоры, восходящие к другим понятийным сферам: монархия (*доброхотные даяния добрых монархов тают в руках их граждански девственных подданных*); зрелище (*купить входной билет, сценарий*); религия (*алтарь, жертвенник*), экономика (*уплата пошлины*), тюрьма (*койко- и нарместа, скудная пайка*), железная дорога (*полустанок, въехать на всех парах*), животные (Д. Сахаров – *степной волк*). Все эти образы, значительно уступая метафорам доминантной модели в количестве, тем не менее, благодаря актуализации фоновых знаний, играют существенную роль в усилении воздействующего эффекта на читателя.

Отметим, что активное функционирование в начале статьи доминантных моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа», развертывающихся по нескольким фреймам и слотам («Климат и погода», «Прогноз погоды», «Твердое состояние воды: лед»), постепенно снижается к концу текста. Подобный текстовый прием развертывания метафорических моделей (начальное расширение и постепенное сужение объема метафоричности) соотнесем с «перевернутым конусом».

Таким образом, мы рассмотрели тексты, где в представлении предмета речи участвуют метафоры, относящиеся к метафорическим моделям с различными сферами-источниками. Нами было выявлено два основных варианта такого взаимодействия:

1. Столкновение доминантных метафорических моделей с разнонаправленной прагматикой (антитетическое взаимодействие метафор с исходными концептуальными областями «ПРИРОДА (живая/неживая)» и «МЕХАНИЗМ», подкрепленное милитарными и криминальными метафорами).

2. Параллельное развертывание доминантных метафорических моделей с однонаправленной прагматикой в начале текста (область-источник «Неживая природа» сферы «Вода» и «Атмосфера») и разнообразие метафорических вкраплений в основной части текста, усиливающих воздействующий потенциал ведущих моделей.

В заключение отметим, что многоаспектное взаимодействие метафор с различными сферами-источниками, не нарушая единую образную структуру текста, способствует выражению авторского отношения и формированию общего эмоционального настроения у читателя.

4. 2. Взаимодействие между метафорическими моделями, созданными на базе концептуальной области-источника «Неживая природа»

В дискурсе средств массовой информации встречаются тексты, в которых происходит развертывание нескольких метафорических моделей, базирующихся на образах неживой природы. Доминантные метафоры моделей в этом случае располагаются по всему тексту, участвуя в создании равномерного метафорического объема текста. Подобный текстовый прием развертывания смежных метафорических моделей у словно соотнесем с понятием «цилиндра».

Рассмотрим пример текста, в котором взаимодействуют метафоры, созданные на базе концептуальных сфер-источников «Атмосфера», «Вода», «Космос». Публикация В. Новодворской «Пожизненно и условно» (см. Прил. 2) посвящена проблемам взаимоотношений государства и независимых телевизионных каналов. В рассматриваемой статье политика государства по отношению к каналу ТВ-6 укладывается в следующий сценарий: есть неугодный государству олигарх Б. Березовский, который является мажоритарным акционером канала; государство предлагает телевизионщикам отречься от опального владельца, обещая взамен всевозможные блага: *телекомпания получит от государства большую метровую волну, прямо-таки девятый вал, а вместо утраченного нечистого олигархического приданого будет осыпана золотым дождем экологически чистых бюджетных денег (исключительно за красивые глаза Евгения Киселева) и поплывет по теплым водам управляемой демократии, куда ей вздумается.*

Образ благополучия, обещанного государством телеканалу, автор создает при помощи концептов области-источника «Неживая природа» (*большая волна, золотой дождь, теплые воды*). Позитивные на первый взгляд природные концепты тем не менее содержат скрытую иронию, даже насмешку автора и позво-

ляют передать подлинные намерения властных структур. Так, образ *девятого вала* – сильной волны, часто катастрофической, разрушительной силы – в дискурсе СМИ используется для номинации открыто негативных, часто страшных явлений, таких, как коррупция, финансовые кризисы, засилье иностранной валюты, черный пиар и др. *Золотой дождь денег* – не приносит радости и облегчения, потому что быстро и бесследно проходит, не оставляя чувства удовлетворения. И, наконец, *управляемой демократии*, как известно, быть не может.

В качестве подтверждения правильности сделанных нами выводов дальше в статье появляются метафорические образы с ярко выраженной негативной окраской – *туча* (опасность), *гроза* (общественно-политические потрясения), *болото* (застой), *август* (месяц экономических, финансовых и банковских катастроф). Ср.: *Блистательная и очень нужная власти, и народу, и интеллигенции программа «Итого» уже пала жертвой стрессов, терзаний и грозowych туч бурного постъельцинского периода... Российское массовое «болото», темные силы «силовиков» и фундаменталистов не могли простить ему (Борису Ельцину) Августа и Октября*. Позитивный же потенциал других природных концептов – *солнце*, *небо* (идеи центра, постоянства, стабильности и уравновешенности системы) – в контексте снимается. Ср.: *Была ли свобода? Была ли эта независимость? ...Никто не верил, что наступят такие свинцовые времена. Энтэвэшиникам казалось, что всегда будут солнце, небо*.

Так, развернутая система метафор позволяет читателю уловить суть написанного В. Новодворской и составить целостное и правдивое представление о происходящих в стране событиях.

Основная тема публикации Э. Бернштейна «Бывшие аборигены зоны риска» (НВ. 2002. №4) – постепенное экономическое развитие России – вводится метафорическим выражением *Россию можно уподобить огромному океану роста*.

Метафоричный заголовок «*Бывшие аборигены зоны риска*» создает эффект усиленного ожидания: сам по себе он не позволяет понять, о каких аборигенах пойдет речь. Только из текста читатель узнает, что *аборигены* – это экономически отсталые прежде общества, объединения и даже целые регионы. Использование в заголовке определения *бывшие* несет положительную нагрузку и указывает на то, что этап отсталости, неразвитости преодолен.

В тексте отчетливо выделяется доминирующая метафорическая модель «Россия – это архипелаг». Как известно, архипелаг – это группа близко расположенных морских островов. При метафорическом переносе в область экономических отношений концепта *архипелаг* актуализируются ассоциативные смыслы размера, единства и силы. В рассматриваемой статье представлен следующий когнитивный сценарий: тектонические явления – изменения в структуре – появление атоллов, островов и островков, объединенных в одно целое. Данный сценарий отражает естественный, природный путь развития, с которым автор связывает поиски решения возникших в нашей стране проблем. Стремление к развитию, рост новых образований воспринимается журналистом, по меньшей мере, позитивно: с подобными явлениями автор связывает свои надежды на будущее. Ср.: *Россию можно уподобить огромному океану роста. Но с некоторых пор в нем стали происходить некоторые тектонические явления и образовался архипелаг развития – наша надежда на достойное будущее. О нем особый разговор. Есть в этом архипелаге острова и островки сельскохозяйственного развития – их контуры можно обозначить уже сейчас, чтобы всё не выглядело так мрачно. Вот большой остров – засушливая Самарская область. Абориген так называемой зоны риска, теперь, может быть, уже бывший... А вот островок совсем маленький, зато здесь можно пристальнее рассмотреть происходящее. АОЗТ «Ручьи» расположено на самой окраине Санкт-Петербурга. Мнение нынешних его руководителей, самостоятельно поднявших засохшие было «Ручьи»: для аграрного хозяйства западные «ноу-хау» – единственный способ достичь рентабельности.*

А вот даже не остров – атолл. На подмосковной «Белой даче» теплицы укомплектованы норвежской светокультурой, что позволяет снимать с 1 кв. м. теплиц 120 кг овощей в год вместо 30.

Метафоры ведущей модели «Россия – это архипелаг» организуют текст, служат средством связи его частей, обеспечивающим целостность восприятия. Эпизодически в тексте встречаются метафоры других моделей, относящихся к той же концептуальной области «Неживая природа» (*стали происходить некоторые тектонические явления, океан, засушливый, засохший*), но по силе своего воздействия эти образы уступают метафорам доминирующей модели.

В целом статья носит позитивный характер, в ней дается оценка экономической ситуации в стране. Характеризуя новых субъектов экономической деятельности, автор связывает с ними надежды на дальнейшее развитие России.

Таким образом, система смежных метафорических моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа» участвует в создании равномерного объема метафоричности в текстах, что соответствует понятию «цилиндра», и выполняет следующие функции: обеспечивает связность текста, способствует целостности его восприятия, характеризует основные моменты жизни общества и тем самым формирует негативное или позитивное отношение к происходящему у читателя.

Тексты в СМИ часто организованы таким образом, что в них ясно ощущается доминирование какой-либо одной метафорической модели. В этом случае обнаруживается значительное число взаимодействующих метафор, соответствующих этой модели [Чудинов 2001: 205 – 209]. Развернутая система метафор способствует восприятию текста как определенного единства, организует интерпретативную деятельность адресата, участвуя тем самым в формировании общего эмоционального настроения, ведущего к изменению отношения субъекта к некоторым объектам и явлениям действительности.

Рассмотрим особенности взаимодействия метафор, принадлежащих одной метафорической модели, на примерах статей «Самодержавие информационного века» А. Постникова и «**Конец** „Звездной ночи”» В. Чельшева (см. Прил. 2).

По замечанию А. П. Чудинова, «единая доминантная модель, как правило, выделяется в относительно небольших по объему текстах» [Чудинов 2003: 125]. Следовательно, в объемных статьях, рассматривающих различные стороны исследуемой проблемы, метафоры одной модели могут функционировать в пределах микротемы. Так, публикация «Самодержавие информационного века» А. Постникова включает части: «Плодоношение властного дерева», «Вперед, по кочкам», «Победителей оказалось слишком много»; каждой из этих частей соответствует своя система концептуальных метафор. Например, в последней части статьи доминантной становится метафора спектакля (*декорация, сцена, многосерийный спектакль, ввести зрителя в ход действия, художник-оформитель, жонглировать* и др.).

Метафорический образ *болота*, заданный в подзаголовке «Вперед, по кочкам», полисемантичен: с одной стороны, *болото* – это люди, социальные груп-

пы, государственные и общественные институты, из-за косности и безразличия которых появляются современные политики, возомнившие себя бонапартами; с другой стороны, *болото* – это забвение, политическая смерть.

В тексте происходит цепное развертывание метафор, принадлежащих одному фрейму и одному слоту: *болотная топь* (вероятная гибель) – *берег* (надежда на стабильность) – *кочки* (возможность удержаться): *обманчивая кочка* (крушение надежд и гибель) – *надежная кочка* (путь к спасению). Получив развитие в тексте, образ *болота* становится очень сильным языковым средством воздействия на адресата. Ср.: *Социально-политическое «болото» эпохи бонапартизма таково, что попавший в него политик, чтобы уцелеть, вынужден непрерывно перепрыгивать с кочки на кочку, не очень-то заботясь о чистоте своих сапог. Нельзя останавливаться ни на одной кочке, но нельзя и пренебрегать ни одной. Однажды, если повезет и болото не поглотит неудачливого претендента на политическую вечность, наступает такой момент, когда в вязкости болотной жижи начинает проступать какая-то непривычная упругость, а затем твердость. И спасительный берег стабильности уже виден в тот краткий миг, когда можно бросить на него взор.*

Но организм уже привык к прыжкам, глаза лихорадочно ловят новые кочки, конечности произвольно продолжают двигаться, а изо рта все еще вылетают, вперемежку с хриплым дыханием, то «либеральные», то «консервативные», то ненормативные лексические единицы. Российский необонапартизм к концу четвертого года своего существования начинает позволять себе останавливаться и глубоко дышать, потому что самая опасная часть болота осталась позади, а наиболее зловредные болотные жители, норотившие ухватить за властный сапог, почти целиком погрузились в их же породившую топь.

Однако бывалые таежники знают, что в российских болотах часто встречается одна пакость. Когда земная твердь оказывается едва ли не на расстоянии нескольких шагов, когда тело уже замирает в ожидании сладостного ощущения прочной почвы под ногами, кочки, казавшиеся уже такими надежными, со злорадным чавканьем не просто уходят из-под ног, а буквально проваливаются вместе со ступившей на них ногой, разом увлекая человека в последний путь, в болотное забвение. И тут уже поздно кричать, призывать на помощь силы небесные и земные, обещать напоследок «всех замочить»... Но есть и спасение – среди всех этих кочек есть несколько, которые можно узнать наметанным глазом или просто угадать по случайному счастью. Они и становятся тем надежным мостом, соединяющим хаос с новым порядком.

Так, развертывая концептуальную метафору с ярко выраженным негативным прагматическим потенциалом, автор пытается представить путь к власти

современного политика. Для того чтобы сохранить свое привилегированное положение в системе власти, политику приходится заниматься «грязными» делами; он должен постоянно двигаться, потому что у него нет времени на то, чтобы остановиться, оглянуться назад, обдумать создавшееся положение и принять верное решение.

Неявно выраженные намеки (*к концу четвертого года своего существования, вылетают ненормативные лексические единицы, обещать напоследок «всех замочить»*) позволяют читателю понять, что речь идет о президенте Вл. Путине: именно его журналист имеет в виду, называя *неудачливым претендентом на политическую вечность*.

Итак, метафора, заявленная в подзаголовке «Вперед, по кочкам», разворачивается к концу текста по нескольким фреймам и слотам, благодаря чему происходит расширение объема метафоричности. Подобный текстовый прием мы назвали приемом «конуса».

В публикации В. Чельшева «**Конец** „Звездной ночи“» высокая степень метафоричности наблюдается в первом абзаце. Яркая метафора, заявленная в заголовке и основанная на конкретном историческом факте (намеренное уничтожение картины Ван Гога «Звездная ночь»), призвана не только привлечь внимание читателя, но и вызвать эмоциональный отклик, ввести в проблему (увольнение Л.Парфенова) и задать тон основной части, содержащей реакции-ответы коллег журналистов. Ср.: *Только ночи бывают звездными. День тем и отличается от ночи, что днем видно лишь одну звезду – Солнце. Его принято славить, под ним греются и загорают, его боятся и боготворят. Но стоит Солнцу уйти за горизонт – и вспыхивает лунный фонарь, который вовсе и не звезда, а шершавый, избитый ногами метеоритов мяч, отражающий чужой свет. А затем выпрыгнут и звезды – далекие, может, уже и угасшие солнца миллиардами точек устилают наш Млечный путь. И есть еще звезды, которые падают: холодные булыжники, ворвавшиеся в нашу атмосферу, разогретые ею и радостно сгорающие, так и не достигнув Земли. Увидишь такое – и загадаешь желание. Леонид Парфенов не догорел. И мы не успели загадать желание. Это хорошо. Наши желания столь противоречивы...*

Динамика развития образа предается за счет пучковой связи метафор разных фреймов модели «Российская политическая система – это космос»: *звездные ночи, день, Солнце, звезда, метеориты, Млечный путь* и т. д. Единичные

метафоры других моделей, участвующие в организации смещенных противопоставлений (*Солнце – лунный фонарь, звезда – шершавый, избитый ногами метеоритов мяч, отражающий чужой свет*) усиливают воздействующий потенциал введения.

В конце статьи также появляется развернутый образ, однако здесь его задача иная: сарказм, снижение образа правящей власти. С этой целью журналист обыгрывает патриотические лозунги и призывы, скандируемые во времена советской власти на демонстрациях, посвященных празднованию 1 Мая и 7 Ноября. Ср.: *Никаких ночей с их дурацкими звездами! Никакой цензуры! Будет вечный день! Будет прославление единственной звезды, которая не только светит, но и греет, – нашего Солнца!*

Автор использует те же стилистические приемы, основанные на синтаксическом параллелизме и единоначатии, но память исторических событий придает этим призывам новое эмоциональное звучание и отражает весь фарс происходящего между руководством НТВ и известным журналистом. В качестве доказательства используется прецедентное высказывание братьев Стругацких: *«Нам не надобны умные. Надобны верные».*

Высокая частотность метафорических выражений данного текста в таких сильных позициях, как начало и конец статьи, соответствует приемам расширения и сужения метафорического объема текста (прием «песочных часов»).

Таким образом, мы рассмотрели тексты, в представлении предмета речи которых участвуют метафоры, относящиеся к метафорическим моделям с концептуальной областью-источником «Неживая природа». Нами были обнаружены два возможных способа метафорического взаимодействия в пределах монотекста:

- развертывание нескольких смежных метафорических моделей с исходной концептуальной областью «Неживая природа». При таком развертывании сохраняется равномерность объема метафоричности текста (способ «цилиндра»), что обеспечивает его связность, целостность восприятия, тем самым формируется однотипное отношение к происходящему у читателя. В результате чего достигается прагматический эффект достоверности, убедительности;
- доминирование в тексте одной метафорической модели, представленной разнообразными фреймами, слотами и концептами. Между метафорами в со-

ставе подобных текстов обнаруживается **цепная** (последовательная связь метафор, принадлежащих одному фрейму) и **пучковая** связь (ассоциативная связь метафор различных фреймов одной модели). Расширение и сужение объема метафоричности в текстах с одной ведущей метафорической моделью (метафорическая организация текста в виде «конуса» и «песочных часов») способствуют созданию эффекта нарастающего воздействия на адресата, проверке истинности утверждений политиков о каких-либо явлениях действительности.

4. 3. Взаимодействие доминирующей метафорической модели с концептуальной областью-источником «Неживая природа» с визуальной частью креолизованного текста

Исследователи отмечают стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации [Е. Е. Анисимова, И. Э., Березин, Л. С. Большаянова, Л. В. Головина, А. Ю. Зенкова, О. Л. Каменская, В. М. Клюканов, Н. В. Месхишвили, О. В. Пойманова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, L. Bardin, V. Karlavaris, S. D. Sauerbier].

Как справедливо отмечает В. М. Березин, «Иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [Березин 2003: 162]. По замечанию О. Л. Каменской, «эскалация изображения» знаменует собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, отвечающей потребностям современного общества [Каменская 1996].

Понимание того, что «глобальный мир, мир постсовременности, ориентируется на визуальный способ представления информации», привело к обоснованию необходимости выделения понятия визуальности [Зенкова 2004: 40]. По мнению социального теоретика Михая Надина, глобальный масштаб нашей деятельности и существования подталкивает нас к созданию интернационального языка, которым может стать язык визуализации. Этот язык, как считает

исследователь, во-первых, отвечает потребности оптимизировать человеческое взаимодействие для достижения более высокого уровня эффективности; во-вторых, он отвечает потребности преодоления скрытых стереотипов языка литературного; в-третьих, он может способствовать нелинейному, более открытому характеру новых человеческих опытов. Изменение способа отношения человека и мира трактуются как кризис классической рациональности, основанной на логосе – слове, и возникновение ее неклассических форм. Таким образом, визуальное мышление трактуется ученым как тип мышления, основанный на неклассической рациональности [цит. по: Зенкова 2004: 40].

В сфере социального и гуманитарного знания возникло множество дисциплин, содержащих в своем названии понятие «визуальность»: визуальная антропология, визуальная культурология, визуальная политология, визуальная социология, теория визуальных коммуникаций. Наибольшее внимание исследователей современной визуальности привлекает соотношение словесного (вербального) и визуального компонентов, в частности в пределах текстов печатных средств массовой информации.

Широкое понимание текста при коммуникативно-прагматическом подходе, объединяющем в данном понятии всю совокупность как вербальных, так и невербальных средств, образующих текст как коммуникативную единицу и определяющих его прагматику, привело к поиску закономерностей текстообразования, выявлению роли изобразительных средств в организации прагматического воздействия текста на адресата, необходимости более полного извлечения информации.

В связи с этим особое место в нашем исследовании занимает анализ текстов, в формировании содержания и прагматического потенциала которых взаимодействуют коды разных семиотических систем. Такие семиотически осложненные тексты исследователи называют *видеовербальными* [Пойманова 1997] или *креолизированными* [Анисимова 2003; Валгина 2003; Сорокин, Тарасов 1990]. В соответствии с широко известным определением, «креолизированные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим

знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. Наличие разнородных частей в структуре креолизованного текста способствует созданию коммуникативного напряжения как в текстовом пространстве, так и в пространстве воспринимающего этот текст [Сорокин, Тарасов 1990]. Э. А. Лазарева называет подобный прием «наложения текста одного смыслового поля на текст с другим смысловым полем» приемом когнитивного столкновения, эффективно используемым в политическом дискурсе СМИ в качестве средства воздействия и манипулирования сознанием адресата [Лазарева, Горина 2003: 103].

Основными компонентами креолизованного текста являются вербальная часть (надпись/подпись, вербальный текст) и иконическая часть. Иконический компонент текста может быть представлен иллюстрациями (рисунок, фотография, карикатура и др.), схемами, таблицами, символическими изображениями, формулами и т. п. В разных типах вербальный и иконический компоненты встречаются в разных комбинациях. К наиболее распространенным моделям относятся: изображение + надпись/подпись; серия изображений + сопровождающие их надписи/подписи; основной вербальный текст + изображение + сопровождающая надпись/подпись; вербальный текст + изображение без сопровождающей надписи/подписи.

О. В. Пойманова предлагает различать креолизованные, или видеовербальные, тексты по соотношению объема информации, переданной различными знаками, и по роли изображения: *репетиционные* (изображение в основном повторяет вербальный текст); *аддитивные* (изображение привносит значительную дополнительную информацию); *выделительные* (изображение «подчеркивает» какой-то аспект вербальной информации, которая по своему объему значительно превосходит иконическую); *оппозитивные* (содержание, переданное картинкой, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе этого часто возникает комический эффект); *интегративные* (изображение встроено в вербальный текст или вербальный текст дополняет изображение в интересах совместной передачи информации); *изобразительно-центрические* (с ведущей ролью изображения, вербальная часть лишь поясняет и конкретизирует его) [Пойманова 1997].

Е.Е.Анисимова в зависимости от наличия изображения и характера его связи с вербальной частью выделяет три основные группы креолизованных текстов: тексты с нулевой креолизацией (изображение не представлено), тексты с частичной креолизацией и тексты с полной креолизацией. В текстах с частичной креолизацией между вербальным и изобразительным компонентами складываются автосемантические отношения, когда вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, а изобразительные элементы текста оказываются факультативными. В текстах с полной креолизацией вербальная часть не может существовать отдельно, независимо от изобразительной части – между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения. Вербальная часть в данном случае ориентирована на изображение или отсылает к нему, а изображение выступает в качестве обязательного (обязательного) элемента текста [Анисимова 2003: 15].

Согласно исследованиям Е. Е. Анисимовой, вербальные и изобразительные компоненты текстов с частичной и полной креолизацией связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне.

Связь на содержательном уровне проявляется в том, что между вербальным и иконическим знаками существует 1. прямая денотативная соотнесенность, при которой знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы объективного мира; 2. опосредованная денотативная соотнесенность, при которой знаки обоих кодов обозначают разные предметы объективного мира, связанные а) тематически или б) ассоциативно.

На содержательно-языковом уровне семантическая зависимость одного компонента от другого «подкрепляется» соответствующими языковыми маркерами в вербальной части текста. Данные маркеры могут непосредственно соотносить вербальную часть текста с изобразительной – эксплицитно выраженная связность – или делать это опосредованно, неявно – имплицитно выраженная связность. Эксплицитно выраженная связность может быть структурной (иконический знак замещает соответствующий вербальный знак), идентифицирующей (иконический знак идентифицирует отправителя или получателя сообще-

ния) или дейктической (в вербальном компоненте содержится указание на изобразительный компонент).

На содержательно-композиционном уровне между частями креолизованного текста устанавливается либо внутренняя связность (семантическая соотнесенность компонентов), либо внешняя связность (визуально-пространственная соотнесенность компонентов).

Между вербальной и изобразительной частями креолизованного текста могут устанавливаться различного рода корреляции. Например, Е. Е. Анисимова рассматривает *отношения взаимодополнения и взаимозависимости*. При отношениях взаимодополнения изображение понятно без слов и может существовать самостоятельно. Вербальному комментарию отводится вторичная, дополнительная функция, так как он только описывает изображение, дублируя его информацию. При отношениях взаимозависимости изображение зависит от вербального комментария, который определяет его интерпретацию. Без комментария смысл изображения неясен или может быть превратно истолкован. Вербальный комментарий в этом случае выполняет первичную, основную функцию [Анисимова 2003: 12]. С. Д. Зауэрбир описывает корреляции между изображением и вербальными частями в зависимости от их референтной соотнесенности: *параллельная корреляция*, при которой содержание рисунка и вербальной части полностью совпадают; *комплементарная корреляция*, при которой содержание иконической и вербальной частей частично перекрывают друг друга; *субститутивная корреляция*, при которой иконическая информация замещает вербальную информацию; *интерпретативная корреляция*, при которой между содержанием вербальной и иконической частей нет прямых точек соприкосновения, и эта связь устанавливается на ассоциативной основе [Sauerbier 1978].

Из всего сказанного нами можно сделать вывод, что изображение и слово в поликодовом сообщении не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл. Следовательно, в процессе восприятия креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации: при извлечении концепта изображения происходит его «наложение» на концепт вербального текста, взаимодействие

двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста [Головина 1986]. «Дискурсы разных текстов смешиваются..., в результате чего адресат воспринимает сразу двойную информацию: очевидный смысл прямо выраженного дискурса и суть скрытого дискурса, направленного на достижение истинных целей автора», – отмечает Э. А. Лазарева [Лазарева, Горина 2003: 103].

Таким образом, креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата.

Проследим связь между вербальным (а именно – метафорическими выражениями) и иконическим компонентами на примере статей «Двенадцать» К.Смирнова (Коммерсант-власть. 2000. №27) и «Инвестиционный климат: три пояса» Э. Бернштейна (НВ. 2000. №27). Отметим, что в данных публикациях представлена наиболее типичная для средств массовой информации комбинация вербальных и невербальных средств: основной вербальный текст + изображения и сопровождающая надпись/подпись.

В статье «Двенадцать» (см. Прил. 2) вербальное высказывание предваряет следующее за ним изображение: *«О близости власти и олигархов говорят давно. Недавно заговорили о принципе равноудаленности олигархов от президента. Однако до этого пока явно далеко. Нынешние отношения президента с олигархами можно представить в виде «путиноцентрической системы».* Далее следует иконический знак – коллаж (иронический фотомонтаж): в образе солнца, центра Солнечной системы, изображен президент В.Путин, вокруг которого движутся по пяти орбитам планеты-олигархи. Ниже, в тексте статьи, с использованием цветового выделения автор перечисляет имена и фамилии всех олигархов. Например, *«Первая орбита: Анатолий Чубайс, Борис Березовский, Роман Абрамович. Эти фамилии звучат чаще всего, когда хотят подчеркнуть близость к высшей власти».* Такая эксплицитно выраженная дейктическая связь, когда в вербальном компоненте содержится указание на изобразительный компонент, обусловлена задачей автора статьи максимально приблизить текст статьи к научным текстам, отличающимся

ся логичностью, доказательностью, аргументированностью иллюстративным материалом.

По мысли автора статьи, метафорические смыслы, актуализированные изображением, как нельзя лучше отражают российскую политическую систему, во многом зависящую в тот период времени от олигархического капитала. Как известно, благодаря мощному гравитационному воздействию со стороны Солнца, планеты остаются на своих орбитах, солнечное тяготение управляет движением планет, одни из которых расположены ближе к Солнцу, другие удалены. Возмущающим фактором для планет является их влияние друг на друга, однако появляющиеся возмущения не способны разрушить систему, а как бы автоматически гасятся самой системой. Надписи над фотографиями президента и олигархов выполняют номинативную функцию, в связи с чем метафорический смысл изображения может быть понятен независимо от вербального метафорического комментария, которому отводится в тексте вторичная, дополнительная функция, так как он только описывает изображение, дублируя его информацию. Следовательно, метафорическая структура рассматриваемого текста и изображение вступают в отношения взаимодополнения.

Прагматический смысл, формируемый визуализацией близости власти и олигархов, состоит в следующем: президент является центральной организующей фигурой российского политического пространства, он старается уменьшить влияние олигархов на власть, однако степень их влиятельности еще достаточно велика, несмотря на провозглашенной президентом принцип равноудаленности.

Кроме того, заметим, что название статьи «Двенадцать» актуализирует и другие ассоциативные метафорические фоны. Иисус Христос (Вл. Путин) и двенадцать апостолов (олигархи) – в связи с чем закономерен вопрос: кто предаст своего президента? Поэма А. Блока «Двенадцать»: *...И идут без имени святого Все двенадцать – вдаль. Ко всему готовы, Ничего не жаль.*

Метафорическая структура креолизованного текста становится неиссякаемым источником его информационного насыщения, что проявляется в связи зрительного восприятия с ментальными процессами концептуализации, интерпретации и категоризации мира.

Главная тема следующей интересующей нас статьи Э. Бернштейна заявлена во введении (*Экономический рост в России в ближайшее время может смениться новым спадом*) и сообщается практически без использования метафорических выражений: указаны конкретные цифры, проведена аналогия с некоторыми историческими фактами, процитированы слова советника президента России А. Илларионова и журнала *The Economist*. Однако основное содержание публикации, представляющее собой попытку аналитического осмысления современного состояния экономики страны, построено на системе развернутых метафорических выражений. Метафорическая структура текста статьи организуется таким образом, что соответствующие одной модели метафоры («Состояние атмосферы – это состояние российского общества» фрейм «Климат и погода») занимают ключевые позиции: заголовок, подзаголовок, названия частей статьи, – развертываются в основном тексте публикации и поддерживаются и развиваются при помощи иконических средств: фотографий (+ подпись к фотографии) и рисунка.

Заголовок и подзаголовок – *ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ: ТРИ ПОЯСА. В России есть свои Полинезия, Средиземноморье и Скандинавия* – возбуждают читательский интерес и несут информацию о содержании публикации. Метафора, заявленная в заголовке, определяет систему метафор всего текста, делая ведущей только одну модель с исходной понятийной областью «Климат и погода».

Первая часть статьи так и озаглавлена «*Климат и погода*». Принято считать, что инвестиционный климат – это комплекс, важнейшими элементами которого являются налоговая система, законодательство, политическая стабильность, уровень криминализации. Однако автор статьи полагает, что для нашей преодолевающей себя экономики в понятие инвестиционного климата должны входить прежде всего платежеспособный спрос и наличие деловой среды, связывая это с неустойчивостью налогового и прочего законодательства, соотносимого метафорически с неустойчивостью и переменчивостью погоды: *налоговое и прочее законодательство – это инвестиционная погода, ибо их можно достаточно быстро изменить, а климат – это то, что всерьез и надолго*. В подтверждение информации дается фотоизображение сильной грозы: черные тучи, ослепляющие молнии. В вербальном компоненте не содержится прямого указания на иконический компонент – связность носит не явно выраженный характер и устанавли-

ливается на основе выявления внутренних семантических связей. Обратившись к проведенному нами ранее анализу метафорической модели «Состояние российского общества – это состояние атмосферы», вспомним, что с концептом *туча* связаны ассоциации приближающейся, грозящей опасности, беды; с концептами *гром, гроза, молния* – образы событий неожиданных и ужасных, произошедших и/или возможных бурных общественно-политических потрясений в стране. Таким образом, фотоизображение выполняет несколько функций: привлекает внимание адресата (аттрактивная функция), передает определенную информацию (информативная функция), выражает чувства адресанта и воздействует на эмоции адресата (экспрессивная функция), частично воспроизводит смысл, заданный метафорической структурой текста (иллюстративная функция), выступает в качестве наглядного подтверждения переданной автором информации (аргументирующая функция).

В следующих частях публикации («*Инвестиционный прямоугольник*», «*Удивляясь статистике*», «*Недра на вывоз*», «*Климат нордический*») автор, анализируя современное состояние экономики страны и перспективы ее развития, считает возможным отойти от научных данных, согласно которым на территории России господствует внутриконтинентальный умеренный климат, и представить свою собственную метафорическую классификацию климатических поясов, ориентированную на актуализацию у читателя фоновых знаний. Ср.: *Благоприятный инвестиционный климат тот, при котором платежеспособный спрос стимулирует деловую активность. Совсем как в человеческом обществе: Север сковывает, Юг расслабляет, Средиземноморье стимулирует – здесь и расцвела человеческая цивилизация. В терминах структурируемого таким образом инвестиционного климата можно попытаться оценить состояние и перспективы нашей экономики.*

Соотношение области-цели и области-источника метафорической экспансии выглядит следующим образом. *Полинезия* – родина цветущих древних цивилизаций; непонятный и таинственный быт, культура и религия жителей Явы, Гвианы, Индии; жаркие весна и лето; море, песок, пальмы и кокосы – райское, безмятежное наслаждение жизнью. С точки зрения автора статьи, земные недра (нефть, газ, руда, лес) – это и есть *российская Полинезия, хотя и расположенная за Полярным кругом. Расслабляющий инвестиционный климат (Совсем, как*

в Полинезии: лежишь под пальмой – и с нее падает кокос) привел к обеднению природных ресурсов: *недра работают на износ, все большие скважин становятся нерентабельными.*

Климат *Средиземноморья* чрезвычайно благоприятен для жизнедеятельности человека, поэтому не случайно в этом благодатном климате зародились многие древнейшие цивилизации на Земле (месопотамская, финикийская, древнегреческая, древнеримская); здесь выращивают ценные субтропические культуры: цитрусовые, виноград, маслины. Производство товаров народного потребления, автомобилестроение, массовое жилищное строительство и др. – *это как раз и есть, по мнению автора, стимулирующий, жизнедеятельный инвестиционный климат, благодатное экономическое Средиземноморье.* Однако, как подчеркивает автор, *благодатное Средиземноморье – это сейчас придумано. А в первые годы реформ, когда на прилавках господствовал импорт, так не казалось.* Ведущую роль в раскрытии темы обвальная девальвация рубля в 1998 году играет сопровождающая текст иллюстрация в виде тонущего корабля и остатка суши с поминальной свечой.

Помимо основных функций: аттрактивной, информативной, экспрессивной, – рисунок выполняет еще и символическую функцию. Изображения свечи и корабля имеют конвенциональный характер, это изображения-полусимволы, за которыми закрепились определенные значения: корабль символизирует государство (сюда же мы отнесем изображение земли), свеча – похоронный обряд. Созданная изобразительная метафора символизирует смертельную опасность, грозящую нашей стране в случае повторения экономического кризиса, и усиливает метафорические смыслы вербальной части статьи: *обвальная девальвация знаменовала в инвестиционном климате наступление «ледникового» периода. «Ледник» накрыл начинающих строиться производителей сложной бытовой техники и, что самое обидное, собирающихся развернуться у нас лидеров мирового автомобилестроения... А что до нынешнего спада, так переполошившего Илларионова, – он либо имеет сезонный характер, либо вызван наступлением девальвационного «ледника».* Так, между развернутой метафорой «девальвация рубля – это ледниковый период» и иконическим знаком устанавливается опосредованная денотативная соотнесенность: знаки обоих кодов обозначают разные предметы / ситуации объективного мира, связанные ассоциативно.

Считается, что спокойный, «нордический» характер жителей *Скандинавии* во многом определяется сдержанным и даже суровым морским климатом: сильными холодными ветрами (вспомните знаменитые «ревущие сороковые» широты), невысокими температурами воздуха, обилием осадков. *Климатически суровая, но вполне пригодная к жизни Скандинавия* – это производство средств производства: тяжелое машиностроение, станкостроение – и военно-промышленный комплекс. В качестве наглядного аргумента, в подтверждение тяжелых условий работы (*Здесь все дается с большим трудом: и спрос трудно различим, и удовлетворить его не легко и не быстро*) служит фотоизображение разливки горячей стали на металлургическом производстве.

Таким образом, рассмотренные нами тексты являются текстами с частичной креолизацией: метафорическая структура подобных текстов относительно автономна, независима от изображения, между концептуальными метафорами текстов и изображениями складываются автосемантические отношения. Изобразительный компонент сопровождает вербальную часть и является факультативным компонентом.

Между концептуальными метафорами, организующими частично креолизованный текст, и иконическим изображением устанавливается опосредованная денотативная соотнесенность, при которой знаки обоих кодов обозначают предметы/явления окружающего мира, связанные между собой ассоциативно. Ассоциативный тип связи в силу своей неявной выраженности является наиболее сложным и предполагает активизацию интерпретативных возможностей адресата.

Изобразительный компонент частично креолизованных текстов по отношению к метафорической структуре вербальной части несет на себе значительную функциональную нагрузку. В анализируемых нами текстах представлены как основные универсальные функции, такие, как аттрактивная, информативная, экспрессивная, так и частные: символическая, иллюстративная, аргументирующая. Перечисленные функции изображения тесно связаны, взаимодействуют друг с другом и участвуют в реализации коммуникативных задач авторов публикаций.

Особое место в системе креолизованных текстов занимают тексты с полной креолизацией. Вербальная часть таких текстов не может существовать независимо от изобразительной части – между компонентами устанавливаются синсемантические отношения. Изображение выступает в качестве обязательного элемента смысла, ему отводится ведущая роль. Визуальное лучше сохраняется в памяти, и поэтому, как считал Аристотель, зрение является «самым интеллектуальным чувством» и основой познания. Кроме того, визуально воспринимаемая информация, «впечатления глаза», по мнению исследователей, вызывает у адресата большее доверие. Так, Л. Войтасек пишет: «То, что мы видим, быстрее и легче принимается как истина, вызывает меньше опасений» [Войтасек 1981: 190]. Изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чей-то интерес или позицию, принимается, как правило, в качестве некоей объективной картинки и не соотносится в сознании адресата с той или иной политической установкой адресанта, оно кажется более демократичным. Однако на самом деле изображение имеет мощный воздействующий потенциал, тем более усиленный имплицитными или эксплицитными связями с открытой для интерпретации метафорической структурой текста.

По замечанию А. Н. Баранова, сериям карикатур, основанным на метафорических следствиях, часто дают начало политические метафоры, особенно те, которые имеют длительную судьбу в политическом дискурсе [Баранов, Караулов 1991: 192]. Поэтому особенно интересным и актуальным представляется исследование взаимодействия визуальной части текста с концептуальными метафорами, доминантными в русской культуре, в русском самосознании. Например, по мотивам традиционной концептуальной метафоры «гибель – это пропасть» в печатных средствах массовой информации создается широкий визуальный ряд метафоры «пропасть» (см. Приложение 2).

Слепой человек у края пропасти и собака-поводырь, уже перескочившая пропасть: человек – народ, собака-поводырь – власть (статья «Ответ ангелу. Окончательный расчет». НВ. 2002. №41). Прагматический смысл метафорического изображения заключается в следующем: мы слепы и не ведаем того, куда

может завести нас власть и что может ждать нас в будущем, поэтому доверяться власти и надеяться на нее нельзя.

Характер русского человека (подчеркнем – человека-как-государства), склонного к необдуманному лихачеству, смелости, удалившему, отражает следующий видеоряд: человек на краю пропасти, зацепившись за нее только ногами, читает газету «Русский экстрим» (статья «Маньяк». НВ. 2003. №8); человек готовится к прыжку над пропастью, как с трамплина, однако его лыжи и ноги по щиколотку оказались в земле (статья «Русские стандарты». НВ. 2002. №32). А. Д. Шмелев, рассматривая пространственную составляющую «русской души», особо выделил слово «удаль», приведя в качестве иллюстрации размышления Ф. Искандера: «Удаль, безусловно, предполагает риск собственной жизнью, храбрость. Но, взглядевшись в понятие «удаль», мы чувствуем, что это неполноценная храбрость. В ней есть самонакачка, опьянение... Удаль требует пространства, воздух пространства накачивает искусственной смелостью, пьянит. Опьяненному жизнь – копейка. Удаль – это паника, бегущая вперед... А все-таки красивое слово: «удаль»! Утоляет тоску по безмыслию» [Шмелев 2002: 93]. Последняя фраза Ф. Искандера объясняет необдуманные действия человека-как-государства у края пропасти (в период экономических или политических кризисов): удалые действия, совершаемые от тоски, могут эту тоску хотя бы частично утолить.

Желание человека-как-государства выкарабкаться со дна пропасти, выжить во что бы то ни стало во времена финансовых и политических потрясений иллюстрирует следующая карикатура-метафора: над пропастью, держась за край пальцами, висит человек; чтобы он не упал, кто-то, очевидно из лучших побуждений, при помощи железной линейки-уголка прикрепил человека к обрыву (статья «Быть и не быть». НВ. 2001. №37). Изображение наводит адресата на мысль о непростых взаимоотношениях народа и власти: кто-то всемогущий (президент, финансисты) под видом благих намерений спасти государство, не дать погибнуть в период кризиса на самом деле не предпринимает никаких решительных действий, а только усугубляет положение народа, «закрутив гайки»

и придавив, тем самым лишив его возможности самому предпринимать какие-либо действия.

О бессмысленности всяческих действий, если они не направлены на кардинальное решение проблемы и не в состоянии изменить ситуацию в целом, говорят следующие карикатуры: человек на краю пропасти держит тележку, полную земли, причем человек находится на одном краю, а переднее колесо тележки – на противоположном (статья «Социальная справедливость общака». НВ. 2003. №49); два человека на краю пропасти пытаются прибраться: один подметает, а другой собирает мусор в совок, чтобы он не попал на дно пропасти (статья «Профессор и лавочник». НВ. 2003. №7).

На краю пропасти стоит балерина, и, держась за ее вытянутую ногу, над пропастью повис человек (статья «Секс в законе». НВ. 2003. №21). Журналист и художник как бы задаются вопросом: спасет ли традиционная русская культура свой народ от засилья низкопробных образчиков литературы и искусства, рассчитанных на низменные чувства человека.

Отметим, что в подобных креолизованных текстах (изображение + заголовок статьи; сам текст, как правило, не имеет прямой денотативной соотнесенности) ведущая роль принадлежит визуальному представлению концептуальной метафоры, следовательно, они являются изобразительно-центрическими. Визуальный ряд, образованный на базе концептуальной метафоры «гибель – это пропасть», имеет открытую структуру и может пополняться бесконечно долго за счет актуализации все новых метафорических смыслов, основанных на интерпретации тех или иных проблемных ситуаций. Таким образом, можно считать справедливым утверждение А. Н. Баранова о том, что визуальный ряд метафоры становится одной из форм ее существования в качестве «недискретного феномена, порождающего бесчисленное множество следствий, которые дают начало не только карикатурам, но и новым метафорам» [Баранов, Караулов 1991: 192].

Взаимодействие оценочности образов, вынесенных в заголовок («Маньяк», «Русские стандарты», «Быть и не быть», «Социальная справедливость общака» и др.), и представленного визуально образа пропасти, приводит к повышению «жесткости» оценки всего креолизованного текста. Связь между заголовками

статей и визуальным рядом метафоры устанавливается на имплицитном уровне и служит основой для создания эффекта оправданного ожидания: смысл метафорического заголовка и изображения ясен, но двойная актуализация образа становится мощным средством эмоционального воздействия на адресата.

Среди других концептуальных метафор, давших начало сериям карикатур, мы можем отметить следующие: *дорога* (выбор дальнейшего пути развития), *земля и поле во время пахоты* (Россия), *солнце* (президент, власть, законодательство), *тучи* (опасность), *дождь* (неприятности), *горы* (политики), *термометр* (измерение народного недовольства), *зонтик* (закон) и т. д. Ключевые темы видеоизображений чаще всего связаны с тем или иным абстрактным понятием, представляющим наибольшую сложность и противоречивость для возможных интерпретаций. Укажем, что в создании видеоряда чаще всего участвуют следующие фреймы и слоты: «Рельеф. Углубления», «Почва», «Путь / дорога», «Солнечная система. Солнце», «Климат и погода. Атмосферные осадки. Средства защиты от непогоды». Широта визуального ряда, частотность и повторяемость его компонентов свидетельствует об особой значимости для современной России сфер-источников метафорической экспансии и созданных на их основе метафорических образов и смыслов. Благодаря двойному смыслу, возникающему при взаимодействии в креолизованном тексте знаний и оценок, актуализированных концептуальной метафорой и визуальным рядом данной метафоры, создается особая образность, усиливающая воздействие текста на адресата.

Таким образом, видеоряд политической метафоры выступает, как правило, в качестве основного носителя экспрессивной информации. Кроме того, видеоряд выполняет следующие функции: символическую, эвфемистическую, сатирическую.

ВЫВОДЫ ПО ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ

1. Проведенное исследование позволило выделить следующие основные виды взаимодействия метафорических моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в текстах современных российских средств массовой информации:

– Взаимодействие между метафорическими моделями с разными сферами-источниками (полисферные тексты). Подобное взаимодействие происходит путем столкновения доминантных метафорических моделей с разнонаправленной прагматикой.

– Взаимодействие между метафорическими моделями с одной сферой-источником (моносферные тексты). В этом случае доминантные метафоры смежных моделей располагаются по всему тексту, обеспечивая связность текста и способствуя целостности его восприятия.

2. В процессе исследования выявлены особые текстовые способы развертывания метафорических моделей, которые были соотнесены условно с понятиями «цилиндра», «конуса» и «песочных часов». С принципом «песочных часов» соотнесен такой способ метафорической организации текста, при котором в начале и конце статьи создается высокая степень метафоричности, основанная на ярком контрасте доминантных моделей; в середине статьи отмечаются только единичные метафорические выражения, выполняющие роль своеобразного «фильтра». При конусообразном способе организации метафора, заявленная в заголовке, к концу текста продуктивно разворачивается по нескольким фреймам и слотам. С понятием «перевернутого конуса» соотносится такой прием метафорической организации текста, при котором расширение метафоры прослеживается в начале текста, а к концу текста происходит сужение объема метафоричности. Относительно пропорциональную организацию метафорической структуры текста можно соотнести с понятием «цилиндра».

3. Особую значимость в современной коммуникации имеют семиотически осложненные, или креолизованные, тексты, включающие в свой состав традиционную вербальную часть и иконический знак.

Материалы нашего исследования показывают: в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг. в качестве сопровождения развернутой метафоры регулярно используется видеоряд «Неживая природа». Между метафорической системой и видеорядом креолизованного текста возникают корреляции двух типов: отношения взаимозависимости, при которой интерпретация визуальной части определяется доминирующей метафорической моделью, заданной в тексте (это тексты с частичной креолизацией); отношения взаимодополнения, при котором изображение становится следствием наиболее значимых концептуальных метафор и поэтому понятно без слов и может существовать самостоятельно (это тексты с полной креолизацией).

4. Широта визуального ряда свидетельствует об особой значимости для современной России сфер-источников метафорической экспансии и созданных на их основе метафорических образов и смыслов. Видеоряд политической метафоры является основным носителем экспрессивной информации и выполняет следующие функции: символическую, эвфемистическую, сатирическую. Важно подчеркнуть, что визуальный ряд становится одной из форм существования концептуальной метафоры в качестве недискретного феномена, порождающего бесчисленное множество следствий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщением полученных в настоящей диссертации результатов исследования метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг. являются следующие положения.

В дискурсе современных российских СМИ активно функционируют метафоры с источниковой концептуальной областью «Неживая природа», в состав которой входят сферы «Земной шар» и «Атмосфера». Соотношение сфер-источников представлено на рис.1.

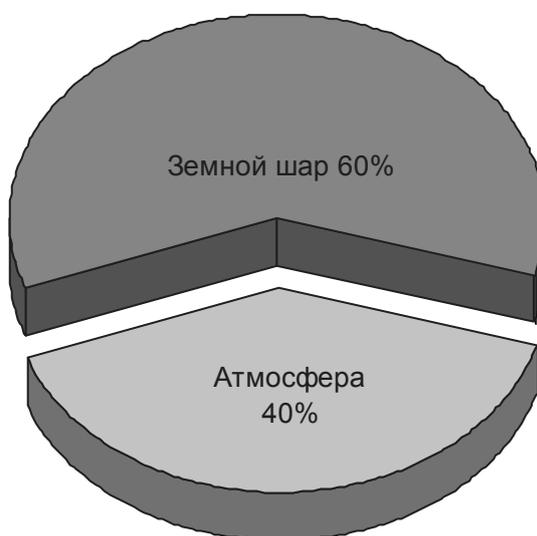
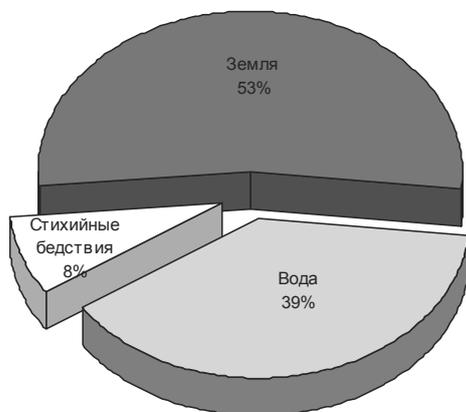

Рисунок 1

Сферы-источники в свою очередь также представляют собой иерархически организованное целое и образуются фреймами «Земля», «Вода», «Стихийные бедствия»; «Метеоусловия», «Климат и погода», «Газовая оболочка Земли» и «Времена года». Соотношение фреймов сфер-источников отражено на рис. 2.

Соотношение фреймов концептуальной сферы "ЗЕМНОЙ ШАР"

Соотношение фреймов концептуальной сферы "АТМОСФЕРА"

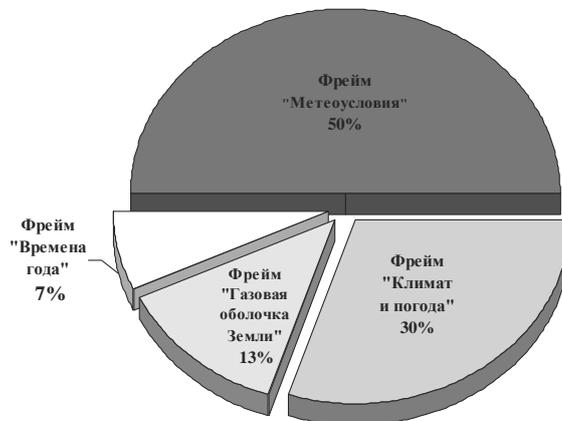

Рисунок 2

Подчеркнем при этом, что метафорические модели, созданные на базе концептуальной области «Неживая природа», не обозначают действительность, а интерпретируют ее.

В нашем исследовании находит подтверждение высказывавшееся ранее предположение (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов) о связи политических метафор с состоянием общества, с социальной ситуацией. Так, если метафоры с агрессивным прагматическим потенциалом (метафоры войны, криминала, мира животных) оказываются особенно востребованными в период обострения общественно-политических отношений, то, согласно нашим исследованиям, метафоры, образованные на базе концептуальной области «Неживая природа», часто употребляются в посткризисные периоды в качестве аналитического средства осмысления проблемной ситуации. Таково, например, использование в дискурсе СМИ 2000 – 2004 гг. метафор стихийных бедствий (обвал, лавина, землетрясение) для оценки экономического кризиса 1998 года.

Воздействующий потенциал метафоры проявляется в семантических следствиях из нее. В этом отношении очень показательны метафоры стихийных бедствий и осадков. При метафорическом представлении экономических и фи-

нансовых кризисов, нестабильных политических ситуаций в качестве неуправляемых природных стихий «высвечиваются» принципиально разные способы поведения. С одной стороны, метафоры могут акцентировать внимание на идее незащищенности: человеку остается только подчиниться разбушевавшейся стихии, независимой от его воли. С другой стороны, возможно акцентирование идеи противодействия: человек может обезопасить себя, либо мобилизовав все свои внутренние силы и сопротивляясь стихии, либо спрогнозировав возможные кризисы, либо подобрав необходимые средства защиты.

Одной из существенных характеристик метафорической картины мира представляется ее динамичность, способность к трансформации. Дискурс средств массовой информации 2000 – 2004 гг. только в некоторой степени сохраняет традиции метафорического использования концептов области «Неживая природа». Так, в 70-ые годы (период антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями, состояния «холодной войны», войны в Афганистане) прослеживалась четкая градация метафорических выражений по принципу «свой – чужой». В начале 90-ых годов (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве) природные метафоры имели ярко выраженный негативный характер. В начале XXI века мы отмечаем тенденцию к увеличению доли позитивно окрашенных природных метафор (*русло, река, движение по дороге, атмосфера* и др.). В некоторой степени этот процесс можно объяснить предпринимаемыми властью попытками изменить общественное сознание, стремлением журналистов большинства демократических изданий к толерантности.

Динамичность выявляемой в дискурсе СМИ 2000 – 2004 гг. метафорической картины мира проявляется также в стремлении метафорических моделей к саморазвитию, выраженному, с одной стороны, в насыщении новыми, существенными для данного политического периода концептами (*зонтик, Илья-громовержец*) или переактуализацией «старых» природных концептов, получивших в новых условиях существования дополнительные смысловые и эмо-

циональные наслоения (*норд-ост* как образ чужой, враждебной силы). С другой стороны, метафорическая картина мира способна к самоограничению, свертыванию некоторых утративших свою актуальность концептов (*воронка, ухаб, эрозия*).

Метафорической системе присущи одновременно такие свойства, как открытость и стремление к устойчивости. Это выражается, с одной стороны, в постоянном обновлении рядов метафор, образованных на базе концептуальной области «Неживая природа», с другой стороны, в сохранении типовых, чаще всего нейтральных метафор, таких, как *политический климат, политический небосклон, недра «Общего рынка», барометр отношений* и др. Обусловлены подобные процессы как внешними, так и внутренними, индивидуально-психологическими, причинами. К индивидуально-психологическим причинам относится стремление журналиста дать нестандартную, но вместе с тем понятную и близкую адресату оценку той или иной реалии; выделить какие-либо существенные стороны, качества объекта номинации; желание снять значимость негативных метафор катастроф, упадка, разрушений. К внешним причинам следует отнести существенные изменения в современной экономической, политической и культурной жизни страны, смену государственной идеологии, изменения в системе средств массовой коммуникации.

Метафора, одно из средств выражения духовных ценностей, ментальности, содержит достоверную информацию об особенностях мировидения русского народа. Важное место с точки зрения лингвокультурных черт занимают наиболее частотные метафорические модели с исходными концептуальными сферами «Земля», «Вода». Метафоры, образованные на базе данных сфер, используются для репрезентации политики и экономики уже будучи символически нагруженными – в этом проявляется связь с религиозными и фольклорными традициями. Например, важными константами русской культуры являются концепты ЗЕМЛЯ, РЕКА, ДОРОГА. Соответственно русское пространство является священной сверхценностью, судьбой народа, и русское сознание всегда мыслит прин-

ципом почвы (*Земля – это Россия*). Река, источник и символ жизни, также ассоциируется в дискурсе СМИ с русской нацией: *народ течет в традициях, как река по руслу*. Метафорический образ дороги связан с представлениями о путях и судьбах русского народа; это *дорога Руси* – жизни, обращенной в будущее.

Основной чертой российской политической системы является волнообразный характер, способность видоизменяться. На основании высокой частотности и продуктивности метафор движения мы можем утверждать, что движение – это политическая метафора периода президентства Вл. Путина; это метафора, отражающая современный этап развития России.

Проведенное нами исследование позволило выделить следующие основные виды взаимодействия метафорических моделей с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в общественно-политических текстах.

1) Взаимодействие между метафорическими моделями с разнотипными сферами-источниками (полисферные тексты). Специфика такого взаимодействия заключается в том, что в составе текста происходит развертывание метафор, принадлежащих к нескольким параллельным или оппозиционным моделям, созданным на базе разных исходных концептуальных областей (например, метафоры МЕХАНИЗМА и ПРИРОДЫ).

2) Взаимодействие между метафорическими моделями с однотипной сферой-источником (моносферные тексты). В моносферных текстах происходит развертывание нескольких метафорических моделей, базирующихся на образах неживой природы (например, метафоры ВОДЫ и ВРЕМЕН ГОДА).

В процессе исследования нами выявлены особые способы развертывания метафорических моделей в тексте, которые были названы соответственно эффектом «цилиндра», «конуса» и «песочных часов». Эффект «цилиндра» достигается в том случае, если доминантные метафоры моделей располагаются по всему тексту, участвуя в обеспечении равномерной организации метафорической структуры текста. При «конусообразном» развертывании моделей метафора, заявленная в заголовке, к концу текста разворачивается по нескольким фреймам и слотам или же расширение метафоры прослеживается в начале тек-

ста, а к концу текста происходит сужение объема метафоричности. Способ «песочных часов» возникает в том случае, если в начале и конце статьи создается высокая степень метафоричности, часто основанная на ярком контрасте доминантных моделей; в середине статьи отмечаются только единичные метафорические выражения. Подобные способы метафорической организации текста способствуют созданию прагматического эффекта нарастающего воздействия на адресата, эффекта достоверности, убедительности.

Особое место в современной коммуникации занимают креолизованные тексты, в формировании содержания и прагматического потенциала которых участвуют коды разных семиотических систем. В дискурсе российских средств массовой информации 2000 – 2004 гг. в качестве сопровождения развернутой метафоры регулярно используется видеоряд «Неживая природа», который становится одной из форм существования концептуальной метафоры в качестве недискретного феномена, порождающего бесчисленное множество следствий. Широта визуального ряда свидетельствует об особой значимости для современной России сфер-источников метафорической экспансии и созданных на их основе метафорических образов и смыслов.

Взаимодействие в тексте метафорических моделей с областью-источником «Неживая природа», а также доминантной метафоры текста с его визуальной частью становится важным средством обеспечения целостности восприятия текста, что способствует большей эффективности воздействия на адресата и, следовательно, достижению основных стратегических целей, поставленных перед журналистом или политиком.

В настоящей диссертации рассмотрены далеко не все вопросы, связанные с анализом области-источника «Неживая природа» и представляющие интерес для специалистов в области когнитивной лингвистики и теории метафорического моделирования действительности. К перспективам дальнейшего исследования метафор с концептуальной областью-источником «Неживая природа» в дискурсе средств массовой информации мы относим следующие направления:

- сопоставительное изучение политического дискурса разных стран, так как такие исследования способны выявить лингвокультурные особенности национальных картин мира, сравнить специфику восприятия и метафорической репрезентации политических реалий носителями разных языков;
- сопоставление закономерностей метафорического моделирования различных политических событий и ситуаций;
- сопоставление закономерностей метафорического моделирования на различных этапах развития общества;
- сопоставление закономерностей метафорического моделирования в текстах, относящихся к различным функциональным стилям и жанрам речи;
- большой интерес могут представлять исследования, в которых рассматривались бы закономерности метафорического моделирования в различных типах дискурса (в экономическом, педагогическом, медицинском, религиозном);
- значительную перспективу имеют исследования, направленные на изучение взаимодействия ведущих метафорических моделей текста с визуальной частью семиотически осложненных текстов.

Дальнейшее развитие когнитивной лингвистики и теории метафорического моделирования откроет новые перспективы изучения метафор с источниковой концептуальной областью «Неживая природа»; определит новые, актуальные темы и проблемы исследований; позволит развить и уточнить некоторые положения, высказанные в данной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адонина О. С. К вопросу о структуре понятийного поля знаний концепта *гроза* в языковой и научной картинах мира. // *Ethnohermeneutik und antropologie*. Band 10 / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau. 2004. С. 212 – 225.
2. Азим-Заде Э. Г. Русско-славянская астрономическая и метеорологическая терминология в сравнительно-историческом и типологическом плане. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.
3. Алексеев К. И. Метафора как средство обозначения интенций в тексте // *Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса*. СПб., 2000. С. 126 – 146.
4. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с.
5. Апресян В. Ю. , Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // *Вопросы языкознания*. 1993. №3. С. 37 – 67.
6. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопросы языкознания*. 1995. №1.
7. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // *Вопросы языкознания*. 1990. №6. С. 123 – 139.
8. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // *Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой*. М., 1990. С. 5 – 31.
9. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1978. Т. 37. №4. С. 333 – 343.
10. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М., 1999.
11. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // *Лингвистика и поэтика*. М., 1979. С. 147 – 173.
12. Аскольдов С. А. Концепт и слово // *Русская словесность: Антология / Под ред. В. Н. Нерознака*. М., 1997.
13. Афанасьев А. *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 1. М., 1994. 800 с.

14. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 1997.
15. Барандеев А. В. Статус географической терминологии в русском литературном языке 16 – 17 вв. // Филологические науки. 1991. №5. С. 54 – 61.
16. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. 360 с.
17. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной лингвистики // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1997. Т. 56. №1. С. 11 – 21.
18. Баранов А., Караулов Ю. Метафоры общественного диалога: война или согласие? // Знание – сила. №10. 1991. С. 60 – 63.
19. Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой / Бердяев Н. А. Судьба России. 1998.
20. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003. 174 с.
21. Бессарабова Н. Д. Метафора как языковое явление // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика / Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1987. С. 156 – 173.
22. Бессарабова Н. Д. Метафорические сочетания в общественно-публицистическом стиле русского литературного языка // Филологические науки. М., 1979 №1. С. 34 – 43
23. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 153 – 172.
24. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001. 123 с.
25. Большаянова Л. С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: Содержание и структура. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Л., 1986.
26. Буйнова О. Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В. Г. Гака. Дубна, 2001.
27. Бурмистрова М. А. Эволюция взглядов Дж. Лакоффа // Филологические науки. 2003. №1. С. 63 – 70.
28. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. 280 с.

29. Васильев В. П. Лексико-семантическая категория в свете когнитивной триады «категория – прототип – фрейм» // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. Екатеринбург, 2002.
30. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» / Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2. М., 2001. С. 242-271.
31. Вежбицка А. Язык, культура, познание. М., 1997. 416 с.
32. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. 380 с.
33. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
34. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов // Вопросы языкознания. 1953. №5. С. 3 - 29.
35. Виноградов С. И. Выразительные средства в парламентской речи // Культура парламентской речи. М., 1994.
36. Виноградова Л.Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 32 – 61.
37. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. К проблеме идентификации персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования. Ритуал. Текст. М., 1994.
38. Винокур Г. О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925. 236 с.
39. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981.
40. Выгонная Л. Т. К системному описанию полесских названий земельных угодий // Полесье / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1968. С. 118 – 125.
41. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. / Пер. с англ. и нем. В. И. Карасика и Н. Н. Трошиной. Волгоград, 1997.
42. Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Ч. 1. М., 1971.
43. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. / Под ред. В. Н. Телия. М., 1988. С. 11 – 25.

44. Гак В. Г. Рецензия: Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) // Вопросы языкознания. 1993. №3.
45. Гаузенблаз К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. М., 1976. Вып. 8.
46. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. М., 1995.
47. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. 196 с.
48. Головина Л. В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.
49. Горячева Т. В. К этимологии и семантике славянских метеорологических и астрономических терминов // Этимология 1988 – 1990. М., 1992. С. 36 – 44.
50. Гринфельд-Зингурс Т. Я. Природа в художественном мире М. М. Пришвина. Саратов, 1989.
51. Гришина Н. В. Концепт „вода” в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI – XX вв.). Дисс. ...канд. филол. наук. Саратов, 2002.
52. Гурочкина А. Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс. Межвуз. сб. науч. тр. Рязань, 1999. С. 12 – 15.
53. Гынзагова Л. Г. Характер и типы лексических различий в среднеобских говорах (к проблеме лексической типологии говоров малого ареала). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1984.
54. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. Сб. работ. / Сост. В. В. Петров; Пер. с англ. и под. ред. В. Герасимова. М., 1989. 310 с.
55. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17 – 33.
56. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., ИНИОН РАН. 2002. №3. С. 32 – 43.
57. Депутатов В. А. Текстовая номинация концепта «Человек – природа» (на материале научных англоязычных текстов) // Филология и культура. Материалы III Международной конференции. Часть 1. Тамбов. 2001. С. 55 – 56.

58. Деревяненко Т. А. О семантике слова «ветер» в произведениях В. А. Луговского // Филологические науки. Лингвистика. XXIX Герценовские чтения. Ленинград, 1977. 95 с.
59. Дмитриева Н. С., Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М. К вопросу о тематическом словаре русского языка // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции. Выпуск II. Часть II. Новосибирск, 1969. 208 с.
60. Дорлигийн А. Современный русский политический дискурс: лексико-семантический аспект (на материале языка российских газет 90-ых годов). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
61. Драчева С. И. Экспериментальное исследование национальной специфики концептуальной картины мира (на материале русского и алтайских языков). Дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1998.
62. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
63. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М. – Волгоград, 2003. 656 с.
64. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997.
65. Замятин Д. Н., Замятин А. Н. Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России. М., 1994.
66. Зенкова А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 39 – 54.
67. Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика / Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1987. 200 с.
68. Иванова Н. Д. Содержание и принципы филологического изучения пейзажа // Филологические науки. №5 – 6 1994. С.76 – 83.
69. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики. Екатеринбург – Омск, 1999.

70. Камалова А. А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск, 1998. 325 с.
71. Каменская О. Л. Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. М., 1996.
72. Караулов Общая и русская идеография. М., 1976. 356 с.
73. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
74. Карпенко А. И. Фольклорный мотив дороги в творчестве Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого // Филологические науки. 1980. № 1. С. 17 – 24.
75. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.). Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
76. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 33 – 43.
77. Касьянова В. М. Русская метеорологическая лексика (история и функционирование). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
78. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
79. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003. С. 151 – 239.
80. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2001. №6. С. 132 – 149.
81. Козыро Л. А. Развитие пейзажной лирики в русской поэзии последней трети XVIII века. Калуга, 1988.
82. Кондратенко М. М. Лексика народной метеорологии во владимиро-поволжских и брянских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 5. Л., 1989. С. 79 – 89.
83. Корнилов О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов. Дисс. докт. культурол. наук. М., 2000.
84. Костинский Ю. М. Иерихон футбольных трибун // Русская речь. 1968. №6. С. 52 – 59.
85. Клюканов И. Э. Структура и функции параграфемных элементов текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1983.
86. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994. 247 с.

87. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998. 352 с.
88. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. №3.
89. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1998. №1. С. 53 – 70.
90. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 34 – 47.
91. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке). Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1999. № 5 – 6. С. 3 – 12.
92. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
93. Кудрявцева Л. А. Метафорическое преобразование слова в современном русском языке // Филологические науки. М., 1988, №5. С. 62 – 66.
94. Курбатова С. А. Образы и представления мира природы в сознании русской языковой личности. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
95. Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2. Новосибирск, 2003. 210 с.
96. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990 (главы 1 – 6). С.387 – 415.
97. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. С. 12– 51.
98. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
99. Левин Ю. И. Структура русской метафоры / Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 457 – 463.
100. Левкиевская Е. А. компьютерные способы создания тезаурусов мифологических функций // WWW. RUTENIA. RU / FOLKLORE. 2001.

101. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия лит. и языка. Т. 52. №1. 1993. С. 3 – 9.
102. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 358 – 386.
103. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004. 256 с.
104. Мерзлякова А. Х. Типология адъективной метафоры // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора В. Г. Гака. Дубна, 2001. С. 104 – 117.
105. Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / Сост. и общ. ред. Ухвановой – Шмыговой И. Ф. Минск, 1998. 255 с.
106. Месхишвили Н. В. Экспрессивные средства письменной коммуникации. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.
107. Мистюк Т. Л. Тенденции семантической эволюции современного русского языка (на базе неологической метафоризации общеупотребительной лексики в газетной публицистике 1992 – 97 гг.). Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 1998.
108. Многозначность в лексике современного русского языка / Под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург, 1999. 446 с.
109. Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. 386 с.
110. Могила О. А. Метеорологическая лексика украинских говоров (лексико-семантическая, ареальная и генетическая характеристика). Дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.
111. Морковкин В. В. Идеографические словари. М., 1970. 71 с.
112. Мыркин В. Я. Язык – речь – контекст – смысл. Уч. пособие. Архангельск, 1994. 143 с.
113. Мягкова Е. Ю. Проблемы исследования метафоры // Языковое сознание. Формирование и функционирование. Сб.ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 1998. С. 123 – 128.
114. Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 21 – 32.

115. Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания, 1979, №1. С. 91 – 102.
116. Никитина С. Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978.
117. Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. ДОМ в свадебных причитаниях и духовных стихах. Опыт тезаурусного описания. М., 2000.
118. Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. Тезаурусное описание фольклорного слова в жанровых проекциях (сопоставление лексики духовных стихов и свадебных причитаний) // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996.
119. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
120. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 65 – 77.
121. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 68 – 78.
122. Осколкова Н. В. Особенности структуры эстетического поля денотативного класса «ВЕТЕР» (на материале русской поэзии xviii–xx веков). Дисс. ... канд. филол. наук. Северодвинск, 2004.
123. Паршин П. Б. Исследование практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. Сб-к статей / Отв. ред. А. И. Новиков. М., 2001. С. 181 – 209.
124. Пауткин А. А. Природные явления в русских летописях XI–XIV вв. (традиционная стилистика и образность) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1992. №4. С. 18 – 27.
125. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу. // Вопросы языкознания. 1990. №3. С. 135 – 146.
126. Петров В. В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте / Под ред. В. Н. Телии. М., 1988. С.165 – 170.
127. Петрова Н. В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. 2003. №6. С. 123 – 131.

128. Пименова Е. Е. Религиозные признаки концепта *небо* // *Ethnohermeneutik und antropologie. Band 10 / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau. 2004. С. 210 – 213.*
129. Пойда О. Б. Лексико-семантические связи слов, называющих явления природы, в брянских говорах. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
130. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
131. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989. 197 с.
132. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.
133. Попова Н. С. Мифопоэтический концепт как вид когнитивной метафоры (на материале русских и немецких наименований времен года). Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000
134. Потехня А. А. Из лекций по теории словесности. Лекция восьмая // *Русская словесность: Антология. М., 1997.*
135. Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2002. 432 с.
136. Программа собирания сведений для региональных словарей и атласов. Метеорологические явления. Астрономия. Календарь. Земная поверхность. Растительные формы. Растительный, животный мир. Семантическая структура слова. / Сост. И. А. Попов. М., 1987. 62 с.
137. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.
138. Пыхтеева А. А. Названия ветров в говорах Среднего Прииртышья // *XXX Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика. Научные доклады. Ленинград, 1977. С. 56 – 60.*
139. Раков Ю. А. Сокровища античной и библейской мудрости. СПб, 2000. 360 с.
140. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // *Семантика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 36. М., 1998. С. 274 – 323.*
141. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. Изд. 2. М., 2002. С.370 – 390.*

142. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
143. Ричардс Айвор А. Философия риторики // Теория метафоры: Сб-к / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 44 – 67.
144. Романов А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход М. – Тверь, 2002. 191 с.
145. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2002. 78 с.
146. Рудин А. М. Вакуум // Большая советская энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3. Том 4. М., 1971.
147. Русские народные легенды. М., 1990.
148. Рут М. Звезды рассказывают о Земле. Свердловск, 1990. 47 с.
149. Рут М. Русская народная астрономия. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1975.
150. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.)». Дисс. ... канд. филол. наук. 2002.
151. Санченко Л. А. Природа в художественном сознании Державина, Карамзина и раннего Жуковского (к проблеме эволюции образного мышления). М., 1989.
152. Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2. М., 2001. 702 с.
153. Симашко Т. В. Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1984.
154. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. 151 с.
155. Складаревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики. Раздел 2. Языковая метафора как категория лексикологии. Институт рус. яз. АН СССР. М., 1988. 54 с.
156. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. 180 с.
157. Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000. 226 с.
158. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 120 с.

159. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и в стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002. 383 с.
160. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. Изд. 2. М., 2002. 480 с.
161. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
162. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний. Сб. научно-аналитич. обзоров. М., 1992. С. 97 – 123.
163. Стам И. С. Газетный заголовок: соотношение логического и эмоционального в свете социальной психологии // Вопросы стилистики. Саратов, 1982. С. 32–46.
164. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
165. Степанов В. Н. Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации. СПб., 2003. 257 с.
166. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. 271 с.
167. Степанов Ю. С. Семиотика концептов / Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2. М., 2001. С. 603 – 613.
168. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
169. Супрун-Белевич Л. Р. Метеорологическая лексика в славянских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1987.
170. Суспицына И. Н. Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.
171. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. Ред. Л. П. Крысин. М., 2003. 568 с.
172. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26 – 52.
173. Телия В. Н. Типы языковых значений. М., 1981.
174. Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. 512 с.
175. Тильман Ю. Д. Культурные концепты в языковой картине мира (поэзия Ф. И. Тютчева). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
176. Толстой Н. И. Диалектология в этнолингвистической перспективе // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.

177. Толстой Н. И. Из географии славянских слов. 1. «дождь», 2. «саламандра» // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 140 – 155.
178. Топорова Т. В. Об архетипе «воды» в древнегерманской космогонии // Вопросы языкознания. 1996. №6. С. 91 – 100.
179. Убийко В. И. К методике семантического исследования метафоры // Системные отношения в лексике и методы их изучения. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1977. С. 80 – 84.
180. Феденева Ю. Б. Метафорическое моделирование в агитационно-политических текстах // Многозначность в лексике современного русского языка. / Под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург, 1999. С. 304 – 355.
181. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук Екатеринбург, 1998.
182. Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе (на материале русского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск. 2003.
183. Фрумкина Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. №2.
184. Харрис Р. Секреты воздействия: Психология массовых коммуникаций. СПб., 2002.
185. Хахалова С.А. Модель, концепт, метафора // Вопросы языковой политики и языкового планирования в условиях информационного общества: Тезисы докладов Международной научной конференции. Иркутск, 2001. С. 130 – 134.
186. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск, 1998. 249 с.
187. Хромых Г. С. Опыт моделирования метонимического переноса наименования (на материале пространственной лексики русского и английского языков) // Системные отношения в лексике и методы их изучения. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1977. С. 84 – 87.
188. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. Изд. 2. М., 2002. С. 340 – 370.

189. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: Сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. №2. С. 68 – 78.
190. Черкасова Е. Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора) // Вопросы языкознания, 1968, №2. С. 28 – 38.
191. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. 2003. №3 С. 68 – 76.
192. Чжин Ем Су. Метафора в газетном тексте (на материале русской прессы конца XX в.). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
193. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
194. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Уч. пособие. Екатеринбург, 2003. 194 с.
195. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
196. Шайхулов А.Г. Некоторые вопросы системного исследования апеллятивных и топонимических единиц (на материале языков Урало – Поволжья) // Методы топонимических исследований. Вып. 6. Свердловск, 1983. С. 35 – 41.
197. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. Волгоград, 2000. 368 с.
198. Шибанова Е. О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1999.
199. Шитикова Е. В. Процесс формирования метафорического значения: когнитивный аспект. Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул. 2002.
200. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русск. яз.). М., 1973. 260 с.
201. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной... М., 1990.
202. Юрковская Е. А. Функционально-прагматический и концептуальный аспекты идиом в дискурсе редакторской статьи. Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
203. Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова / Отв. Ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М., 2001. 600 с.
204. Vardin L. Le texte et limage // Communication et langages. 1975. №26.

205. Ethnohermeneutik und antropologie. Band 10 / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau. 2004. 644 с.

206. Karlavaris B. Semiotisch Aspekte bei der Illustration von Schulbüchern // Didaktische Typographie. Leipzig, 1984.

207. Sauerbier S. D. Wörter bildlich / Bilder wörtlich. Schrift und Bild als Text Probleme der Wort / Bild – Correlation // Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Tübingen, 1978.

208. Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001 / Отв. ред. А. И. Новиков. М., 2001. 360 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991. 193 с.

2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

3. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995. 820 с.

4. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999. 704 с.

5. Жюльен Н. Словарь символов. Челябинск, 2000. 500 с.

6. Караулов Ю. Н. Минимальный идеографический словарь. М., 1976.

7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. Ред Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

8. Культура и культурология: Словарь / Сост. и ред. А. И. Кравченко. Екатеринбург, 2003. 928 с.

9. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / В. В. Морковкин, Н. О. Беме, И. А. Дорогонова, Т. Ф. Иванова, И. Д. Успенская. / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984. 1168 с.

10. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. 416 с.

11. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1994. 924 с.

12. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Том 8. Вселенная / Ред. А. Рой. М., 2000. 196 с.

13. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Том 1. Физический мир / Ред. В. Фукс. М., 2000. 372 с.
14. Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М., 2002. 576 с.
15. Толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы: Проспект / Авт.-сост. Л. Г. Бабенко, М. Л. Кусова, Т. В. Попова, Н. А. Дьячкова, Ю. В. Казарин, М. Ю. Мухин, А. М. Плотникова и др. Екатеринбург, 2001. 120 с.
16. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. 784 с.
17. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1, 2000. 807 с.
18. Саяхова Л. Г., Хасанова Д. М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 2000. 560 с.
19. Солганик Г. Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. М., 2002. 752 с.
20. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3. М., 2004. 992 с.
21. Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. Уфа, 1998. 232 с.
22. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. 224 с.
23. Электронная энциклопедия. Mega. KM. ru.
24. Słownik stereotypów i symboli ludowych. Tom 1/ Kosmos. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie. Lubliń 1996 Tom 1. Kosmos. Ziemia, woda, podziemie. Lubliń. 1999.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аргументы и факты (АиФ)

Век

Версия

Высокогорский горняк (ВГ)

Журналист

Завтра

Известия

Коммерсант-власть

Комсомольская правда (КП)

Консерватор

Континент

Лимонка

Новая газета (НГ)

Новое время (НВ)

Общая газета (ОГ)

Правда

Российская газета (РГ)

Россия

Эко

Эксперт